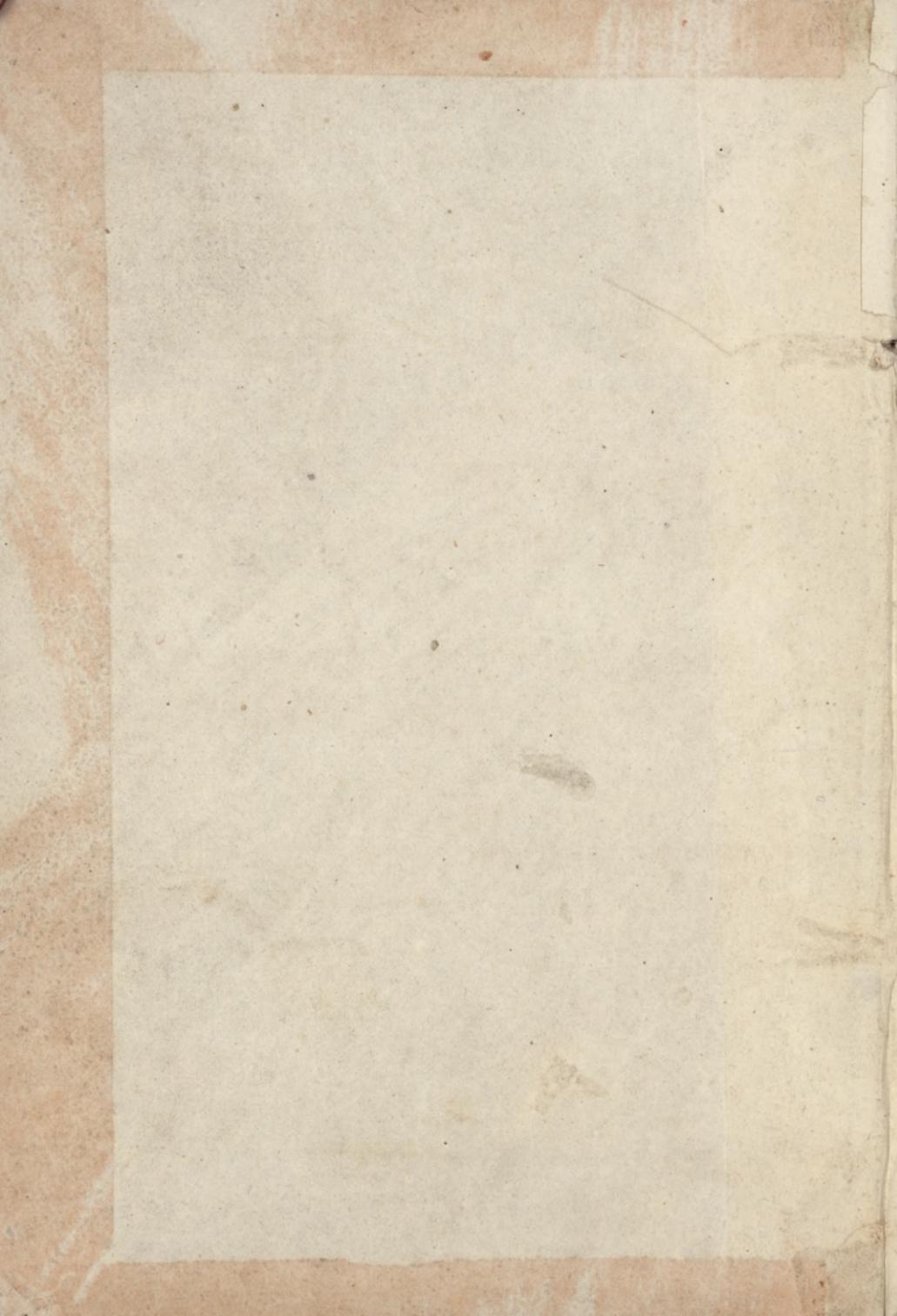

НАГРАДА

Награда

Данна сия Райковой

Марии ценной Помощни-
ца 1 класса Рязанского го-
сударя Двухклассного Училища
за отличное учение и благ-
оуправное поведение в 1894 учеб-
ном году.

Г. Рязань 5 Июня 1894 г. года

Исполнитель В. П. П.

Удостоверено М. Райкова
М. С. С.

2

6791 36

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРЕСТОМАІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ,

приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ
и наглядному знакомству съ предметами природы.

ИЗДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

(Окончательно исправленное и дополненное, съ 105 рисунк. въ текстѣ)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1894.

151185

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 августа 1893 г.

Бумага, на которой печатается „Дѣтскій Миръ“, снабжена водяными знаками: Изданіе Н. С. Ушинской.

Въ типографіяхъ: Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8—листы 1, 2, 11, 12,
13, 14, 15, 16, $\frac{1}{2}$ 17, $\frac{1}{8}$ 18 и обертка.

Товар. «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39—листы 3, 4,
5, 6, 7, 8, 9 и 10.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ДѢТСКИМЪ МІРОМЪ.

ДѢТИ ВЪ РОЩѢ.

1. Двое дѣтей, братъ и сестра, отправились въ школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тѣнистой рощи. На дорогѣ было жарко и пыльно, а въ рощѣ прохладно и весело.

„Знаешь ли что?“ сказала братъ сестрѣ: „въ школу мы еще успѣемъ. Въ школѣ теперь и душно, и скучно, а въ рощѣ должно быть очень весело. Послушай, какъ кричатъ тамъ птички; а бѣлокъ-то, бѣлокъ сколько прыгаетъ по вѣткамъ! Не пойти ли намъ туда, сестра?“

2. Сестрѣ понравилось предложеніе брата. Дѣти бросили азбуки въ траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, подъ кудрявыми березками. Въ рощѣ точно было весело и шумно. Птички перепархивали безпрестанно, пѣли и кричали; бѣлки прыгали по вѣткамъ; насѣкомыя суетились въ травѣ.

3. Прежде всего дѣти увидѣли золотого жучка.

„Поиграй-ка съ нами“, сказали дѣти жуку.

— Съ удовольствіемъ бы, отвѣчалъ жукъ, — но у меня нѣтъ времени: я долженъ добыть себѣ обѣдъ.

„Поиграй съ нами“, сказали дѣти желтой, мохнатой пчелкѣ.

— Некогда мнѣ играть съ вами, отвѣчала пчелба: — мнѣ нужно собирать медъ.

„А ты не поиграешь ли съ нами?“ спросили дѣти у муравья. Но муравью некогда было ихъ слушать: онъ тащилъ соломинку втрое больше себя и спѣшилъ строить свое хитрое жилие.

4. Дѣти обратились-было къ бѣлкѣ, предлагая ей также поиграть съ ними; но бѣлка махнула пушистымъ хвостомъ и отвѣчала, что она должна запастись орѣхами на зиму. Голубь сказалъ: „я строю гнѣздо для своихъ маленькихъ дѣтокъ“. Сѣренькій зайчикъ бѣжалъ къ ручью умыть свою мордочку. Вѣлому цвѣтку земляники также некогда было заниматься дѣтми; онъ пользовался прекрасной погодой и снѣшилъ приготовить къ сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Дѣтямъ стало скучно, что всѣ заняты своимъ дѣломъ и никто не хочетъ играть съ ними. Они подбѣжали къ ручью. Журча по камнямъ, пробѣгалъ ручей черезъ рошу.

„Тебѣ ужъ вѣрно нечего дѣлать?“ сказали ему дѣти: „поиграй же съ нами!“

— Какъ! мнѣ нечего дѣлать? прожурчалъ сердито ручей: — ахъ, вы, лѣнвивыя дѣти! Посмотрите на меня: я работаю днемъ и ночью, и не знаю ни минуты покою. Развѣ я не пою людей и животныхъ? Кто же, кромѣ меня, моетъ бѣлье, вертитъ мельничныя колеса, носитъ лодки и тушитъ пожары? О, у меня столько работы, что голова идетъ кругомъ! прибавилъ ручей и принялся журчать по камнямъ.

6. Дѣтямъ стало еще скучнѣе и они подумали, что имъ лучше было бы пойти сначала въ школу, а потомъ ужъ, идучи изъ школы, зайти въ рошу. Но въ это самое время мальчикъ примѣтилъ на зеленой вѣткѣ крошечную, красивую малиновку. Она сидѣла, казалось, очень спокойно и отъ нечего дѣлать насвистывала прелеселую пѣсенку.

„Эй, ты, веселый запѣвало!“ закричалъ малиновкѣ мальчикъ: „тебѣ-то ужъ, кажется, ровно нечего дѣлать; поиграй же съ нами“.

— Какъ, просвистала обиженная малиновка: — мнѣ нечего дѣлать? Да развѣ я цѣлый день не ловила мошекъ, чтобы накормить моихъ малютокъ! Я такъ устала, что не могу поднять крыльевъ; да и теперь убаюкиваю пѣсенкой моихъ милыхъ дѣтокъ. А вы что дѣлали сегодня, маленькіе лѣнвивцы? Въ школу не пошли, ничего не выучили, бѣгаете по рошѣ, да еще мѣшаете другимъ

дѣло дѣлать. Идите-ка лучше, куда васъ послали, и помните, что только тому пріятно отдохнуть и поиграть, кто поработалъ и сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать.

Дѣтямъ стало стыдно: они пошли въ школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ДѢТИ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

ГЛАВА I.

Школа.

1. Въ понедѣльникъ утромъ Ваня и Коля проснулись очень рано. Поспѣшно встали они, одѣлись, помолились Богу и позавтракали. Давно ужъ ждали дѣти дня, когда имъ въ первый разъ придется отправиться въ школу: день этотъ наконецъ насталъ.

„Ведите же себя, какъ слѣдуетъ добрымъ и умнымъ дѣтямъ: слушайте учителя и учитесь прилежно“, сказала Ванѣ и Колѣ ихъ добрая мать, и велѣла кухаркѣ Аннѣ отвести дѣтей въ школу.

2. Черезъ полчаса Анна остановилась съ дѣтьми у сѣраго длиннаго дома. Вверху надъ окнами, на большой черной доскѣ, Ваня прочелъ крупную надпись „училище“. Было еще рано. Дверь школы была заперта. Анна дернула за колокольчикъ. Съдой, уса-тый старикъ, въ солдатской шинели, отперъ дверь. Это былъ сторожъ Потапычъ. Въ рукахъ у сторожа была метла и тряпка.

„Что такъ рано?“ спросилъ онъ; но, замѣтивъ, что это были *новички*, прибавилъ: „классы начинаются въ восемь часовъ, а теперь еще только семь; придется вамъ подождать, голубчики“.

Дѣти пошли за Потапычемъ въ переднюю, гдѣ у стѣны стояла длинная вѣшалка со множествомъ колышковъ. Анна помогла дѣтямъ раздѣться, общала придти за ними, когда кончатся классы, и проворно побѣжала на рынокъ за провизіей.

3. Потапычъ ввелъ дѣтей въ классъ, сказалъ имъ, чтобы они сѣли на скамью и сидѣли смирно, а самъ сталъ подметать полъ. Въ классѣ, кромѣ Потапыча, Вани и Коли, никого еще не было. Дѣти, сидя на скамьѣ, робко посматривали на незнакомые для

нихъ предметы. Комната, гдѣ помѣщался классъ, была большая и высокая. Въ ней дѣти насчитали трое дверей и шесть оконъ. Стѣны были обиты желтыми обоями, потолокъ выбѣленъ чисто; но на полу было уже много чернильныхъ пятенъ. Въ одномъ углу стояла большая печь, въ другомъ, переднемъ, висѣла икона.

4. Больше всего удивлялися дѣти множеству длинныхъ, черныхъ скамеекъ. Большая половина класса была заставлена ими. Скамейки и столы стояли рядами. Такой мебели Ваня и Коля никогда еще не видали. Скамейки были придѣланы къ столамъ, крышки у столовъ—покатыя, подъ крышками—ящики, а на верху столовъ были вдѣланы большія оловянные чернильницы, куда Потапычъ только-что налилъ свѣжихъ чернилъ. Впереди, на небольшомъ возвышеніи, стояли столъ и стулъ, вѣроятно, для учителя; а возлѣ стояла на трехъ высокихъ ножкахъ—большая черная доска. На доскѣ еще оставались слѣды мѣлу.

5. Потапычъ подмелъ полъ, смахнулъ пыль со скамеекъ и столовъ и чисто-на-чисто вытеръ классную доску. Потомъ онъ принесъ нѣсколько кусковъ мѣлу, губку, полотенце— и пошелъ убирать другой классъ. Уходя, Потапычъ отворилъ дверь, и дѣти увидѣли, что въ другой комнатѣ было все то же: длинныя черныя скамьи для учениковъ, кафедра для учителя, классная доска и, вдобавокъ, на стѣнѣ висѣла географическая карта.

Г Л А В А II.

Товарищи и учитель.

1. Ваня и Коля не долго оставались одни. Скоро раздался громкій звонокъ: Потапычъ отперъ дверь—и въ классъ съ шумомъ и крикомъ вбѣжала толпа дѣтей.

„А, новички! новички!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Въ ту же минуту ученики окружили нашихъ пріятелей и осыпали ихъ вопросами: „это вы? чьи вы? какъ васъ зовутъ? сколько вамъ лѣтъ? гдѣ вы живете? умѣете-ли читать и писать? въ который классъ поступаете?“

2. Ваня и Коля не успѣвали отвѣчать. Они никогда не ви-

дали такого множества дѣтей и невольно робѣли, тѣмъ болѣе что не всѣ спрашивали ихъ ласково. Одинъ большой и, должно быть, очень злой мальчикъ успѣлъ даже толкнуть Ваню. Къ счастію нашихъ новичковъ, скоро пробило 8 часовъ и въ школу пришли учителя. Лишь-только ученики завидѣли учителей, какъ тотчасъ же разбѣжались по классамъ и усѣлись каждый на свое мѣсто. Ваня и Коля одни стояли между скамейками: у нихъ еще не было своихъ мѣстъ.

3. Въ классъ, гдѣ были Ваня и Коля, вошелъ учитель русскаго языка. Это былъ человекъ еще не старъй, невысокаго роста, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами. Онъ поздоровался съ учениками и велѣлъ одному изъ нихъ прочесть молитву. Ученикъ прочелъ внятно и громко „Молитву предъ ученіемъ“. Ваня и Коля молились очень усердно и просили Бога, чтобы Онъ благословилъ начало ихъ ученія. Послѣ молитвы всѣ сѣли, а учитель подзвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ. Онъ спросилъ у нихъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, умѣютъ ли читать и писать, кто ихъ родители, гдѣ они живутъ. Потомъ учитель заставилъ дѣтей прочесть немного изъ книги, сказать наизусть двѣ-три молитвы и написать на доскѣ нѣсколько строкъ. Дѣти читали хорошо, знали молитвы твердо, писали порядочно. Учитель, казалось, остался ими доволенъ: вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ въ ней имена двухъ новыхъ учениковъ: Ивана и Николая Почининыхъ, дѣтей вдовы Почининой, съ отмѣткою, что Ивану девять, а Николаю восемь лѣтъ.

4. „Хорошо!“ сказалъ потомъ учитель Ванѣ и Колѣ: „видно, что и дома вы не теряли времени даромъ, когда выучились читать, писать и молиться. Продолжайте же учиться прилежно; будьте внимательны въ классѣ; думайте о томъ, что читаете; слушайте также, о чемъ я спрашиваю и что объясняю; замѣчайте все, что дѣлается въ классѣ. Послѣ класса я спрошу у васъ, что вы замѣтили“.

Потомъ учитель указалъ дѣтямъ ихъ мѣста на первой скамейкѣ, гдѣ сидѣли самыя маленькіе.

Г Л А В А Ш.

Что дѣлается въ классѣ.

1. Урокъ начался чтеніемъ. Учитель требовалъ, чтобы ученики читали внятно, громко, не торопясь, и произносили каждое слово, какъ слѣдуетъ. Когда кто-нибудь ошибался, учитель съ охотою поправлялъ. Но видно было, что онъ не любилъ поправлять въ третій и четвертый разъ одно и то-же. Всякое непонятное слово учитель немедленно объяснялъ. Онъ не только не сердился, когда его спрашивали, что значить какое-нибудь слово, но даже былъ этимъ очень доволенъ.

2. Когда одинъ изъ учениковъ прочиталъ нѣсколько строкъ, учитель сталъ спрашивать о томъ, что было прочитано и объяснено; кто читалъ и слушалъ со вниманіемъ, тотъ и отвѣчалъ хорошо; кто былъ разсѣянъ, тотъ и отвѣчалъ дурно; однихъ учитель хвалилъ, другимъ дѣлалъ выговоръ.

3. Ваня и Коля замѣтили, что одни отвѣты учитель называлъ *полными*, а другіе *неполными*. Такъ онъ спросилъ у одного ученика: „почему Господа называютъ Создателемъ?“ Ученикъ отвѣчалъ: „потому что Онъ создалъ міръ“. Учитель назвалъ этотъ отвѣтъ *неполнымъ*, спросилъ другого ученика, и тотъ отвѣчалъ: „Господа называютъ Создателемъ, потому что Онъ создалъ міръ“. Учитель назвалъ такой отвѣтъ *полнымъ*. Ваня и Коля поняли, что въ полномъ отвѣтѣ долженъ быть повторенъ вопросъ.

4. Когда все прочитанное и объясненное было повторено учениками, тогда стали продолжать чтеніе. За чтеніемъ опять послѣдовали вопросы и объясненія. Раза три или четыре учитель обращался съ вопросами къ Ванѣ и Колѣ. Наши знакомцы слушали внимательно и потому отвѣчали очень хорошо. Такъ былъ прочтенъ и объясненъ весь рассказъ.

5. Чтеніе кончилось. Ученики вынули грифельныя доски. Учитель написалъ на большой классной доскѣ нѣсколько вопросовъ и сказалъ ученикамъ, чтобы они на своихъ доскахъ написали отвѣты. У Вани и Коли не было грифельныхъ досокъ и они не могли писать. Одинъ изъ учениковъ писалъ отвѣты мѣломъ на большой классной доскѣ. Учитель поправилъ и требовалъ, чтобы

каждый ученикъ сдѣлалъ то же на своей доскѣ. Пересматривая доски учениковъ, учитель хвалилъ тѣхъ, у кого всѣ ошибки были исправлены.

6. Когда отвѣты на вопросы были написаны, учитель сталъ спрашивать урокъ. Къ этому классу было задано выучить на память небольшую басню. Многіе отвѣчали отлично: безъ ошибки, ясно, громко и выразительно; объясняли каждое слово, когда учитель спрашивалъ. Видно было, что они въ прошедшій классъ слушали внимательно и дома прочитали нѣсколько разъ заданную на урокъ басню. Такихъ учениковъ учитель называлъ *прилежными*. Но нашлись и такіе лѣнливые ученики, которые почти ничего не знали. Ваня и Коля замѣтили, что урокъ не знали тѣ-же ученики, которые были невнимательны въ классѣ.

7. Объяснивъ новый урокъ, учитель приказалъ ученикамъ вынуть тетради и приготовить перья. Ваня и Коля замѣтили, что учитель хвалилъ тѣхъ, у кого тетрадки и книги были чисты и неизмяты, и очень былъ недоволенъ, когда увидалъ, что у одного ученика тетрадь была не сшита, а книга запачкана и измята.

„Хорошій ученикъ“, сказалъ при этомъ учитель, „долженъ быть внимателенъ въ классѣ, прилежно повторять уроки дома; а книги и тетради держать въ чистотѣ и порядкѣ“.

8. Едва успѣлъ учитель продиктовать объясненную имъ въ классѣ басню, какъ зазвонилъ колокольчикъ. Наши новички и не замѣтили, какъ кончился классъ. Много новаго узнали они безъ всякаго труда и чувствовали, что стоитъ имъ раза два прочесть заданный урокъ, и они будутъ знать его очень твердо. „Вотъ что значитъ быть внимательнымъ въ классѣ“, подумали они, „и вотъ почему учитель хочетъ, чтобы всѣ были внимательны“.

9. Послѣ класса учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ и сталъ у нихъ спрашивать, что они замѣтили. Ваня и Коля рассказали ему все, что дѣлалось въ классѣ: кого учитель спрашивалъ, чѣмъ онъ былъ доволенъ и чѣмъ недоволенъ. Учитель похвалилъ дѣтей за вниманіе и сказалъ имъ, что если они всегда будутъ такъ же вести себя въ классѣ, какъ въ этотъ разъ, то скоро сдѣлаются хорошими учениками.

З И М А.

1. Зимой солнышко хоть и свѣтитъ, но мало грѣетъ. Оно не долго остается на небѣ. Зимніе дни гораздо короче лѣтнихъ, а ночи длиннѣе. Въ Россіи зимы продолжаются долго и бываютъ иногда очень холодны. Рѣки и озера замерзаютъ, такъ-что по льду можно ходить и ѣздить. Земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ очень полезенъ, потому что подъ нимъ и въ сильные морозы сохраняются невредимо сѣмена травъ, цвѣтовъ и хлѣбовъ. Безъ снѣга сѣмена могли бы вымерзнуть.

2. Листъ еще въ концѣ осени опадаетъ съ деревьевъ, и березовая и дубовая роща, тѣнистая лѣтомъ, къ зимѣ становится прозрачною. На голыхъ сучьяхъ, вмѣсто листьевъ, развѣшиваются хлопья мягкаго, бѣлаго снѣгу. Однѣ только ели и сосны зелены зимою. На нихъ всю зиму остаются зеленныя иголки или *хоои*. Деревья, съ хвоею вмѣсто листьевъ, называются *хвойными*. Деревья, одѣтыя листьями, — *лиственными*.

3. Зимой гораздо менѣе птицъ въ лѣсахъ и звѣрей въ поляхъ, а насѣкомыя совсѣмъ исчезаютъ. Иныя изъ нихъ погибаютъ, оставляя яички, другія забираются глубоко въ землю, какъ напр. муравьи. Нѣкоторыя насѣкомыя засыпаютъ на зиму и просыпаются только весною, когда земля оттаетъ. (Что дѣлается зимою съ мухами?) Многія птицы улетаютъ на зиму въ теплыя края, иногда за тысячи верстъ. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидаютъ насъ еще съ осени. Дикіе гуси, утки, лебеди еще съ осени тянутся по небу съ сѣвера на югъ длинными вереницами. Онѣ очень хорошо чувствуютъ, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и ищутъ такихъ странъ, гдѣ не бываетъ зимы. (Знаете-ли вы, какія это страны?) Такихъ называютъ перелетными. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуютъ съ нами и потому называются *зимующими*. Остаются также и воробьи въ своихъ теплыхъ гнѣздахъ; но и тѣ зимою прыгаютъ не такъ весело, какъ лѣтомъ.

4. Звѣри, большею частію, также скрываются на зиму въ берлоги, норы и дупла деревьевъ. Иные засыпаютъ на самое холодное время,

какъ напр.: ежъ, медвѣдь, байбакъ, сурокъ. Но бѣлка не засыпаетъ: она приберегла себѣ съ осени хорошій запасъ орѣховъ въ душлѣ дерева и грызетъ ихъ цѣлую зиму. Животныя, засыпающія на зиму, называются *зимоспящими*. Домашнія животныя: лошади, коровы и овцы, погибли бы зимою отъ голода и холода, если бы человѣкъ не выстроилъ для нихъ теплыхъ хлѣвовъ и конюшенъ и не приготовилъ сѣна и овса.

5. При наступленіи зимы человѣкъ старается устроиться по зимнему. Онъ вставляетъ двойныя рамы въ окна, сильно топить печи, надѣваетъ теплое платье, прячетъ колесные экипажи до весны и выдвигаетъ изъ сарая сани. (Что у саней вмѣсто колесъ?) Зимняя дорога гораздо легче лѣтней, и потому зимою по всѣмъ дорогамъ тянутся обозы съ разными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бѣжитъ, побрякивая колокольчикомъ; даже деревенская кляча—и та зимой прибавляетъ шагъ. Сани легко, со скрипомъ, скользятъ по снѣгу. Полевныя работы прекращаются еще осенью. Но крестьяне безъ работы не остаются и зимою: когда они перемолотятъ хлѣбъ, то идутъ на заработки; нанимаются на *фабрики* или пускаются въ извозъ. Женщины зимою прядутъ и ткутъ. Вотъ почему крестьяне такъ весело похлопываютъ рукавицами, когда первый снѣгъ закроетъ кочки и лужи и ляжетъ гладкимъ первопуткомъ. Мальчики тоже рады первому снѣгу. Пришла для нихъ пора играть въ снѣжки, лѣпить бабъ, кататься на салазкахъ и на конькахъ. Свѣчей въ домахъ и лучины въ избахъ горитъ зимою гораздо болѣе, чѣмъ лѣтомъ (почему?).

6. Весело зимою, особенно, когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ милліоны искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье, кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ ярко пылающимъ огонькомъ печи и спокойно ждать сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику нищему? Не смотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и *ради Христа* выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба. На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, лапти его худы, армякъ весь

въ дырахъ; голосъ его дрожить отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпного старика: бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуетъ себѣ въ окоченѣвшіе пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ, что можете! Лучше отказаться отъ новой игрушки или какихъ-нибудь сластей и подать милостыню бѣдняку.

7. Но не всегда же зимою свѣтлые дни: бываютъ и метели. Когда подымется вьюга, то сильный вѣтеръ несетъ хлопья снѣгу и, свистя и завывая, крутитъ его въ воздухѣ. Въ иную метель, какъ говорится, *зи не видно*: въ десяти шагахъ нельзя различить человѣка, и нѣтъ ничего легче, какъ сбиться съ дороги въ такую непогодь. Не бѣда еще, если нѣтъ сильного мороза и путешественникъ успѣетъ забиться въ сугробъ снѣгу: подъ снѣгомъ тепло. Но если вьюга и морозъ, тогда не мудрено и замерзнуть. Какъ отрадно въ такую погоду добраться до деревни! Хотя ее занесло снѣгомъ, хотя избы въ ней и черны, но за то въ нихъ тепло. Добрый крестьянинъ радушно встрѣчаетъ иззябшаго, неожиданнаго гостя и угощаетъ его, чѣмъ Богъ послалъ. У насъ нерѣдко зимою замерзаютъ бѣдные люди или отмораживаютъ себѣ носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучіе* морозы бываютъ обыкновенно посреди зимы, около Крещенія, почему ихъ и называютъ *крещенскими*. Большіе морозы трескучими называются потому, что отъ нихъ иногда лопаются и трещатъ бревна въ стѣнахъ домовъ. Въ такой холодъ, говорятъ, даже птицы замерзаютъ въ воздухѣ и падаютъ на землю. Зиму, въ которой много бываетъ сильныхъ морозовъ, крестьяне зовутъ *мотою*, т. е. очень злою.

ВЕСНА.

1. День начинаетъ замѣтно прибавляться еще съ половины декабря; а къ 9-му марта онъ займетъ уже половину сутокъ. Начало весны потому и считается съ 9-го марта. Солище весною не только дольше остается на небѣ, но и грѣетъ съ каждымъ днемъ замѣтно сильнѣе. Снѣгъ начинаетъ мало-по-малу таять и вода

ручейками сбѣгаетъ съ земли въ рѣки и озера. (Откуда берется эта вода?). Скоро и ледъ на рѣкахъ уступаетъ вліянію лучей солнца. По берегамъ рѣкъ появляются большія *полянны*. Пройдетъ еще съ недѣлю—и весь ледъ подымется прибывающей водою, почернѣетъ, начнетъ ломаться и рыхлыя льдины понесутся по теченію рѣки. Воды въ рѣкѣ въ это время прибываетъ столько, что она не можетъ помѣститься въ берегахъ: выступаетъ и разливается по окрестнымъ лугамъ. Разливъ рѣкъ зовутъ *водопольемъ*. Иная рѣченка, такая маленькая, что лѣтомъ ее переходили въ бродъ, въ водополье разливается на пять, на шесть верстъ и болѣе. Наша Волга-матушка, въ которую вливаются тысячи рѣкъ и рѣченочекъ, разливается весной, словно море. Люди спѣшатъ воспользоваться недолгимъ богатствомъ воды, — и большія барки, нагруженные товарами, ходятъ весной тамъ, гдѣ лѣтомъ чуть не бродятъ куры.

На поляхъ появляются сначала *проталины*; но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается изъ-подъ снѣга. Пройдетъ еще недѣля, другая—и снѣгъ остается развѣ гдѣ-нибудь въ глубокомъ оврагѣ, куда не заглядываетъ солнце. Небо становится все синѣе, а воздухъ все теплѣе.

2. Еще не весь снѣгъ сойдетъ, когда тамъ и сямъ начнетъ уже показываться, возлѣ старой, пожелтѣвшей травы, новая, ярко-зеленая травка. На поляхъ, гдѣ крестьяне еще съ осени засѣяли рожь или пшеницу, подымается и зеленѣетъ *озимь*, словно зеленый бархатъ. Вмѣстѣ съ травкою появляются и первые цвѣты. Голубенькій подснежникъ пробивается въ лѣсахъ изъ-подъ прошлогодняго листа. Появляется кое-гдѣ и желтый одуванчикъ, тотъ самый, что со временемъ надѣнетъ свою пушистую, бѣлую шапочку, круглую, какъ шаръ, и до того легкую, что стоитъ только на нее дунуть,—и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются отъ зимняго сна и, разогрѣтыя солнышкомъ, наполняются соками. Если прорубить въ это время кору березы или клена, то изъ-подъ нея закаплетъ сладкій и душистый сокъ.

Почки листьевъ подготовлены деревомъ еще съ осени. Всю зиму оставались оцѣ въ одномъ положеніи и были едва замѣтны,

теперь же онѣ начинаютъ быстро наливаясь, расти, скидать свою коричневую шелуху и развѣртываться въ зеленые листья. На вербѣ появляются пушистые цвѣты или барашки. Вы, вѣроятно, замѣтили ихъ на вербовыхъ вѣткахъ въ Вербное воскресенье? (Когда бываетъ Вербное воскресенье?). Потомъ появляются чуть замѣтные липкіе и душистые листья березы. Прошло еще дней десять, и кудрявая, ярко-зеленая березка, съ бѣлымъ опрятнымъ стволомъ своимъ, стоитъ разубранная, будто на праздникъ: веселая, яркая, душистая. За березой спѣшить распуститься липа, ольха, дубъ. *Ланчатые* листья клена не заставляютъ долго ждать себя. Кустарники и деревья другъ передъ другомъ спѣшать приварядиться на праздникъ весны. Сначала зелень на деревьяхъ кажется жидкою, потому что листочки еще очень малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-гдѣ просвѣчиваетъ еще черная земля. Но листочки и трава растутъ быстро,—къ маю все зазеленѣетъ: рощи снова станутъ непроглядными, а на поляхъ зацвѣтутъ тысячи цвѣтовъ. Зимой не царствуетъ разнообразіе: все одинъ и тотъ же снѣгъ. Но весною каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянетъ голубенькій глазокъ незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ея не было; то заблестятъ въ зелени бѣленькіе цвѣточки земляники, изъ которыхъ къ концу весны выйдутъ сочныя, красныя ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются бѣлыми и бѣло-розовыми цвѣтами. Все празднуетъ весну, все цвѣтетъ и благоухаетъ.

Не вездѣ весна начинается въ одно и то-же время. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ и весна становится раньше. Въ *Крыму* уже въ февралѣ рвутъ цвѣты, а въ *Архангельскѣ* и въ апрѣлѣ можно отморозить носъ.

3. Птицъ, вмѣстѣ съ весною, появляется множество. (Откуда онѣ возвращаются къ намъ? Почему онѣ улетаютъ на зиму?). Первые прилетаютъ грачи и крикомъ своимъ напоминаютъ, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9-го марта. Но вотъ и жаворонокъ, поднявшись высоко въ воздухѣ, запѣлъ свою звучную пѣсню. Быстрыя, острокрылыя ласточки прилетаютъ нѣ-

сколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикі голуби, кукушки появляются одни за другими и населяют поля, лѣса и рощи, недавно еще безмолвныя.

Высоко въ воздухѣ тянутся съ юга на сѣверъ стаи журавлей, дикихъ утокъ, гусей и лебедей. (Почему съ юга на сѣверъ?). Скоро и соловей начнетъ свою звонкую пѣсню. Одрѣ изъ этихъ птицъ: дикіе гуси, журавли, лебеди, летятъ далѣе; другія остаются у насъ на все лѣто. Тѣ, которыя остаются, принимаютъ вить гнѣзда, носятся, кричатъ, трудятся, собираютъ сухія вѣточки, солому, мохъ, траву, глину и строятъ жилища для будущихъ своихъ дѣтокъ.

Хлопотливыя муравьи, пестрыя бабочки, неуклюжіе жуки, а потомъ несносныя комары и мошки, — тысячи самыхъ разнообразныхъ летающихъ и ползающихъ насѣкомыхъ выходятъ на свѣтъ Божій. Трудлюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму въ тепломъ уголкѣ, просыпается, покидаетъ свою восковую келью и летитъ собирать сладкій медъ съ цвѣтовъ.

Въ звѣриномъ царствѣ замѣтно меньше переменъ. Дикихъ звѣрей вообще видѣть можно рѣдко. Но за то нельзя не видѣть, какъ радъ веснѣ домашній скотъ. Простоявъ долгую зиму въ хлѣвахъ, лошади, коровы, овцы весело выбѣгаютъ въ поле, и пастуху не приходится долго вызывать ихъ изъ дому своей длинной трубой.

4. Рады люди первому снѣгу; но рады еще болѣе первымъ цвѣтамъ. Всякое время года приноситъ свои удовольствія и свои заботы. (Какія удовольствія зимы? Что дѣлаютъ крестьяне зимою?). Двойныя рамы вынимаютъ въ домахъ: свѣжій воздухъ и яркій свѣтъ врываются въ комнату. Звуки съ улицы, которыхъ цѣлые полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьянъ сколько предстоитъ работы! Но они работы не боятся. За зиму хлѣбъ, овесъ, сѣно и даже солома — все переведется: одно на пищу людямъ, другое на кормъ скоту. Надобно приниматься за работу, чтобъ было что ѣсть къ будущей осени и зимѣ.

Исправляетъ крестьянинъ телѣгу, *ладитъ* борону и соху и, когда земля немного пообогрѣется и пообсохнетъ, ѣдетъ въ поле. Онъ пашетъ, боронитъ поле и сѣетъ на немъ *яровое*, что должно

быть посеяно и собрано въ одномъ и томъ же году: овесъ, гречиху, ячмень, просо. Въ огородахъ копаютъ гряды, сажаютъ картофель, лукъ, горохъ, бобы, капусту; сѣютъ коноплю, свеклу, морковь, рѣпу. Въ столицахъ люди достаточные переѣзжаютъ на дачу, гдѣ садовники устраиваютъ клумбы, сажаютъ и сѣютъ цвѣты. Радуется веснѣ и бѣднякъ: слава Богу, стало теплѣе! Божье солнышко свѣтитъ для всѣхъ даромъ, для всѣхъ одинаково; дровъ нужно меньше и худое платье сносите.

Л Ъ Т О .

1. Въ началѣ лѣта бываютъ самыя долгіе дни. Часовъ двадцать солнце не сходитъ съ неба, и вечерняя заря еще не успѣетъ погаснуть на западѣ, какъ уже на востокѣ показывается бѣловатая полоска, — признакъ приближающагося утра. И чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ дни лѣтомъ длиннѣе и ночи короче.

Высоко-высоко подымается солнышко лѣтомъ, не то, что зимою; еще немного повыше, и оно стало бы прямо надъ головою. Почти *отъсыные* лучи его сильно грѣютъ, а къ полдню даже и жгутъ немилосердно. Вотъ подходитъ полдень; солнце взобралось высоко на прозрачный голубой сводъ неба. Только кое-гдѣ, какъ легкія серебряныя черточки, видны *перистыя* облачка, — предвѣстники постоянной хорошей погоды, или *ведра*, какъ говорятъ крестьяне. Выше уже солнце идти не можетъ и съ этой точки станетъ спускаться къ западу. Точка, откуда солнце начинаетъ уже склоняться, называется *полднемъ*. Станьте лицомъ къ полдню, и та сторона, куда вы смотрите, будетъ югъ; налѣво, откуда поднялось солнце, — востокъ; направо, куда оно клонится — западъ, а позади насъ — сѣверъ, гдѣ солнце никогда не бываетъ.

Въ полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть безъ сильной, жгучей боли въ глазахъ, но трудно даже смотрѣть на блестящее небо и землю, на все, что освѣщено солнцемъ. И небо, и поля, и воздухъ залиты горячимъ яркимъ свѣтомъ; глазъ невольно ищетъ зелени и прохлады. Ужъ слишкомъ тепло! Надъ отдыхающими полями (тѣми, на которыхъ ничего не посеяно въ

этомъ году) струится легкій паръ. Это теплый воздухъ, наполненный испареніями; струясь, какъ вода, подымается онъ отъ сильно нагрѣтой земли. Вотъ почему наши умные крестьяне и говорятъ о такихъ поляхъ, что они *отдыхаютъ подъ паромъ*. На деревѣ не шелохнется, и листья, будто утомленные жаромъ, повисли. Птицы попрятались въ лѣсной глуши; домашній скотъ перестаетъ пастись и ищетъ прохлады; человекъ, облитый потомъ и чувствуя сильное изнеможеніе, оставляетъ работу; все ждетъ, когда спадетъ жаръ. Но для хлѣба, для сѣна, для деревьевъ необходимы эти жары.

Однакожь долгая засуха вредна для растений, которыя любятъ тепло, но любятъ и влагу; тяжела она и для людей. Вотъ почему люди радуются, когда набѣгутъ грозовныя тучи, грянетъ громъ, засверкаетъ молнія и освѣжительный дождь напоить жаждущую землю. Только бы дождь не былъ съ градомъ, что иногда случается среди самаго жаркаго лѣта; градъ губителенъ для поспѣвающихъ хлѣбовъ и *лоскомъ* кладетъ иное поле. Крестьяне усердно молятъ Бога, чтобы града не было.

2. Все, что начала весна, доканчиваетъ лѣто. Листья вырастаютъ во всю свою величину, и недавно еще прозрачная роца дѣлается непрогляднымъ жилищемъ тысячи птицъ. На *заливныхъ* лугахъ густая, высокая трава волнуется, какъ море. Въ ней шевелится и жужжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ. (Какіе луга называются *заливными*?). Деревья въ садахъ отцвѣли. Ярво-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькаютъ между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но въ тиши зрѣютъ и наливаются. Одна липа еще въ цвѣту и благоухаетъ. Въ ея густой листвѣ, между ея чуть бѣлѣющими, но душистыми цвѣточками, слышенъ стройный, невидимый хоръ. Это работаютъ съ пѣснями тысячи веселыхъ пчелъ на медовыхъ, благоухающихъ цвѣточкахъ липы. Подойдите ближе къ поющему дереву: даже пахнетъ отъ него медомъ.

Ранніе цвѣты уже отцвѣли и заготовляютъ сѣмена; другіе еще въ полномъ цвѣту. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинаетъ желтѣть, волнуясь, какъ море, подъ напоромъ легкаго вѣтра. Гре-

чиха—въ цвѣту, и нивы, засѣяння ею, будто покрыты бѣлою пеленою съ розовымъ оттѣнкомъ; съ нихъ несется тотъ же пріятный медовый запахъ, которымъ приманиваетъ пчелъ цвѣтущая липа.

А сколько ягодъ, грибовъ! Словно красный *кораллъ*, рдѣетъ въ травѣ сочная земляника; на кустахъ развѣсились прозрачныя сережки смородины... Но возможно-ли перечислить все, что появляется лѣтомъ! Одно зрѣетъ за другимъ, одно догоняетъ другое.

3. И птицѣ, и звѣрю, и насѣкомому лѣтомъ раздолье! Вотъ уже и молоденькія птички пищать въ гнѣздахъ. Но пока еще у нихъ подрастутъ крылья, заботливые родители съ веселымъ крикомъ снуютъ въ воздухѣ, отыскивая кормъ для своихъ птенцовъ. Малютки давно уже высовываютъ изъ гнѣзда свои тоненькія, еще худо оперившіяся шейки и, раскрывъ свои носики, ждутъ подачки. И корму довольно для птицъ: та подымаетъ оброненное колосомъ зерно, другая и сама потреплетъ зрѣющую вѣтку конопли или почнетъ сочную вишню; третья гонится за мошками, а онѣ кучками толкуются въ воздухѣ. Зоркій ястребъ, широко распустивъ свои длинныя крылья, рѣетъ высоко въ воздухѣ, зорко высматривая цыпленка, или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся отъ матери,—завидитъ и, какъ стрѣла, пустится онъ на бѣдняжку: не миновать ей жадныхъ когтей *хищной плотоядной* птицы! Старые гуси, гордо вытянувъ свои длинныя шеи, громко гогочутъ и ведутъ на воду своихъ маленькихъ дѣтокъ, пушистыхъ, какъ весенніе барашки на вербахъ, и желтыхъ, какъ яичный желтокъ.

Мохнатая разноцвѣтная гусеница волнуется на своихъ многочисленныхъ ножкахъ и гложетъ листья и плоды. Пестрыхъ бабочекъ порхаетъ уже много. Золотистая пчелка безъ усталости работаетъ на липѣ, на гречихѣ, на душистомъ, сладкомъ клеверѣ, на множествѣ разнообразныхъ цвѣтовъ, доставая всюду то, что ей нужно, для изготовленія ея хитрыхъ, душистыхъ сотовъ. Неумолкающій гуль стоитъ въ пасѣкахъ (пчельникахъ). Скоро пчелкамъ станетъ тѣсно въ ульяхъ и онѣ начнутъ *роиться*, раздѣляться на новыя трудолюбивыя царства, изъ которыхъ одно остается дома, а дру-

гое полетить искать новаго жилья, гдѣ-нибудь въ дуплистомъ деревѣ. Но пасѣчникъ перехватить рой на дорогѣ и посадить его въ давно приготовленный для него новенькій улей. Муравей уже много настроилъ новыхъ подземныхъ галлерей; запасливая хозяйка, бѣлка, уже начинаетъ таскать въ свое дупло поспѣвающіе орѣхи. Всѣмъ приволье, всѣмъ раздолье! Для всѣхъ широко открылъ свою щедрую длань милосердый Создатель и сыплетъ на землю—и тепло, и благодатный громовой дождь, и цвѣты и плоды, и безчисленныя сѣмена травъ и хлѣбовъ.

4. Много, много лѣтомъ работы крестьянину! Вотъ онъ вспахалъ озимыя поля и приготовилъ къ осени мягкую колыбельку хлѣбному зерну. Еще не успѣлъ онъ кончить пахоты, какъ уже настанетъ пора косить. Косари въ бѣлыхъ рубахахъ, съ блестящими и звенящими косами въ рукахъ, выходятъ на луга и дружно подкашиваютъ подь корень высокую, уже *остменившуюся* траву. Острыя косы блестятъ на солнцѣ и звенятъ подь ударами набитой пескомъ лопатки. Женщины также дружно работаютъ граблями и сваливаютъ уже подсохшее сѣно въ копны. Пріятный звонъ косъ и дружныя звонкія пѣсни несутся повсюду съ луговъ. Вотъ уже строятся высокіе круглыя стога. Мальчики валяются въ сѣнѣ и, толкая другъ друга, заливаются громкимъ смѣхомъ; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сѣномъ, едва волочить на веревкѣ тяжелую копну.

Не успѣлъ отойти сѣнокосъ—начинается жатва. Рожь, кормилица русскаго человѣка, поспѣла. Отяжелѣвшій отъ множества зеренъ и пожелтѣвшій колосъ сильно понагнулся къ землѣ; если еще его оставить на полѣ, то зерно станетъ сыпаться и пропадетъ безъ пользы Божій даръ. Бросаютъ косы, принимаютъ за серпы. Весело смотрѣтъ, какъ, разсыпавшись по нивѣ и нагнувшись къ самой землѣ, стройные ряды жнецовъ *валятъ подь корень рожь высокую*, кладутъ ее въ красивые тяжелые снопы. Пройдетъ недѣля двѣ такой работы, и на нивѣ, гдѣ еще недавно волновалась высокая рожь, будетъ повсюду торчать сръзанная солома. За то на сжатой полосѣ рядами станутъ высокія, золотистыя копны хлѣба.

Не успѣли убрать ржи, какъ пришла уже пора приниматься за

золотистую пшеницу, за ячмень, за овесъ; а тамъ, смотришь, уже покраснѣла гречиха и просить косы. Пора дергать ленъ: онъ совѣмъ ложится. Вотъ и конопля готова, воробьи стаями хлопочутъ надъ нею, доставая *маслянистое зерно*. Пора копать и картофель; а яблоки давно уже валяются на высокую траву. Все спѣеть, все зрѣеть, все надобно убрать во-время; даже и длиннаго лѣтняго дня не хватаетъ!

Поздно вечеромъ возвращаются люди съ работы. Они устали, но ихъ веселья, звонкія пѣсни раздаются громко по вечерней зарѣ. Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, крестьяне опять примутся за работу; а солнышко лѣтомъ встаетъ куда-какъ рано!

5. Отчего же такъ веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много? И работа не легкая! Нужна большая привычка, чтобы промахать цѣлый день тяжелой косою, срѣзывая каждый разъ добрую охапку травы; да и съ привычкой много еще нужно прилежанія и терпѣнія. Не легко и жать подъ палицами лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потомъ, задыхаясь отъ жары и усталости. Посмотрите на бѣдную крестьянку, какъ она своей грязной, но честной рукой отираетъ крупныя капли пота съ разгорѣшагося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя онъ тутъ-же въ полѣ барахтается въ своей люлькѣ, висящей на трехъ кольяхъ, воткнутыхъ въ землю. Маленькая сестра крикуна, сама еще ребенокъ и недавно начала ходить, но и та не безъ дѣла: въ грязной, изорванной рубашонкѣ сидитъ она на корточкахъ у люльки и старается закачать своего расхोлившагося братишку.

Но почему-же веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много и работа его такъ трудна? О, на это есть много причинъ! *Во-первыхъ*, крестьянинъ работы не боится, онъ выросъ въ трудахъ. *Во-вторыхъ*, онъ знаетъ, что лѣтняя работа кормитъ его цѣлый годъ и что надо пользоваться *вѣдромъ*, когда Богъ даетъ его; а не то — можно остаться безъ хлѣба. *Въ-третьихъ*, крестьянинъ чувствуетъ, что его трудами кормится не одна его семья, а весь міръ: и я, и вы, и всѣ разодѣтые господа; хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ посматриваютъ на крестьянина. Онъ, копаясь въ

землѣ, своей тихой, неблестящей работой кормить всѣхъ, какъ корни деревь кормятъ гордыя вершины, одѣтыя зелеными листьями.

6. Много прилежанія и терпѣнія нужно для крестьянскихъ работъ; но не мало также требуется знанія и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много умѣнья. Если же кто безъ привычки возьметъ косу, то немного съ нею поработаетъ. Сметать хорошій стогъ сѣна—тоже дѣло не легкое; пахать надо умѣючи; а чтобы хорошо посеять, ровно, не гуще и не рѣже того, чѣмъ слѣдуетъ,—то даже не всякій крестьянинъ за это возьмется. Кромѣ того, нужно знать, когда и что дѣлать, какъ сладить соху и борону, какъ изъ конопли, на примѣръ, сдѣлать пеньку, изъ пеньки нитки, а изъ нитокъ соткать холстъ... О! много, очень много знаетъ и умѣетъ дѣлать крестьянинъ, и его никакъ нельзя назвать невѣждою, хотя бы онъ и читать не умѣлъ. Выучиться читать и выучиться многимъ наукамъ гораздо легче, чѣмъ выучиться всему, что долженъ знать хорошій, опытный крестьянинъ.

Сладко засыпаетъ крестьянинъ послѣ тяжкихъ трудовъ, чувствуя, что онъ выполнилъ свой святой долгъ. Да и умирать ему не трудно: обработанная имъ нива и еще засѣянное имъ поле остаются его дѣтямъ, которыхъ онъ вспоилъ, вскормилъ, приучилъ къ труду и, вмѣсто себя, поставилъ работниками передъ Богомъ и людьми.

О С Е Н Ъ .

1. Уже съ 9-го іюня начинаетъ понемногу убавляться день и прибавляться ночь. 11-го сентября день снова равенъ ночи. Это день осенняго равноденствія и начало осени. Съ этого числа ночь все увеличивается и къ 12-му декабря становится втрое длиннѣе дня. Въ это время солнце едва покажется на небѣ и спѣшитъ спрятаться, въ 9-ть часовъ утра еще темно, въ 3 часа послѣ обѣда надобно уже зажигать свѣчи.

Облака почти не сходятъ съ неба, и это уже не красивыя лѣтнія облака, громоздящіяся серебряными горами или высоко бѣгущія по небу серебристыми барашками: небо застилается все ров-

ною пеленою свинцоваго цвѣта. Съ конца августа въ воздухѣ начинается холодѣть. Свѣжесть замѣчается особенно по утрамъ, а въ сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь по утру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сосѣдняго дома. Еще немного—и лужи, которыхъ осенью довольно вездѣ, начинаютъ по ночамъ замерзать.

Мелкіе осенніе дождики совсѣмъ не похожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ устали, далеко разнося созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

2. Листъ на деревьяхъ начинаетъ кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ августа; въ сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все еще зеленой, появляются тамъ и сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза, она и первая начинаетъ желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня и—трехветная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство: крутя въ воздухѣ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало-по-малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свезены и только высокіе стога сѣна, обнесенные плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и какъ будто просить снѣгу. Одна только озимь подымается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ, запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. За то корешки хлѣбовъ сохраняются невредимо подъ снѣгомъ и весною выглянуть снова на Божій свѣтъ зелеными стебельками.

Все глохнетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта, а пріобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ это время природа похожа на усталого, много поработавшаго человѣка, котораго одолеваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, закрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

3. Отлетныя птицы однѣ за другими собираются въ дальній путь. Первыя поднимаютъ тревогу ласточки, и еще въ концѣ августа онѣ вдругъ исчезаютъ; онѣ чувствуютъ приближеніе осени, и ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму. Потомъ потянутся съ сѣвера на югъ длинныя *вереницы* журавлей, утокъ и гусей. Съ крикомъ, то длинною цѣпью, то угломъ, съ передовымъ впереди, улетають отъ насъ лѣтніе гости. Лѣса рѣдѣють, затихаютъ и пустѣють; только тяжелая, мокрая ворона варкаетъ, усаживаясь на обнаженную вѣтку, да галки съ отчаяннымъ крикомъ носятся стаями.

Вотъ уже и деревья стоятъ всѣ голыя, только на рябинѣ висятъ ея красныя *гроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и въ поляхъ, и въ лѣсахъ. Земля, почернѣлая, грязная, пропитанная дождемъ, смотритъ уныло подъ свинцовымъ небомъ; хотя-бы снѣгъ поскорѣе закрылъ ея непріятную наготу. Появляется и снѣгъ; но долго еще онъ не можетъ удержаться и, оставшись иногда на нѣсколько часовъ, снова исчезаетъ.

4. Работы у крестьянина осенью замѣтно убываетъ; но все же онъ не остается безъ дѣла. Въ началѣ осени нужно пахать, боронить и засеивать *озимыя* поля; потомъ надо свозить хлѣбъ съ полей въ риги: телѣги, спрятавшіяся подъ тяжелыми снопами, скрипятъ по всѣмъ дорожкамъ. Свезши хлѣбъ, надобно сушить его въ овинѣ, а потомъ молотить. Удары молотильныхъ цѣповъ съ ранняго утра до поздняго вечера слышатся осенью на гумнахъ. Намолотивши зерна, крестьянинъ складываетъ его въ мѣшки и спѣшитъ на мельницу. Если же онъ не молотить и не сидитъ на мельницѣ, дожидаясь очереди, то навѣрное, съ топоромъ въ рукахъ, поправляетъ что-нибудь около своей избы. Женщины мочатъ и потомъ треплютъ коноплю, чешутъ ленъ и готовятъ себѣ прядиво на долгіе зимніе вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно съ лѣтомъ, гораздо меньше, и крестьянинъ спѣшитъ повеселиться. Осенью праздниковъ много; крестьянскія свадьбы устраиваются всегда въ эту пору года, когда дѣла меньше и всякаго добра много. Вездѣ варятъ пиво, и веселыя, подгулявшія толпы ходятъ въ гости изъ избы въ избу, изъ

деревни въ деревню. Сильно поработалъ мужичокъ за лѣто: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

6. Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и калошъ нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросить мелкій холодный дождикъ; съ мокрыхъ блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотрять уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестахъ. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ двойныя рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свистить и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску. Но за то осенью же начинаются въ столицахъ и большихъ городахъ театры, концерты и собранія. Только все это идетъ какъ-то вяло, пока веселій снѣгъ не заблѣветъ на улицахъ и не ляжетъ саяная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркій огонекъ затрещитъ въ печи, дымъ столбами подымется изъ трубъ, снѣгъ заблеститъ брилліантовыми искорками, бодро побѣжитъ лошадка, сани заскрипятъ, разумянится и лицо старика — весело покатится зимняя русская жизнь.

О ЧЕЛОВѢКѢ.

Я человекъ, хотя еще и маленькій, потому что у меня есть такая же душа и такое же тѣло, какъ и другихъ людей.

Тѣло мое состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: головы, туловища и конечностей, т. е. двухъ рукъ и двухъ ногъ; голова соединяется съ туловищемъ посредствомъ шеи.

1. Голова моя по формѣ нѣсколько похожа на шаръ; но не такъ кругла, какъ мячикъ, — а имѣетъ *овальную* форму. Съ боковъ голова немного сжата, сзади выдалась; одна часть ея покрыта волосами, другая — нѣтъ.

2. Верхняя часть головы называется *теменемъ*, выдающійся задъ — *затылкомъ*, передняя часть *лицомъ*.

3. Различныя части лица носятъ различныя названія, а именно: лобъ, виски, щеки, скулы, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ; по бокамъ головы расположены уши.

4. Голову съ туловищемъ соединяетъ гибкая шея, отчего я могу дѣлать головою различныя движенія: подымать, опускать ее и поворачивать въ стороны. Передняя часть шеи называется *горломъ*.

5. Туловище—самая большая часть моего тѣла, и вокругъ него расположены другія части: голова и четыре *конечности*, то-есть—двѣ руки и двѣ ноги. Въ туловищѣ также нѣсколько различныхъ частей: *грудь, животъ, бока, спина*.

6. Одна рука называется *лввою*, другая—*правою*. Онѣ совершенно похожи одна на другую и расположены *симметрически*, по обѣимъ сторонамъ моего туловища. Руки называются *верхними* конечностями, ноги—*нижними*. Правая и лѣвая нога также похожи одна на другую.

1. Рука состоитъ изъ трехъ частей: верхняя, отъ плеча до локтя, называется *плечевою* частью руки или просто *плечомъ*; средняя, отъ локтя до кисти, называется *локтевою* частью или *предплечьемъ*, а нижняя—*кистью*.

2. Нога также раздѣляется на три части: верхняя, отъ туловища до колѣна, называется *бедромъ*; средняя, отъ колѣна до ступни,—*голенью*, а нижняя—*ступнею*.

1. Въ кисти есть *ладонь* и *пальцы*. Пальцевъ на каждой рукѣ по пяти. Каждый палецъ, кромѣ большого, состоитъ изъ трехъ суставовъ; въ большомъ палецѣ только два сустава. На концахъ пальцевъ, сверху, расположены твердые *роговые ногти*.

2. Верхняя часть ступни называется *подъемомъ*; нижняя—*подшвою*, задняя *пяткою*; напередѣ ступни расположены пять *пальцевъ*. Каждый изъ ножныхъ пальцевъ имѣютъ по три сустава и по ногтю (въ большомъ два сустава); но ножные пальцы не такъ длинны, гибки и подвижны, какъ пальцы рукъ.

У птицъ двѣ ноги, но вмѣсто рукъ—крылья; у лошади, коровы, кошки, кролика и у множества другихъ звѣрей—по четыре ноги, а рукъ вовсе нѣтъ; у обезьянъ всѣ четыре конечности—руки. Птицъ зовутъ *крылатыми*; звѣрей, у которыхъ четыре ноги,—*четвероногими*, а обезьянъ—*четверорукими*; одного только чело-вѣка можно назвать *двурукимъ*.

1. Цвѣтъ предметовъ, величину ихъ, число и форму я различаю *зрѣніемъ*; стукъ, крикъ, шелестъ, звонъ, слова другого чело-вѣка и всякіе другіе звуки я различаю *слухомъ*; запахъ предме-товъ—*обоняніемъ*; вкусъ—*вкусомъ*. *Осязаніемъ* я различаю форму и величину предмета; но, кромѣ того, посредствомъ осязанія-же я узнаю, твердъ или жидокъ предметъ, тяжелъ онъ или легокъ, тепелъ или холоденъ, шероховатъ или гладокъ.

2. Зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ называются *пятью внѣшними чувствами* чело-вѣка,—въ отличіе отъ *внутреннихъ* или *душевныхъ* чувствъ, каковы: горе, радость, гнѣвъ, любовь, благодарность и мн. др.

3. Я гляжу глазами, слушаю ушами, обоняю носомъ, различаю вкусъ предметовъ языкомъ, осязаю почти всею поверхностью моего тѣла и въ особенности концами пальцевъ; я говорю ртомъ, вдыхаю воздухъ ртомъ и носомъ, хожу ногами, работаю руками, жую зу-бами, перевариваю пищу желудкомъ. Всякая часть моего тѣла, исполняющая какую-нибудь отдѣльную службу, называется *орудіемъ* или *органомъ*.

4. Все чело-вѣческое тѣло состоитъ изъ множества различ-ныхъ, необходимыхъ для жизни его органовъ, а потому все оно называется *организмомъ*, т. е. соединеніемъ многихъ органовъ, изъ которыхъ каждый выполняетъ свое особое дѣло, а всѣ вмѣстѣ даютъ чело-вѣку возможность жить *).

*) См. въ Хрестоматіи басню «Органы чело-вѣческаго тѣла».

5. Человѣкъ, у котораго недостаетъ хотя одного важнаго органа, или какой-нибудь органъ перестанетъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, ведетъ очень печальную жизнь. Тяжело жить человѣку *слѣпому*, потерявшему зрѣніе; не легко и *нѣмому*, лучше сказать *глухонѣмому*, потому что человѣкъ отъ рожденія глухой не имѣетъ возможности выразить словами своихъ мыслей и желаній; жалокъ и *калѣка*, который потерялъ возможность употреблять руки или ноги *).

6. Но есть еще болѣе важные органы въ тѣлѣ человѣка, такіе, безъ которыхъ онъ уже рѣшительно жить не можетъ. Эти важные органы скрыты внутри человѣческаго тѣла и называются *внутренними*, въ отличіе отъ наружныхъ, т. е. тѣхъ, которые видны снаружѣ.

1. Изъ всѣхъ пяти органовъ внѣшнихъ чувствъ, органъ зрѣнія самый необходимый для человѣка. Глаза расположены подо лбомъ, въ особенныхъ углубленіяхъ, называемыхъ *глазными впадинами*. Снаружѣ мы видимъ только наружныя части глаза.

2. Въ серединѣ глаза мы различаемъ круглый черный *зрачокъ* и вокругъ зрачка—цвѣтной кружочекъ, называемый *цвѣтнымъ ободкомъ* или *райкомъ*. У разныхъ людей раекъ бываетъ разнаго цвѣта. Вокругъ райка мы видимъ *бѣлокъ*, имѣющій молочно-бѣлый цвѣтъ; а въ углахъ глаза красноватыя *мочки*. Глазъ закрывается двумя *вѣками*. Нижнее вѣко почти неподвижно; верхнее же безпрестанно подымается и опускается—*мигаетъ*. Вѣки по краямъ усажены *ресницами*; надъ глазами растутъ *брови*.

Уши, какъ и глаза,—органъ *парный*. Мы видимъ только наружную часть уха, внутренняя же его часть скрыта въ головѣ. Наружная часть уха называется *ушною раковиною*. Ощупывая ушную раковину, мы чувствуемъ, что въ ней, подъ кожей, есть что-то такое, что тверже мяса и мягче кости: это—*хрящъ*. Въ серединѣ ушной раковины есть отверстіе, начало *канала*, который ведетъ во внутреннюю часть слуховаго органа, скрытую въ височной кости черепа.

*) См. въ Хрестоматіи басню «Богатство».

Носъ—органъ одиночный и расположенъ по срединѣ лица. Въ носу можно различить нѣсколько частей: *корень* или основаніе носа, лежащее между глазами *переносье*, *кончикъ* носа и двѣ *ноздри*. Верхняя часть носа—твердая, костяная; нижняя—состоитъ изъ хряща. Внутри носовая полость выстлана *слизистой оболочкою* и раздѣлена перегородкою на двѣ равныя части; перегородка эта внизу хрящевая, а вверху костяная и называется *сошникомъ*. Носомъ мы различаемъ запахъ, носомъ же мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ—даже болѣе, чѣмъ ртомъ.

1. Ротъ очень сложный органъ. Снаружи онъ закрывается двумя мягкими красными губами. Внутри рта мы различаемъ *челюсти*, *десны*, *зубы*, *нёбо*, *языкъ*, *глотку*.

2. Изъ рта ведутъ внутрь тѣла два канала, одинъ, которымъ мы дышемъ, проходитъ въ передней части шеи и называется *дыхательнымъ* горломъ; другой идетъ сзади и называется *пищевымъ* горломъ. Въ верхней части дыхательнаго горла помѣщается *органъ голоса*—*гортань*.

1. Въ каждомъ зубѣ различаются двѣ части: верхняя—*коронка* и нижняя—*корень*. Снаружи коронка покрыта гладкою блестящею *эмалью*. Человѣкъ рождается безъ зубовъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи зубы у ребенка начинаютъ показываться одинъ за другимъ; эти первые зубы называются *молочными*. На седьмомъ или восьмомъ году жизни молочные зубы выпадаютъ и замѣняются *постоянными*.

2. Зубы имѣютъ различную форму, смотря по тому, гдѣ они сидятъ. Спереди, въ обѣихъ челюстяхъ, находится въ каждой по 4 плоскихъ, острыхъ зуба (всѣхъ 8). Они служатъ для того, чтобы ими, какъ ножами, отрѣзывать, т. е. откусывать пищу, потому и называются *рѣзцами*. За рѣзцами, по обѣ стороны и въ обѣихъ-же челюстяхъ, сидитъ по одному коническому зубу. Эти зубы называются *клыками* или *глазными зубами*. Клыки служатъ для разрыва пищи; всѣхъ ихъ 4. Далѣе расположены толстые зубы съ такими

коронками, на которыхъ замѣтны бугорки; эти плоскіе зубы называются *коренными*. Коренными зубами мы раздавливаемъ, растираемъ и разрѣзываемъ пищу, т. е. жуемъ. Всѣхъ зубовъ у человѣка 32.

1. Ротъ, какъ очень сложный органъ, выполняетъ нѣсколько службъ: ротомъ мы *ѣдимъ, говоримъ и дышаемъ и выдыхаемъ* воздухъ.

2. Въ произношеніи различныхъ буквъ всѣ части рта и даже носъ принимаютъ участіе. Букву *а*, напримѣръ, мы можемъ произнести просто открытымъ ротомъ, тогда какъ для произношенія буквы *и* или *б* мы должны употребить наши губы; для произношенія буквы *о* мы нижнюю губу прижимаемъ къ верхнимъ зубамъ; для того, чтобы произнести букву *к*, мы прижимаемъ языкъ къ нёбу; букву *д* выдѣлываютъ зубы и языкъ вмѣстѣ; въ произношеніи буквы *н* принимаетъ участіе и носъ.

1. Все мое тѣло одѣто снаружи кожей. Я чувствую всякое прикосновеніе къ кожѣ, и потому кожа называется *органомъ осязанія*.

2. Кожа у большей части звѣрей почти вся покрыта шерстью; у человѣка почти вся кожа кажется обнаженной и гладкою; но приглядываясь ближе, мы видимъ на пей маленькія точки: эти точки—небольшія отверстія, называемыя *порами*, чрезъ которыя проходитъ испарина. На верхней части головы, на кожѣ, растутъ длинныя, густыя волосы. На всей кожѣ также разсѣяны небольшіе, бѣловатые волоски, но они такъ рѣдки и малы, что ихъ почти не видать.

1. Ощупывая части моего тѣла, я чувствую, что въ немъ, подъ кожей и мясомъ, есть что-то твердое—это *кости*. Снаружи, ощупью, я могу различить только самыя главные и большія изъ костей.

2. Притрогиваясь къ головѣ, я ощупываю *черепъ*. Черепъ состоитъ изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ костей, похожихъ на черепки горшка, сложенные краями. Всѣ кости черепа составляютъ одинъ костяной ящикъ, въ серединѣ котораго скрытъ очень важный и очень нѣжный органъ—*мозгъ*.

3. Въ головѣ еще я ощущаю *две челюсти*: верхнюю и нижнюю. *Верхняя челюсть* такъ прикрѣплена къ черепу, что можетъ двигаться только вмѣстѣ съ нимъ, а сама по себѣ неподвижна. *Нижняя челюсть* движется отдѣльно отъ черепа, потому что прикрѣплена къ нему только особенными крѣпкими и упругими *связками*. Я могу опускать ее, подымать, двигать ею изъ стороны въ сторону, что даетъ мнѣ возможность закрывать и раскрывать ротъ, говорить и жевать. Въ обѣихъ челюстяхъ укрѣплены *зубы*.

1. Голова держится не на мягкой шеѣ, а на *хребетномъ столбѣ*, идущемъ отъ затылка, черезъ шею, по срединѣ спины, во всю длину туловища. Хребетной столбъ сложенъ изъ 33-хъ небольшихъ костей, называемыхъ *позвонками*, почему весь хребетной столбъ называютъ также *позвоночнымъ хребтомъ* или *позвоночникомъ*.

2. Позвонки, которые отчасти можно ощупать рукою, лежатъ одинъ на другомъ и связаны между собою хрящами и крѣпкими, упругими связками. Позвонки пусты въ срединѣ и, будучи сложены вмѣстѣ, составляютъ одинъ длинный каналъ, наполненный, какъ и черепъ, мозгомъ. Спинной мозгъ соединяется съ головнымъ. Если бы позвоночный хребетъ былъ одною сплошною твердою костью, то человѣкъ не могъ бы ни наклонять, ни разгибать, ни склонять на бокъ своего *стана*, не могъ бы ни поворачивать шеи, ни двигать головою.

3. Позвоночный хребетъ составляетъ главную, *срединную*, твердую часть туловища. Къ нему прикрѣплены слѣдующія кости: въ верхней части — *ребра*; въ нижней — большія и крѣпкія *тазовыя кости*.

4. *Ребра*, начинаясь отъ позвоночнаго столба, круто загибаются на обѣихъ *бокахъ* и составляютъ основаніе груди или *грудную клетку*, гдѣ бьется *сердце* и лежатъ *легкія*, которыми мы дышемъ. Всѣхъ реберъ у человѣка 12 паръ. Семь верхнихъ паръ прикрѣпляются своими передними концами посреди груди къ плоской и широкой *грудной кости*, которую я могу ощупать рукою. Пять нижнихъ паръ реберъ, которыя не прикрѣпляются прямо къ грудной кости, называются *ложными ребрами*.

5. Къ ппжей части позвоночнаго хребта прикрѣплены *тазовыя* кости, сросшіяся въ двѣ половинки, которыя составляютъ какъ-бы одну крѣпкую и большую кость, называемую *тазомъ*. Тазъ поддерживаетъ все туловище и къ нему-то прикрѣплены кости ногъ.

1. Съ грудною кѣткою соединены кости каждой руки посредствомъ двухъ костей: *лопатки* и *ключицы*. *Лопатка*—широкая треугольная плоская кость—лежитъ на ребрахъ сзади на спинѣ. *Ключица*—небольшая тонкая, изогнутая кость—идеть отъ лопатки къ верху грудной кости.

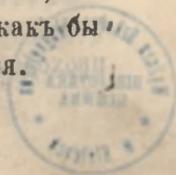
2. Въ верхней части руки находится одна толстая, длинная кость, называемая *плечевою*; въ средней части руки двѣ кости: одна позади—*локтевая*, другая спереди—*лучевая*. Средняя часть руки называется *предплечьемъ*.

3. Въ кисти довольно много костей, составляющихъ *запястье*, *пясть* и *пальцы*. Запястье соединяетъ кисть съ предплечьемъ; пясть составляетъ ладонь; кости пальцевъ соединяются съ костями пясти.

1. Въ верхней части ноги одна толстая длинная кость, называемая *бедромъ*; въ средней, такъ называемой *голенѣ*—двѣ кости: *большая берцовая* и *малая берцовая*. Въ колѣнѣ есть косточка, похожая на чашку и называемая *колѣнною чашечкой*.

2. Въ ступнѣ много костей. Кости ступни, какъ и кости кисти, раздѣляются на три части: *предплюсну*, *плюсну* и *кости пальцевъ*. Въ *предплюсну* упираются кости голени, средину ступни составляетъ *плюсна* и къ ней прикрѣплены *кости пальцевъ*.

Всѣ отдѣльныя кости соединены между собою или швами, напр. кости черепа, или хрящами, какъ напр. ребра съ грудною костью, или крѣпкими, упругими *связками*, образуя *сочлененіе*, напр. кости рукъ, ногъ и др. Соединенныя между собою кости, всѣ вмѣстѣ, называются *скелетомъ* или *остовомъ*. Скелеть составляетъ какъ бы основаніе человѣческаго тѣла, на которомъ все оно держится.

1. Ощупывая наше тѣло, мы чувствуемъ, что въ немъ кости покрыты чѣмъ-то мягкимъ, но довольно упругимъ: это мясо или *мускулы*. Мускулы упруги, какъ резина, и могутъ укорачиваться или *сокращаться* и потомъ опять ослабѣвать, что даетъ намъ возможность двигать нашими членами. Такъ, напримѣръ, плечевая кость окружена отчасти мускулами, которые однимъ концомъ своимъ прикрѣплены къ этой кости, а другимъ—къ костямъ предплечья; когда мускулы, лежащіе на этихъ костяхъ сверху, будутъ сокращаться, а лежащіе снизу ослабнутъ, то рука наша согнется; когда же сокращаться будутъ нижніе, а ослабнутъ верхніе мускулы, то рука выпрямится.

2. Мускуловъ большихъ и маленькихъ очень много въ тѣлѣ человѣка: малѣйшее движеніе въ лицѣ выполняется сокращеніемъ особенныхъ мускуловъ. Языкъ нашъ есть тоже очень большой и очень гибкій мускуль.

3. Мускулы становятся болѣе плотными и болѣе сильными отъ упражненія. Кто много ходитъ, у того мускулы ногъ дѣлаются крѣпкими, твердыми и сильными; кто много работаетъ руками, у того дѣлаются крѣпкими и сильными мускулы рукъ. У лѣнивыхъ людей мускулы вялы, слабы и скоро утомляются.

4. Мускулы прикрѣпляются къ костямъ *сухими жилами*; сухими эти жилы называются для того, чтобы отличить ихъ отъ тѣхъ мягкихъ трубчатыхъ жилъ, въ которыхъ протекаетъ кровь.

1. Но мускулы сокращаются и заставляютъ органы двигаться не сами собою: ихъ побуждаютъ сокращаться, по волѣ человѣка, тоненькіе, какъ ниточки, *нервы*. Этихъ нервовъ множество во всякой самой маленькой частицѣ человѣческаго тѣла, которая только имѣетъ способность что-нибудь чувствовать или двигаться.

2. Нервы расходятся по всему тѣлу, но выходятъ изъ мозга черезъ отверстія, находящіяся въ черепѣ и между позвонками хребтного столба. Нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, называются *глазными*; идущіе къ слуховому органу—*слуховыми* и т. д. Нервы, идущіе въ мускулы и заставляющіе ихъ сокращаться, называются

двигательными нервами, потому что посредством ихъ производится движеніе всѣхъ частей тѣла.

3. Если бы нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, повредились и перестали дѣйствовать, то человѣкъ потерялъ бы способность зрѣнія, хотя бы глаза его смотрѣли по прежнему. Если бы повредились и перестали дѣйствовать нервы, идущіе отъ хребтного мозга въ мускулы ногъ, то человѣкъ потерялъ бы употребленіе ногъ, хотя онъ казался бы съ виду совершенно здоровыми. Но если бы повредился и пересталъ дѣйствовать самый мозгъ, отъ котораго нервы распространяются по всему тѣлу, то человѣкъ пересталъ бы чувствовать и двигаться. Вотъ почему Творецъ скрылъ этотъ важный и нѣжный органъ внутри крѣпкихъ костей черепа и хребтного столба.

1. Если мы прорѣжемъ гдѣ нибудь нашу кожу, то изъ подъ нея покажется жидкая, красная, теплая кровь. Кровь протекаетъ въ тѣлѣ человѣка въ мягкихъ, иногда очень тоненькихъ трубочкахъ, называемыхъ *кровеносными сосудами* или, по-просту, *жилами*. Тѣ изъ жилъ, которыя довольно толсты и проходятъ близко подъ кожей, можно видѣть сквозь кожу. Щупая *пульсъ* на рукѣ, на шеѣ или на вискахъ, мы чувствуемъ, какъ что-то бьется подъ кожей — это сжимается и расширяется жила, по которой пробѣгаетъ теплая кровь.

2. Разсматривая руку, мы видимъ, какъ подъ кожей расходятся жилы, точно вѣточки дерева. Но самыхъ тоненькихъ жилъ мы черезъ кожу видѣть не можемъ. Онѣ проходятъ не только между мускулами, но и въ самыхъ мускулахъ. Красноватый цвѣтъ нашей кожи зависитъ отъ того, что въ ней находится множество очень тонкихъ, *волосныхъ* сосудовъ, наполненныхъ кровью, которая и просвѣчиваетъ. Красный цвѣтъ нашихъ щекъ и губъ зависитъ также отъ мелкихъ кровеносныхъ жилъ, проходящихъ подъ кожей и въ самой кожѣ. Если мы ударимъ довольно сильно по рукѣ другою рукою, то замѣтимъ, что то мѣсто, гдѣ мы ударили, сначала поблѣдетъ, а потомъ покраснѣетъ. Это зависитъ отъ того, что кровь сначала убѣжитъ изъ этого мѣста, а потомъ прильетъ къ нему въ большемъ количествѣ.

3. Кровеносные сосуды расходятся, какъ безчисленные вѣтви, по всему тѣлу; но всѣ они собираются къ *сердцу*, которое находится въ серединѣ грудной полости, за грудною костью, а узкимъ концомъ своимъ, или *вершиной*, обращено въ лѣвую сторону; оно постоянно бьется, т. е. сжимается и расширяется. Когда сердце расширяется, то кровь въ него вливается; когда сердце сжимается, то погоняетъ кровь въ кровеносные сосуды.

1. Для жизни мнѣ, какъ и всякому другому человѣку, необходимы пища и питье. Безъ пищи и питья я могъ бы умереть отъ голода и жажды. Когда я долго не ѣмъ, то испытываю неприятное чувство голода, усталость и слабость во всѣхъ членахъ; а когда поѣмъ, то становлюсь бодрѣе и сильнѣе.

2. Пищу я кладу въ ротъ, пережевываю ее зубами, увлажжаю слюной и проглатываю. Проглоченная пища проходитъ черезъ пищевой каналъ въ *желудокъ*, находящійся въ нижней половинѣ туловища.

3. Желудокъ перевариваетъ пищу, т. е. перебалтываетъ ее съ желудочнымъ сокомъ и обращаетъ въ *пищевую кашку*. Пищевая кашка поступаетъ въ *кишки*, стѣнки которыхъ всасываютъ изъ нея сокъ, обращающійся потомъ въ кровь. Оставшееся отъ пищевой кашицы, какъ негодное, выбрасывается изъ тѣла. Кровь, образовавшаяся изъ пищевой кашицы, льется сначала по сосудамъ къ сердцу, а потомъ изъ сердца по другимъ жиламъ проходитъ въ легкія.

4. Легкія находятся въ грудной полости. Этотъ большой и мягкій парный органъ состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ трубочекъ, которыя оканчиваются пузырьками. Легкими мы дышемъ, т. е. вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ. *Легкими* эти органы названы потому, что, будучи положены на воду, плаваютъ на ней. Воздухъ входитъ въ легкія и выходитъ изъ нихъ посредствомъ дыхательнаго горла, носа и рта. Для дыханія необходимъ воздухъ, и безъ воздуха человѣкъ умеръ бы еще скорѣе, чѣмъ безъ пищи.

5. Кровь, побывавъ въ легкихъ и придя тутъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ, дѣлается ярко-красною. Изъ легкихъ кровь

опять льется въ сердце; а сердце, расширяясь и сжимаясь, разгоняет ее по всему тѣлу, которое питается кровью.

Кости, соединенныя упругими связками и другими способами; мускулы, прикрѣпленные къ костямъ сухими жилами; кровеносные сосуды и нервы—все это одѣто снаружи *кожею*. Внутри-же тѣла находится нѣсколько важныхъ отдѣльныхъ органовъ, изъ которыхъ мы знаемъ самые главные: *мозгъ*—внутри черепа и хребетного столба, *сердце* и *легкія* въ груди и *желудокъ* и *кишки* въ животѣ.

1. Я и теперь еще не очень великъ и не очень силенъ, когда сравню себя съ большими, взрослыми людьми; но прежде былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя и не помню этого времени.

2. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я вырасту; сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь *взрослымъ* человѣкомъ; пройдетъ еще десятка три лѣтъ—и я начну старѣться; силы станутъ упадать, лицо покроется морщинами, глаза ослабѣютъ, зубы выпадутъ, я сдѣлаюсь старикомъ. Потомъ придется мнѣ и умереть: тѣло потеряетъ способность чувствовать и двигаться, потомъ разрушится и превратится въ землю, изъ которой оно создано; но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ безсмертную душу.

3. Но теперь тѣло мое живетъ, питается и растетъ, чувствуетъ и движется, потому что оно одарено *жизнью*.

1. Я понимаю то, что мнѣ говорятъ, могу выражать мои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ и другіе люди: у меня есть *даръ слова*.

2. Если я что нибудь разсматриваю или слушаю внимательно, то потомъ могу, когда мнѣ угодно, припоминать то, что видѣлъ и слышалъ. Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и разеказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія множества предметовъ. У меня есть способность *памяти*.

3. Я представляю себѣ очень живо, какія буду имѣть удовольствія, когда настанетъ лѣто; я воображаю, какъ я буду гулять, собирать ягоды, ловить рыбу, играть съ товарищами. Я также очень живо могу представить себѣ лицо знакомаго мнѣ человѣка. Ночью я часто вижу сны и вижу во снѣ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. У меня есть *способность воображенія*.

4. Я понимаю не все то, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ; но когда мнѣ объясняютъ хорошенько и я слушаю внимательно объясненія, то мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше; а чѣмъ больше буду учиться, тѣмъ больше буду знать и понимать. Случалось мнѣ выучить наизусть и не понимать того, что я выучилъ; но когда мнѣ объясняли, то я начиналъ понимать то, чего прежде не понималъ. У меня есть *умъ*.

1. Мнѣ пріятно, когда меня хвалятъ, и непріятно, когда бранятъ; я люблю своихъ родителей, люблю многихъ изъ своихъ товарищей. Когда мнѣ сдѣлаютъ добро или какое-нибудь удовольствіе, то я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мнѣ досаждаютъ, смѣюсь, когда мнѣ весело, плачу, когда мнѣ грустно. У меня есть *много душевныхъ внутреннихъ чувствъ*.

2. Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что долженъ, когда за мною нѣтъ никакой шалости, тогда у меня на душѣ спокойно, легко и свѣтло; когда же я полѣнюсь, или не послушаюсь, или нашлаю, тогда душа моя беспокоится и недовольна моими поступками. У меня есть *совѣсть*.

3. Мнѣ иногда не хочется учиться; но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная, что должно трудиться и лѣниться стыдно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать того, что мнѣ приказываютъ, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или наставниковъ, зная, что я долженъ имъ повиноваться и что они желаютъ мнѣ добра. Мнѣ хочется иногда и того, чего не должно; но я могу принудить себя сдѣлать то, что должно. У меня есть *воля*.

1. Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ Духъ; но вѣрю, что Онъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все, управляетъ всѣмъ.

2. Я иногда пошалаю, иногда полѣнюсь, иногда разсержусь, иногда не слушаюсь, иногда сдѣлаю или скажу какую-нибудь глупость; случается, что скажу неправду; но у меня есть желаніе быть умнымъ, знать много, быть послушнымъ, правдивымъ, добрымъ, и я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь: *у меня есть желаніе и возможность сдѣлаться умнѣе и добрѣе*.

1. Всѣ эти способности — даръ слова, память, воображеніе, умъ, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше — называются *способностями душевными*.

2. Въ тѣлѣ человѣка живетъ невидимая *душа*, безъ которой тѣло было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться, несмотря на всѣ свои прекрасно-устроенные органы. Душа человѣка одарена множествомъ способностей, изъ которыхъ нѣкоторыя есть и у животныхъ. Но у животныхъ нѣтъ дара слова, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти, нѣтъ свободной воли, они не могутъ имѣть понятія о Богѣ, не имѣютъ желанія и возможности сдѣлаться лучше.

Человѣкъ одаренъ прекрасно-устроеннымъ тѣломъ, одаренъ жизнью, одаренъ душою свободною, разумною и безсмертною, желающею добра и вѣрящею въ Творца вселенной.

ЧУДНЫЙ ДОМИКЪ.

Чудный я знаю домикъ и съ полнымъ хозяйствомъ. Есть въ немъ мельничка; есть въ немъ и кухня, гдѣ и день, и ночь готовится теплая пища. Въ этомъ домикѣ множество ходовъ и переходовъ, и проворные маленькіе слуги разносятъ по нимъ теплую пищу во всѣ уголки дома. Есть въ этомъ домѣ неугомонный экономя. Ни днемъ, ни ночью не засыпаетъ онъ ни на минуту: все тукъ, да-тукъ, и гонитъ проворныхъ слугъ во всѣ уголки дома, гдѣ только спрашивается пища, питье или тепло. Есть въ этомъ домѣ обширная зала, куда свободно входитъ чистый воздухъ; есть два свѣтлыя окошечка со ставеньками:

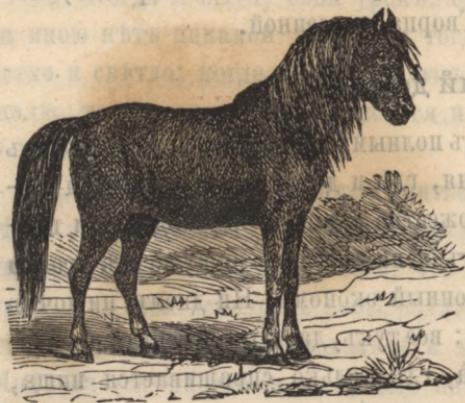
ночью эти ставеньки запираются, днем отпираются. Въ домѣ живетъ невидимая хозяйка. Хозяйки этой не видно, но она-то всеѣмъ распоряжается и все оживляетъ: для нея-то хлопочетъ эконокъ, для нея-то работаютъ маленькіе слуги, она-то смотрится въ свѣтлыя окошечки, подымаетъ и опускаетъ ставеньки. Уйдетъ хозяйка изъ дому и все замолкнетъ: эконокъ перестанетъ стучать, слуги остановятся въ переходахъ, и во всеѣмъ домикѣ станетъ тихо, пусто и холодно, а ставеньки закроютъ окошки. Но куда же уходитъ хозяйка? Туда, откуда пришла: на небо. На землѣ она только гостя; а домикъ безъ хозяйки разсыпается въ прахъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

ЛОШАДЬ.

Лошадь самое красивое и одно изъ самыхъ большихъ *нашихъ* *домашнихъ* животныхъ. У лошади красивая продолговатая голова,

гибкая шея, широкая грудь, продолговатое туловище и *четыре* высокія тонкія ноги, а на каждой ногѣ по одному твердому *копыту*. Все тѣло лошади *покрыто* короткою, но густою и блестящею *шерстью*. На шеѣ у лошади длинная *грива*; на лбу, между ушами, *челка*; на ногахъ *назад* и *повыше* копытъ *щетки*; а сзади туловища красивый длинный *хвостъ*. Волосы

на хвостъ начинаются у *самаго его корня*. Лошади бываютъ различной *масти*: вороныя, гнѣдыя, рыжія, сѣрыя, пѣтія.

Глаза у лошадей большіе и смотрятъ понятливо. Два длинныхъ уха торчатъ *кверху*. Ротъ довольно большой; въ каждой челюсти обыкновенно всѣ три рода зубовъ, *рѣзцы, клыки и коренные*, но у иныхъ лошадей не достаетъ клыковъ.

Сравнивая заднюю ногу лошади съ ногою человѣка, мы замѣтимъ, что лошадиная нога, какъ будто, состоитъ только изъ двухъ частей и коленно выгибается не впередъ, какъ у насъ, а назадъ. Однакоже, взглянувъ на остоу лошади, мы увидимъ, что и въ ея ногѣ три части; но *бедро* у лошади такъ соединено съ туловищемъ, что его снаружи сразу и не замѣтишь. Коленно лошади, направленное взадъ и видимое снаружи, собственно не коленно, а то же, что у насъ пятка; остальная часть ноги лошади не что иное, какъ единственный палець животнаго съ огромнымъ твердымъ ногтемъ вокругъ всей вершины пальца. Мы не ошибемся, если скажемъ, что лошадь ходитъ на четырехъ *пальцахъ*.

Хребтовой или *позвоночный* столбъ у лошади очень длиненъ и идетъ *горизонтально* отъ черепа въ хвостъ. Въ груди у лошади есть *легкія*, которыми она дышетъ, и сердце, которое бьется и разгоняетъ по жиламъ *красную теплую* кровь. Молодыхъ лошадокъ называютъ *жеребятами*. Они сначала кормятся *молокомъ* своихъ матокъ. Потомъ лошади ѣдятъ *траву*, сѣно, овесъ, любятъ соль и хлѣбъ.

У лошади всѣ тѣ же *пять вѣншихъ чувствъ*, какія и у человѣка. Особенно хорошъ у лошади слухъ. Ее не трудно приучить выступать подъ музыку мѣрными шагами. Лошадь очень сильна. Есть такія лошади, что могутъ возить по хорошей дорогѣ *до 200 пудовъ* и болѣе. Лошадь бѣгаетъ быстро: хорошая скаковая лошадь можетъ проскакать въ четверть часа болѣе 8 верстъ. Лошадь смѣла: она храбро идетъ въ сраженіе, а *въ стени*, говорятъ, лошадиный *косякъ*, собравшись въ кругъ, головами въ середину, защищается задними копытами отъ цѣлой стаи волковъ. Лошадь скоро привыкаетъ къ хозяину и вообще доброе животное. Есть, впрочемъ, и злыя лошади, которыя лягаются и кусаются.

Лошадь помогаетъ человѣку *обрабатывать* поле. Она ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Изъ толстой лошадиной кожи выдѣлываютъ подошвы. Изъ лошадиной шерсти сбиваютъ войлоки. Лошаднымъ навозомъ *удобряютъ* поля. Кочевые народы ѣдятъ лошадиное мясо и готовятъ изъ кобыльяго молока шипящій и нѣсколько опьяняющій питательный напитокъ, *кумысъ*.

Лучшія лошади—арабскія; хороши наши донскія, вятскія, шведки, громадныя ломовыя и удалыя троечныя.

КОРОВА.

Корова ниже лошади, но въ длину бываетъ не меньше. Голова у нея шире и короче лошадиной. На головѣ два *рога*, состоящіе изъ рогового чехла снаружи и костяного пенька внутри; большія уши торчатъ въ стороны; шея безъ гривы, короткая, широкая; подъ шей виситъ подгрудокъ, т. е. складка кожи; грудь узкая. Туловище у коровы широкое, толстое, спина заостренная, кости выдающіяся, бока оттопырныя; хвостъ длинный, но волосы *только на концѣ* хвоста. Ноги у коровы короче лошадиныхъ, на каждой ногѣ *по два* копыта.

У коровы въ верхней челюсти *нѣтъ рѣзцовъ*, и потому она откусываетъ траву помощью нижнихъ рѣзцовъ и твердой мозолистой десны верхней челюсти; клыковъ вовсе нѣтъ. Она не можетъ сразу хорошо пережевать траву или сѣно: пожуетъ, проглотитъ и потомъ, когда пища нѣсколько размягчится у ней въ желудкѣ, отрыгнетъ ее, и лежа спокойно, начнетъ опять медленно пережевывать ее зубами и перетирать *шерсткимъ* языкомъ. У коровы не одинъ желудокъ, какъ у лошади, а четыре: въ первомъ и второмъ готовится та жвачка, которая потомъ пережевывается вторично и идетъ уже прямо въ третій и четвертый желудки. Шерсть на коровѣ бываетъ различной масти, длиннѣе, чѣмъ у

лошади, но не такъ гладко лежить и не такъ лоснится. Изъ ви́шнихъ чувствъ у коровы особенно развито обоняніе. Коровамъ даютъ въ кормъ траву, сѣно и сытное пойло; онѣ любятъ лизать соль.

Коровы доставляютъ людямъ молоко, изъ котораго отстаиваютъ сливки и готовятъ творогъ, сметану, масло, сыръ. Толстыя бычачьи и коровьи кожи идутъ на выдѣлку сапожнаго товара; рога — для выдѣлки различныхъ мелкихъ вещей; изъ копыты вываривается столярный клей, навозомъ удобряютъ поля. На быкахъ, а заграничей и на коровахъ, ѣздить и пашутъ.

Лучшими породами рогатаго скота считаются *тирольская* и *голландская*, а въ Россіи — *холмогорская*.

О С Е Л Ъ .

По устройству зубовъ и по нераздвоеннымъ копытамъ, осла причисляютъ къ лошадиному отряду, хотя хвостъ его похожъ на коровій. (Какая разница между зубами лошади и коровы? Чѣмъ отличается хвостъ коровы отъ хвоста лошади?)

При взглядѣ на осла, прежде всего кидается въ глаза его смиренная, мохнатая морда и два непомѣрно-длинные, подвижныя уха.

Ослы бываютъ различной масти, по большей части — темно-сѣрые; двѣ болѣе темныя полосы идутъ крестообразно вдоль спины и поперекъ плечъ. Ослиный ревъ слышенъ далеко, но чрезвычайно непріятенъ: это какое-то тяжелое, печальное завываніе съ перерывами — точно колючая шишка репейника остановилась у него въ горлѣ. Однако-же ревомъ своимъ осель замѣняетъ для крестьянъ барометръ, предсказывая дурную погоду, которой ослы очень не долюбиваютъ. Вообще, это домашнее животное теплыхъ странъ и не можетъ

Осель въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

Осель въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

выносить холодныхъ и продолжительныхъ зимъ. У насъ ослы обыкновенны только въ Крыму и Бессараби; въ южной Германіи и Швейцаріи ослы еще плохи; только въ Италиі и въ Испаніи достигаютъ они значительнаго роста (съ порядочную лошадь), бываютъ стройны и красивы, не такъ обрастаютъ неровною шерстью, какъ на сѣверѣ.

Нельзя однакоже не пожалѣть, что осель не можетъ приучиться къ холодному климату, — такъ какъ это одно изъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, содержаніе котораго обходится не дорого. Осель ѣсть всякій бурьянъ, на который лошадь и не взглянетъ, и лакомится репейникомъ, съ которымъ можетъ сладить только его неприхотливое горло: за то къ чистотѣ воды онъ очень внимателенъ. Работаетъ онъ медленно, но выносливъ въ работѣ, силъ же у него болѣе, чѣмъ можно было-бы ожидать по его небольшому росту: забавно видѣть, какъ иной осликъ, ростомъ съ полугодоваго теленка, тащить на себѣ, и притомъ въ крутую гору, саженнаго

Зебръ въ ¹/₃₀ естеств. велич.

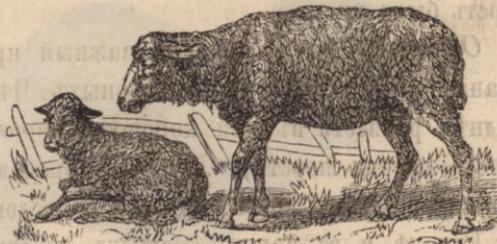
турпета англичанина, который долженъ сильно подгибать свои ноги, чтобы онъ не волочился по землѣ. Правда, осель не бѣгаетъ такъ скоро, какъ лошадь; но шагъ его очень вѣренъ, такъ что по узкимъ горнымъ тропинкамъ безопаснѣе ѣхать на ослѣ, чѣмъ на лошади.

Ослиная кожа еще толще лошадиной: отъ такихъ ударовъ палкою, какими погонщики угощаютъ ословъ, самая дѣливая лошадь пустилась-бы векачь; а осель едва-едва прибавляетъ шагъ. Изъ ослиной кожи выдѣлываютъ пергаментъ; ее же часто натягиваютъ на барабаны.

Къ животнымъ *однокопытнымъ* причисляется также и житель африканскихъ пустынь — *полосатый зебръ*. Онъ очень красивъ, но довольно слабосиленъ, и до сихъ поръ не успѣли еще сдѣлать его животнымъ домашнимъ.

О В Ц А.

Животныхъ, полезныхъ для человѣка, всего болѣе въ *отрядѣ жвачныхъ* или *двукопытныхъ*. (Какія животныя называются двукопытными? Почему они называются жвачными?). Достаточно сказать, что къ этому отряду, кромѣ быковъ и коровъ, причисляютъ барановъ и овецъ, а также козъ самыхъ разнообразныхъ породъ, верблюдовъ и оленей.

Овца въ $\frac{1}{20}$ естеств. велнч.

Кажется, нѣтъ на свѣтѣ животнаго безобиднѣе и беззащитнѣе овцы, но едва-ли есть и полезнѣе. Все въ ней идетъ въ пользу человѣка: изъ ея длинной, курчавой, мягкой шерсти приготовляются и тончайшія, и грубѣйшія сукна, т. е. главная и лучшая одежда человѣка; изъ овечьяго мѣха шьютъ теплыя тулупы, дающіе намъ возможность защищаться отъ нашихъ сѣверныхъ морозовъ; баранье и овечье сало обращается въ свѣчи, освѣщаетъ насъ въ долгія зимнія ночи; изъ бараньей кожи готовится лучший сапожный товаръ; мясо даетъ вкусное жаркое, а въ странахъ пастушескихъ изъ овечьяго молока готовится сыръ.

У барана и овцы голова, сравнительно съ туловищемъ, не велика; лобъ на-выкатъ, носъ горбомъ; уши у иныхъ породъ торчатъ

въ стороны, у другихъ висять; глаза—очень добрые, но—нельзя угаить—глуповатые. У барановъ на лбу рога, очень красиво завитые въ витушку, но потому-то именно и безобидные. Бараньи рога, какъ рога коровъ и козъ, будучи сняты съ костяныхъ пеньковъ, пусты, или *полы*, въ серединѣ, отчего всѣхъ этихъ животныхъ называютъ *полорогими*. Хвостъ у иныхъ породъ овецъ не великъ; у другихъ же, какъ напр у нашихъ крымскихъ, до того толстъ и тяжелъ, что подь него пастухи подвязываютъ колесца, чтобъ барану было легче таскать свой жирный *курдюкъ*.

Шерсть на овцѣ длинная, иногда бѣлая какъ снѣгъ, иногда сѣрватая или черная, иногда въ пятнахъ или рыжеватая. Для добыванія съ овецъ шерсти, ихъ стригутъ разъ, а въ другихъ мѣстахъ и два раза въ годъ; передъ стрижкой овецъ тщательно моютъ, чтобы шерсть была чиста.

Овцеводство составляетъ важный промыселъ во всѣхъ почти странахъ, исключая самыхъ сѣверныхъ. Чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ труднѣе развести въ пей хорошую, *тонкорунную* овечью породу (*руно*—овечья шерсть). Лучшею породою считаются *мериносы*—испанская порода овецъ, которая разведена теперь по всей Западной Европѣ и въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ безчисленные овечьи стада составляютъ главное богатство края.

Къ одному семейству животныхъ съ овцою причисляются *козлы* и *козы*, хотя съ виду они мало похожи на барановъ и овецъ.

Сухое, *поджарое* тѣло козла, его угловатая формы, выдающіяся кости, рога, загнутые назадъ, а не въ витушку, голая верхняя губа, борода подь нижнею губою,—всѣ эти признаки очень отличаютъ козла отъ барана. Но бараны и овцы, козлы и козы составляютъ одно *козловое семейство*, принадлежащее, какъ сказано уже, къ отряду двукопытныхъ, жвачныхъ животныхъ. Дикая *легконогая серна*, съ крючковатыми, загнутыми назадъ рогами, принадлежитъ также къ *козловому* семейству. Мясо старыхъ козловъ имѣетъ неприятный запахъ и въ пищу не годится, но мясо молодыхъ козловъ очень вкусно. Козлиная кожа идетъ на сапожный товаръ; изъ нея же преимущественно выдѣлывается сафьянъ. Козлиныхъ породъ

много; самыя дорогія породы, по длинной, шелковистой и мягкой шерсти, — *кашмирская* и *ангорская*.

ОДНОГОРВЫЙ ВЕРБЛЮДЪ ИЛИ ДРОМАДЕРЪ

Дромадеръ, т. е. бѣгунъ, котораго арабы зовутъ также *кораблемъ пустыни*, служилъ въ пустынѣ уже во времена Авраама. Въ настоящее время верблюдъ, какъ домашнее животное, живетъ въ юго-западной Азій, сѣверной Африкѣ, Греціи и Турціи, въ Крыму, Астрахани и вообще въ южныхъ степяхъ Россіи. Теперь съ успѣхомъ стали разводить верблюдовъ и въ Сѣверной Америкѣ. Въ дикомъ состояніи верблюды не встрѣчаются.

Дромадеръ въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

Хотя по многимъ признакамъ своимъ верблюдъ похожъ на знакомыхъ намъ животныхъ, отыгающихъ жвачку, каковы, напримѣръ, корова и овца, но онъ во многомъ отъ нихъ и отличается. Верблюда нельзя назвать красивымъ животнымъ. Неуклюжая, тяжелая, мозолистая стопа его; высокія, некрасивыя ноги, съ наростами на переднихъ колѣняхъ; кривая, широкая спина, на которой подымается горбъ, а у иныхъ и два; длинная, согнутая шея, которую верблюдъ

на бѣгу вытягиваетъ впередъ; морда, похожая на овечью; короткій, всегда грязный хвостъ; длинные жесткіе волоса грязно-бураго цвѣта, — всѣ эти признаки не дѣлаютъ верблюда привлекательнымъ по наружности. Но за то, какія драгоценныя, полезныя для человѣка свойства имѣетъ это некрасивое созданіе! Въ пищу верблюдъ очень неприхотливъ, и совершенно доволенъ, если ему удастся покушать сухихъ и колючихъ степныхъ растений: безъ воды же можетъ оставаться до восьми дней. Верблюдъ великъ, силенъ и ходитъ быстрою рысью; въ длину онъ бываетъ болѣе четырехъ аршинъ, а въ вышину около трехъ; на него вьючатъ иногда отъ 15 до 20 пудовъ, и съ такимъ грузомъ верблюдъ можетъ пройти отъ ста восьмидесяти до двухъ сотъ верстъ въ день. Понятно, что такое животное является для человѣка истиннымъ сокровищемъ въ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни травы, и гдѣ солнце жжетъ невыносимо; не будь верблюда, никакая торговля не была-бы возможна въ этихъ страшныхъ пустыняхъ; а теперь по нимъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дорогами товарами. Милосердъ Создатель, подарившій верблюда пустынямъ Африки и Азіи, а свѣжнымъ тундрамъ сѣвера легконогаго оленя!

Верблюжье молоко и мясо, хотя рѣдко, но употребляется въ пищу; изъ верблюжьей шерсти дѣлаютъ сукно, и даже навозъ верблюжій идетъ на топливо, точно такъ же, какъ навозъ лошадей и рогатаго скота въ нашихъ южныхъ степяхъ, гдѣ, какъ и во всѣхъ степяхъ, нѣтъ лѣса.

Извѣстно два вида верблюдовъ: верблюдъ *одногорбый* и *двугорбый*; но оба эти вида одинаково полезны и сходны въ главныхъ своихъ признакахъ. Горбы верблюда состоятъ изъ жира и опадаютъ, когда животное долго терпитъ голодь и жажду; это запасныя кладовыя верблюда про черный день, и жиръ горбовъ, всасываясь въ кровь, питаетъ животное и поддерживаетъ его силы довольно долгое время. Чтобы удобнѣе навьючить столь высокое животное, его пріучили становиться на переднія крѣпкія и, такимъ образомъ, подставлять спину для вьюка.

СЪВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Для насъ олень не болѣе какъ предметъ любопытства и забавы; но для жителя крайняго сѣвера это животное, не требующее почти никакого ухода за собою, является совершенно необходимымъ и замѣняетъ ему лошадь, овцу и корову.

Сѣверные олени бываютъ ручные (домашніе) и дикіе; въ дикомъ состояніи, впрочемъ, олени теперь встрѣчаются уже рѣдко. Ручные сѣверные олени ростомъ обыкновенно бываютъ въ вышину аршина полтора, а въ длину аршина два съ половиною; голову свою, съ вѣтвистыми, нѣсколько отброшенными назадъ рогами, олени держатъ низко понуривъ; ихъ шерсть лѣтомъ бываетъ короткая, темно-сѣрая, а зимою длинная, болѣе свѣтлая. Лѣтомъ сѣверные олени линяютъ, а осенью, какъ самцы, такъ и самки, скибаютъ съ себя рога и впродолженіе всей зимы, до весны, остаются безъ нихъ. У молодыхъ оленей рога бываютъ бѣловатые, у оленей средняго возраста — бурые, а у стариковъ — черные. На каждомъ рогѣ у оленя во второй годъ вырастаютъ двѣ вѣтки, въ третій три и т. д. Ноги оленя, вооруженныя раздвоенными копытами, тонки; хвостъ почти незамѣтный. Плоскія, широкія, раздвигающіяся копыта и находящіяся за

ними копытца, называемыя шпорцами, даютъ животному возможность бѣгать по снѣгу, не проваливаясь слишкомъ глубоко. Олень животное двукопытное, жвачное, плотнорогое, травоядное.

Жители крайняго сѣвера держатъ у себя оленей стадами, часто въ нѣсколько тысячъ головъ, и богатство человѣка измѣряется тамъ обыкновенно количествомъ оленей. Весь уходъ за оленями ограничивается только тѣмъ, что имъ предоставляютъ самимъ находить себѣ пищу; но чтобы они не разбрелись, то привязываютъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку оленей, что и заставляетъ другихъ постоянно оставаться вблизи привязанныхъ товарищей. Тошій, сухой и по виду не питательный бѣлый мохъ (ягель) и вообще разнаго рода лишай составляютъ главную пищу оленей во всякое время года. Сверхъ того, въ короткое лѣто, — когда и въ этихъ угрюмыхъ странахъ показывается солнце и, растопивъ ледяную кору, вызываетъ изъ земли бѣдную травку, а зачахлыя деревья начнутъ покрываться небогатою зеленью, — олени питаются травой и молодыми древесными листьями ивы, осины и березы. Зимой олени обыкновенно тощатъ, потому что съ большимъ трудомъ должны добывать себѣ скудную пищу, раскапывая снѣгъ и копытами пробивая ледяную кору, плотно одѣвающую землю послѣ осеннихъ дождей. На лѣто олени, водившіеся у обывателей нашихъ сѣверныхъ владѣній, цѣлыми стадами переселяются съ хозяевами своими къ югу, чтобы тамъ, въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и отчасти въ лѣсахъ, спастись отъ страшныхъ враговъ своихъ — комаровъ и оводовъ. Весною и рано лѣтомъ оводы обыкновенно цѣлыми роями летаютъ надъ стадами оленей и, садясь къ нимъ на спину, кладутъ въ ихъ густую шерсть свои яйца, величиною въ горчичное зерно. Изъ этихъ яицъ скоро выходятъ червячки, которые, отыскивая пищу, пробуравливаютъ кожу оленей и живутъ подъ нею, отчего иногда вся спина оленей покрывается большими желваками, имѣющими на вершинкѣ своей небольшія отверстія. Отъ нестерпимаго зуда олени расчесываютъ себѣ спину до крови, большую часть дня проводятъ въ водѣ, куда заходятъ по самую шею, отказываются совершенно отъ корма и часто даже умираютъ. Въ тѣлѣ оленя червячекъ (личинка овода) мало-по-малу вырастаетъ до

величины желудка и вываливается через устье на землю, зарывается въ нее и обращается въ куколку, изъ которой черезъ нѣсколько недѣль вылетаетъ уже оводъ, способный летать и класть яички.

Осенью олени возвращаются обратно въ свои родныя мѣста, и если встрѣчаются по дорогѣ рѣки или ручьи, то обыкновенно переплываютъ ихъ очень быстро. Совершая эти путешествія, они постоянно слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ: впереди идутъ самки съ оленятами, самцы же слѣдуютъ за ними только черезъ нѣсколько дней.

Оленье молоко необыкновенно жирно и даетъ очень много масла; но такъ какъ масло это невкусно, то изъ молока чаще приготовляютъ сыръ; мясо оленей пріятно на вкусъ и питательно; изъ оленьихъ роговъ туземцы выдѣлываютъ ножи, ложки, иглы; а шкура оленей идетъ на одежду. Самоѣдъ, тунгусъ, корякъ и другіе жители сѣвера съ головы до ногъ одѣты въ оленью кожу, и одежда эта такъ тепла и удобна, что на сѣверѣ рѣшительно незамѣнима никакою другою. Въ одеждѣ, сшитой изъ однихъ оленьихъ шкуръ и не нитками, а оленьими же высушенными жилками, туземцы отправляются въ дальній путь не иначе, какъ на оленяхъ. Въ свои высокія, легкія сани они впрягаютъ по одному или по нѣсколько оленей. Олени на ходу никогда не скачутъ, а бѣгутъ постоянно бойкою рысью и обыкновенно пробѣгаютъ въ часъ верстъ по десяти и болѣе; но могутъ бѣжать и гораздо быстрее. Безъ оленей люди не могли бы жить постоянно въ холодныхъ странахъ сѣвера, гдѣ зима продолжается едва не цѣлый годъ и никакія хлѣбныя растенія не могутъ вырѣваться.

С В И Н Ъ Я.

Свинья очень некрасива съ виду, любитъ валяться въ грязи и рыться въ сору, лѣнива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива въ пищу. Вотъ почему самое имя свиньи звучитъ какъ-то непріятно. Но, тѣмъ не менѣе, люди держатъ и откармливаютъ свиней очень охотно. Питаясь полусгнившими листьями капусты, испортившимся картофелемъ, помоями, желудями, травой, корнями растеній, словомъ всякаго рода *растительною и животною пищею*, свинья быстро

ростетъ, толстѣетъ и мясо ея покрывается большимъ слоемъ жира. Всѣ части ея толстой *туши* идутъ въ пищу, а изъ крѣпкой *щетины* дѣлаютъ щетки и кисти для красильщиковъ. Вотъ почему бѣдняки, которые не въ состояніи содержать ни коровы, ни лошади, держатъ свиней, прокармливая ихъ всякими остатками отъ своего бѣднаго хозяйства.

Свинья въ $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

Фигура у свиньи самая непривлекательная. Прежде всего бѣдается въ глаза ея огромная голова съ длиннымъ тупымъ рыломъ, отлично приспособленнымъ къ тому, чтобы взрывать имъ землю. На концѣ рыла — подвижной *пятакъ*, которымъ свинья ворочаетъ во всѣ стороны. Она вѣчно смотритъ въ землю, изъ-подлобья, своими маленькими голубыми глазами. У иныхъ свиней уши не очень велики и торчатъ кверху, особенно у *дикихъ*; у другихъ болтаются, какъ тряпки.

Верхняя челюсть свиньи, съ выдающимся рыломъ, кажется гораздо длиннѣе нижней; ротъ огромный и во рту 44 зуба: лопатчатые рѣзцы, очень большіе, острые, выдающіеся изо рта клыки или бивни, служащіе для защиты и для разрыванія земли, и коренные зубы; по кореннымъ зубамъ видно, что свинья животное *всеядное*, такъ какъ одни коренные зубы ея имѣютъ на коронкѣ тупые бугорки, другіе — острые бугорки. Первые удобны для перетиранія твердыхъ растений, послѣдніе для размельченія мясной пищи.

Туловище у свиньи длинное и толстое, хребетъ выгнутъ кверху; переднія ноги короче и прямѣе заднихъ; тоненькій хвостъ почти всегда согнутъ колечкомъ. На каждой ногѣ свиньи по четыре копыта; на два переднія она ступаетъ, а два заднія стоятъ нѣсколько выше переднихъ и до земли не дотрагиваются. Вотъ почему свинью зовутъ *многокопытнымъ* живогнымъ. Кожа у свиньи необыкновенно толста и покрыта рѣдею щетиною, которая на хребтѣ и длиннѣе, и жестче.

Въ нашихъ большихъ лѣсахъ, особенно въ Литвѣ и на Кавказѣ, чаще всего по берегамъ рѣкъ, гдѣ растетъ высокій тростникъ, водятся много дикихъ свиней или кабановъ. Они очень сильны, свирѣпы, и охота за ними опасна. Кожа у дикаго кабана такъ толста, что иногда пуля въ ней останавливается; а ударъ его трехгранныхъ клыковъ очень опасенъ. Раненый кабанъ упорно преслѣдуетъ охотника. Отъ кабана произошла домашняя свинья.

С Л О Н Ъ.

Изъ отряда животныхъ *многокопытныхъ* у насъ водится одна свинья; но въ жаркихъ климатахъ водятся гиганты звѣринаго царства: бегемотъ, носорогъ и слонъ, принадлежащіе къ тому же отряду. Кто бы могъ подумать, что у нашей свиньи такое знатное родство, а между тѣмъ черты родственнаго сходства у свиньи и слона не подлежатъ сомнѣнію.

Если вамъ никогда не удавалось видѣть самого слона, то посмотритесь, по крайней мѣрѣ, къ нему на картинкѣ, и если вы, въ своемъ воображеніи, увеличите свинью разъ въ 50, то, безъ сомнѣнія, отыщете между нею и слономъ нѣкоторое сходство. Понятно, что у такой громадной свиньи (средній слонъ вышиною сажени полторы, а въ длину болѣе двухъ), при очень короткой неповоротливой шеѣ, не позволяющей ни опускать головы, ни подымать ее, *подвижной ятачекъ* долженъ былъ вытянуться въ длинный *подвижной хоботъ*: иначе животное не могло бы питаться ни травой, которая у него подъ ногами, ни древесными листьями, которые у него надъ головой; а такому большому звѣрю пищи нужно не мало. Уши у слона, какъ у иной свиньи, болтаются по сторонамъ, глаза также по росту не велики, прекрасные, каріе, и смотрять необыкновенно умно; а изюрга, у самцовъ, торчатъ два громадные бивня, иногда по сажени въ длину, дающіе драгоценную слоновую кость. Бивни — это верхніе рѣзцы слона; клыковъ и нижнихъ рѣзцовъ у него нѣтъ вовсе; коренныхъ зубовъ по одному съ каждой стороны въ каждой челюсти; зубы эти очень широки и по строенію коронокъ похожи на коренные зубы

травоядныхъ животныхъ. Толстая кожа слона мало покрыта шерстью, и хвостъ очень напоминаетъ свиной. Но по устройству зубовъ видно, что слонъ животное *травоядное*, а не *всеядное*, какъ свинья; пищу онъ срываетъ хоботомъ, громадные же бивни отлично служатъ ему для прочистки себѣ дороги въ лѣсу и для защиты, но никакъ уже не могутъ служить для разрыванія мясной пищи. Пальцевъ съ копытами у индѣйскаго слона на каждой ногѣ не по четыре, какъ у свиньи, а по пяти на переднихъ и по 4 на заднихъ ногахъ; но эти пальцы срастаются между собою такъ, что на концѣ ноги видны

Слонъ въ $\frac{1}{100}$ естественной величины.

лишь одинъ копыта, которыя всё касаются земли. Африканскій слонъ имѣетъ по 4 пальца на переднихъ ногахъ и по 3 на заднихъ.

Самая интересная часть слоноваго тѣла — *хоботъ*. Онъ составляетъ продолженіе носа, необыкновенно подвиженъ и имѣетъ въ длину сажень и болѣе; животное однако совершенно произвольно можетъ со-

кращать его до аршина. На концѣ хобота отростокъ вродѣ пальца; въ серединѣ хобота проходитъ носовая перегородка. Хоботъ состоитъ изъ верхней кожаной оболочки, нервовъ и мускуловъ, и потому представляетъ собою совершенный по чувствительности органъ осязанія. Слонь своимъ хоботомъ дѣлаетъ все, что дѣлаемъ мы руками; онъ можетъ свертывать его и развертывать, поворачивать въ разныя стороны; а кончикомъ своего хобота слонъ поднимаетъ съ земли самыя маленькія монеты, отворяетъ ключомъ замки, раскупориваетъ бутылки, срываетъ цвѣты; набравши въ хоботъ воды, брызгаетъ ею, какъ изъ фонтала, и пр. Кромѣ удивительной чувствительности, хоботъ надѣленъ необыкновенною силою, такъ что однимъ ударомъ его слонъ можетъ убить человѣка, высоко поднимаетъ съ земли тяжести вѣсомъ до 5-ти пудовъ; на себѣ же слонъ можетъ нести отъ 50 до 100 пудовъ и болѣе; вообще, онъ обладаетъ силою 6-ти лошадей. Когда слонъ идетъ обыкновенною своею походкою, то лошадь догоняетъ его только рысью; впрочемъ, слоны могутъ бѣгать и плавать хорошо. Живутъ слоны стадами, иногда до 400 головъ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ внутренней Африки, въ Южной Азіи и на островахъ Цейлонѣ и Суматрѣ; доживаютъ до 200 лѣтъ. Питаются растительною пищею; любятъ хлѣбныя растенія и потому часто причиняютъ страшный вредъ полямъ, засѣянными рисомъ. Содержаніе ручныхъ слоновъ обходится весьма дорого: среднимъ числомъ полагаютъ слону въ сутки пуда полтора варенаго риса и столько же травы и листьевъ.

Сдѣлавъ слоновъ ручными, люди заставляютъ ихъ исполнять различныя работы: употребляютъ для подъема и перевозки всякаго рода тяжестей, для поѣздокъ на охоту, и на нихъ же въ остъ-индской арміи перевозятъ пушки. Слоновъ не впрягаютъ въ экипажи, но обыкновенно садятся въ палатку, устроенную на спинѣ слона. Для управленія слонѣмъ, у головы его сидитъ вожатый (корпакъ); въ рукахъ вожатаго острый молотокъ, которымъ онъ бьетъ слона въ голову и, такимъ образомъ, управляетъ животнымъ. Всѣ правильныя требованія своего вожатаго слонъ исполняетъ покорно, безъ гнѣва переноситъ заслуженное наказаніе, но за несправедливое и жестокое обращеніе мститъ страшно.

Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что однажды вожатый, сидя на слонѣ, вздумалъ бить у него на головѣ твердые кокосовые орѣхи. Животное терпѣливо перенесло жестокую боль; но проходя въ тотъ же самый день базарную площадь, слонъ остановился передъ кучею кокосовыхъ орѣховъ, взялъ одинъ орѣхъ хоботомъ и такъ ударилъ имъ по головѣ своего жоака, что тотъ мертвымъ свалился на землю.

Такъ понятливъ этотъ великанъ жаркихъ странъ! Не даромъ же его небольшіе глаза смотрятъ очень умно. Но безъ хобота слонъ былъ бы самымъ жалкимъ животнымъ, и если онъ потеряетъ хоботъ, эту свою единственную ловкую и сильную руку, то ему остается только умереть; вотъ почему онъ бережетъ свой хоботъ въ борьбѣ со львомъ и тигромъ, которыхъ онъ часто побѣждаетъ, подбрасывая ихъ хоботомъ кверху и потомъ подхватывая на страшные бивни, или бросая на землю и растапывая тяжелыми ногами. Впрочемъ, слонъ очень мирнаго характера и никогда не нападаетъ первый, а, напротивъ, старается скрыться; но раздраженный — страшень.

Примѣчаніе. До сихъ поръ мы читали все о *копытныхъ* животныхъ, ноги которыхъ вооружены копытами. Всѣхъ этихъ животныхъ, по устройству копытъ, мы можемъ раздѣлять на *однокопытныхъ*, куда относятся: лошадь, осель, зебръ; *двукопытныхъ*, или жвачныхъ, куда относятся: корова, верблюдъ, овца, коза, олень и др., и *многокопытныхъ*, куда мы отнесли свинью, слона, бегемота. Кромѣ того, между *рогатыми* животными мы замѣтили *плотнорогихъ* (какія?) и *пслорогихъ* (какія?). Начертите табличку всѣхъ пройденныхъ животныхъ. Повторите по табличкѣ все, что прочли.

Е О Ш Е А.

Наша хорошенькая кошечка, которая такъ мило мурлычить, красиво выгибаетъ спину и поминутно чистится, принадлежитъ къ одному семейству съ самыми страшными хищными звѣрями — тиграми, львами, барсами, и такъ на нихъ похожа, что все это семейство называютъ *кошачьимъ*. Разсмотримъ же кошку повнимательнѣе. Голова у нея круглая; на головѣ торчатъ два небольшія, очень чуткія уха. Надъ ртомъ длинныя щегинистыя волосы. Ротъ, сравнительно съ головою, очень великъ; а во рту *широховатый* языкъ и 30 чрез-

вычайно острыхъ зубовъ, особенно остры и длинны *кривые клыки*; коренные зубы съ высокими, острыми бугорками, что весьма удобно для пережевыванія мяса. Замѣчательны глаза кошки: они какъ-будто расколоты по срединѣ; но эта узенькая щель (зрачекъ) сильно расширяется въ темнотѣ, что и нужно кошкѣ для ея ночныхъ охотъ за мышами. Все тѣло кошки мягко и гибко; хвостъ длинный и пушистый; ноги коротки, но сильны; на переднихъ ногахъ по пяти развитыхъ пальцевъ, а на заднихъ по четыре; пятый палецъ заднихъ ногъ не развитъ и имѣетъ видъ бородавки; каждый палецъ вооруженъ *острымъ изогнутымъ когтемъ*. Кошка, однакожь, умѣетъ сдѣлать свою лапку *бархатною*; ловко прячетъ свои *отяжные* когти, чтобы они не иступились даромъ, но и мгновенно выпускаетъ ихъ, когда понадобится. Ходитъ она на *пальцахъ*, но не стучитъ когтями по полу, какъ собака, что даетъ ей возможность безъ малѣйшаго шума подкрасться къ мышкѣ. Все тѣло кошки покрыто короткою, но густою, шелковистою шерстью. Кошка очень высоко прыгаетъ и ловко лазитъ по деревьямъ и крышамъ, что показываетъ, какъ сильны ея лапы. Она чистоплотна, не любитъ мокроты и грязи; очень привязана къ своимъ дѣтямъ и защищаетъ ихъ отчаянно. Есть она все мясное, но любитъ болѣе всего животренущую птичку или мышъ; не пропускаетъ и рыбы, если она ей попадется.

Кошка въ $\frac{1}{10}$ естеств. величины.

Къ человѣку кошка не такъ привязана, какъ къ дому, гдѣ живетъ. Кошка ласковое, но лукавое животное: завидя добычу, она притворяется будто ея не видитъ, подходитъ тихонько, едва замѣтно присѣдаетъ, полузакрываетъ горящіе жадностью глаза, граціозно повертываетъ хвостъ — и вдругъ, какъ молнія, съ необыкновенною силою и ловкостью, кидается на бѣдную жертву.

ЛЕВЪ И ТИГРЪ.

Льва и тигра несравненно безопаснѣе видѣть въ звѣринцѣ, чѣмъ на волю; стоитъ вамъ только посмотрѣть, какъ эти страшныя животныя поворачиваются въ своихъ клятвахъ, прятчуть и выпускаютъ свои длинныя кривыя когти, протягиваютъ лапы, выгибаютъ спину, играютъ хвостомъ, то полузакрываютъ свои глаза, то вновь открываютъ ихъ во всю величину, и вы убѣдитесь, что они не что иное, какъ громадныя кошки. Левъ, имѣющій гриву, еще менѣе похожъ на кошку; но сходство тигра съ кошкой съ перваго взгляда кидается въ глаза.

Левъ в. $\frac{1}{30}$ естественной величины.

Левъ, котораго, по его величественному виду, громадной силѣ, страшному голосу, называли царемъ звѣрей, бываетъ обыкновенно сѣрожелтоватаго цвѣта, до сажени въ длину и аршина полтора въ вышину. У него на концѣ длиннаго хвоста большой пучекъ волосъ, а на головѣ, шеѣ и груди длинная косматая грива; у львицы гривы нѣтъ. Въ древнія времена левъ жилъ и въ южной Европѣ; теперь въ Европѣ онъ бываетъ только въ звѣринцахъ. Въ дикомъ состояніи левъ водится въ Африкѣ и южной Азіи. Самые большіе львы встрѣчаются

въ Персіи. Левъ, какъ говорятъ, кидается на человѣка только голодный и раздраженный.

Тигрь — самое страшное и самое злое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Онъ бываетъ красновато желтаго цвѣта, съ черными полосами. Въ длину онъ тоже иногда достигаетъ сажени, но въ высоту нѣсколько меньше льва. Онъ необыкновенно ловокъ, быстръ, дѣлаетъ огромные прыжки и нападаетъ на всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, не только голодный, но и сытый.

Тигрь въ $\frac{1}{30}$ естественной величины.

Чтобы судить о силѣ этихъ животныхъ, довольно сказать, что левъ однимъ ударомъ лапы можетъ перебить крестецъ у лошади и уносить быка, какъ волкъ ягненка. Онъ выступаетъ величаво, но, кидаясь на добычу, дѣлаетъ прыжки сажени въ четыре. Вотъ почему, когда посреди ночи въ пустынь раздается ревъ льва, подобный грому, то все живое трепещетъ и спѣшитъ укрыться. Тигрь немногимъ уступаетъ льву въ силѣ, а дерзостью и кровожадностью далеко превосходитъ его.

С О В А К А .

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ самое привязанное къ человѣку, безъ сомнѣнія, собака. Она живетъ съ человѣкомъ повсюду, какъ въ самыхъ жаркихъ, такъ и въ самыхъ холодныхъ странахъ; оберегаетъ его домъ, и луцество и стада; помогаетъ ему на охотѣ;

часто утѣшаетъ его своею безкорыстною дружбою и перѣдко жертвуетъ за него своею жизнью. Въ свѣранныхъ странахъ на собакахъ ѣздятъ,

въ Германіи на нихъ возятъ небольшія тяжести, а въ Китаѣ ихъ ѣдятъ; собачій мѣхъ идетъ для дешевыхъ воротниковъ и теплыхъ сапоговъ, а кожа для перчатокъ.

Собачьихъ породъ много: борзья, гошчія, лягавья, водолазы, пуделя, моськи, левретки, бульдоги и т. д.; однихъ главныхъ собачьихъ

породъ насчитываютъ до 30. По росту собаки очень разнообразны, начиная отъ самыхъ маленькихъ, которыя могутъ помѣститься въ карманѣ, во меделяцскихъ, овчарокъ и водолазовъ, величиною съ добраго теленка. Морды собачьи не похожи одна на другую: у борзой, напримѣръ, длинная, красивая, сухая морда; а у бульдога точно будто обрублена. Верхняя губа по большей части покрываетъ нижнюю. Уши или торчатъ кверху, какъ у дворняшекъ, или висятъ кпизу, какъ у лягавыхъ; языкъ длинный, широкій и *гладкій*; носъ влажный и холодный, а слизистая носовая оболочка имѣетъ у иныхъ породъ такъ много складокъ, что если бы ее растянуть, то она могла бы закрыть всю собаку; вотъ почему у собакъ чрезвычайно чуткое обоняніе. Зубы у собаки—единственное ея оружіе; они остры и ихъ больше, чѣмъ у лошади, а именно 42. Рѣзцы, числомъ по шести въ каждой челюсти, небольшіе; клыки коническіе и длиннѣе всѣхъ другихъ зубовъ, ихъ четыре, т. е. по одному въ каждой челюсти съ каждой стороны; коренные зубы съ значительными возвышеніями на коронкахъ. Такіе зубы имѣютъ всѣ плотоядныя животныя. Заднія ноги у собакъ немного длиннѣе переднихъ, и у нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, у борзыхъ, очень длинны, что даетъ имъ возможность прыгать и бѣгать съ необыкновенною быстротою. Хвостъ по большей

части длинный, покрытый волосами, иногда косматый. Кожа покрыта шерстью, которая, какъ по длинѣ, такъ и по цвѣту, бываетъ чрезвычайно разнообразна: иногда гладка и блеститъ, а иногда завивается, какъ, напримѣръ, у пуделя и овчарки, оберегающей стада отъ волковъ. Ноги оканчиваются пальцами, которые вооружены не копытами, а когтями; на переднихъ ногахъ по пяти развитыхъ пальцевъ, а на заднихъ по четыре; пятый палецъ на заднихъ ногахъ не развитъ и имѣетъ видъ бородавки. Нѣсколько искривленные когти не втяжные и не столь кривые, какъ у кошки. Собаки такъ-же, какъ и кошки ходятъ на пальцахъ, почему этихъ животныхъ называютъ *пальцеходящими*, въ отличіе отъ *стопыходящихъ*, каковы, напримѣръ, медвѣдь, барсукъ, енотъ, которые, ходя, опираются на всю стопу, какъ человѣкъ.

Собака ѣстъ и хлѣбъ, и молоко, и овсянку, но охотнѣе всего мясо, для отдиранія и пережевыванія котораго приспособлены ея зубы, а потому ее и причисляютъ къ *плотояднымъ* животнымъ. Щенки ро-

дятся слѣпными и только чрезъ 10 или 12 дней начинаютъ смотреть; они долго кормятся молокомъ матери. Собака можетъ визжать, лаять, выть и ворчать. Во снѣ собака часто бредитъ. Собаки иногда подвергаются болѣзни, называемой бѣшенствомъ или *водо-*

боязнью. Бѣшеную собаку можно узнать по мутнымъ глазамъ, опущенному хвосту, по нѣнѣ, иногда клубящейся изъ рта, но болѣе всего по хриплому лаю.

Вы, можетъ быть, видали на картинкахъ злую фигуру *иены* съ покатою къ заду спиной, нагнутой внизъ головой, съ жадными, смотрящими изъ-подлобья глазами, съ оскаленными зубами, съ ошестинившеюся на спинѣ шерстью. Это животное замѣчательно тѣмъ, что у него лапы съ невтяжными когтями, какъ у собаки, а языкъ шероховатый, какъ у кошечки.

ВОЛКЪ.

У волка нѣтъ ни одного признака, который рѣзко отличалъ бы его отъ собаки; но всякій, кто хоть разъ видѣлъ волка, узнаеть его легко по жаднымъ, злымъ глазамъ, глядящимъ изъ-подлобья, по сильной, неповоротливой шеѣ и по всей его разбойничьей фигурѣ.

Волкъ въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

Волки у насъ водятся вездѣ въ степныхъ оврагахъ и заросляхъ; по въ большіе дремучіе лѣса забираются неохотно. Волки рвутъ всякаго рода животныхъ, не брезгаютъ и падалью. Они бѣгаютъ иногда стаями и съ страшной дерзостью нападаютъ на стада и даже на людей. Волкъ, разъ отвѣдавшій человѣческаго мяса, очень опасенъ. Въ образованныхъ и густонаселенныхъ странахъ у силбы совершенно истре-

бить волковъ: такъ, въ Англіи давно уже нѣтъ ни одного волка. Собака и волкъ — непримиримые враги, и трудно согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что собака тотъ-же волкъ, только сдѣлавшійся домашнимъ. Были попытки сдѣлать волка ручнымъ, но онъ все только оправдала русскую пословицу: „сколько волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть“.

Л И С И Ц А.

И по *зубамъ*, и по *когтямъ* лиса принадлежитъ къ одному семейству съ волкомъ и собакою; но вся ея фигура обличаетъ въ ней хитрость, ловкость, умѣнье притворяться. Мордочка у ней длинная, тонкая; верхняя губа немножко приподнята, точно улыбается; а пзъ-за губъ скалятся бѣлые и острые зубы. Глаза небольшіе, пронзительные; уши всегда на-сторожѣ; лапки маленькія, легкія. Ходитъ

Лисица въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

лиса тихо, крадучись, нѣсколько нагнувшись впередъ, точно просить дозволенія войти. Одѣта она всегда чисто и прилично: рыжеватая шубка ея отливаешь золотомъ и всегда лоснится, какъ шелкъ. На горлышкѣ у лисы бѣлый галстучекъ, на груди бѣлый жилетъ; свой пушистый хвостъ носить она на отлетѣ, очень осторожно и ловко. Но всему видно, что лиса занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ *пушистыхъ* звѣрей.

Живетъ лисица по-барски: гдѣ-нибудь въ глуши, подальше отъ людскихъ глазъ, роетъ она себѣ глубокую и очень вмѣстительную нору съ нѣсколькими выходами на всякій случай. Въ норѣ у ней не одна комната, а полы выстланы мягкимъ мхомъ: все очень уютно и

прилично. Возлѣ своего жилья лиса ведетъ себя скромно; но гдѣ-нибудь подалеже, на сторонкѣ, занимается разбойничьимъ промысломъ. У кумушки-лисы зубы остры и аппетитъ отличный; по она не кидается, какъ волкъ, на всякую падалъ. Напротивъ, лиса большая лакомка и любитъ разнообразіе въ пищѣ: зайчикъ, мышка, мелкал птичка, курочка, гусекъ и даже рыбка попеременно являются за ея столомъ; она не прочь освѣжиться послѣ обѣда и кистью сочнаго винограда.

Лиса не труслива, но сильно не любитъ длиннорылыхъ борзыхъ, отъ которыхъ ей не всегда удается унести свой пушистый хвостъ. Бѣжитъ она быстро и дѣлаетъ большія прыжки; ловко увертывается отъ собакъ. даже прилегасть къ землѣ, когда тѣ ее догоняютъ, и даетъ имъ перескочить черезъ себя. Если же лиса видитъ, что убѣжать ей нельзя, то защищается отчаянно; но въ капканъ попадаетъ развѣ какая-нибудь глупая. Мѣхъ лисій цѣненъ, особенно лисицъ *чернобурыхъ*; мясо же имѣетъ сильный и непріятный запахъ.

М Е Д В Ъ Д Ъ .

Въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ самый большой и самый сильный звѣрь—бурый или обыкновенный медвѣдь. Прежде медвѣдей было очень много, и русскіе, промышляя медвѣжьей шкурой, хорошо познакомились со всеми привычками медвѣди и даже полюбили этого проказника Мишку, величая его Михайломъ Потопычемъ, а медвѣдицу Марьей Михайловной.

Медвѣдь закутанъ въ такую теплую, мохнатую шубу, что нельзя даже хорошенько рассмотреть, какъ онъ сложенъ. Морда у него вытянутая; устройство коренныхъ зубовъ показываетъ, что онъ животное *всядное*, такъ какъ одни изъ этихъ зубовъ снабжены острыми бугорками, другіе—лишь очень небольшими возвышеніями; медвѣдь ѣстъ плоды, коренья, ягоды, овесъ, мясо, большой охотникъ до меда; прирученный даже не прочь выпить стаканъ водки, послѣ чего выдѣлываетъ самыя забавныя штуки и валается, какъ пьяный человекъ.

Замѣчательно устройство медвѣжьихъ лапъ: онъ ступаетъ не только на пальцы, какъ собака, кошка и другіе *пальцеходящіе*

звѣри, но на всю стопу, какъ человѣкъ; почему его причисляютъ къ животнымъ *стопоходящимъ*. Ходитъ медвѣдь довольно тяжело, двигая лапами какъ-то вкось, почему его и назвали, очень удачно, косолапымъ; но можетъ бѣгать быстро.

На каждой лапѣ у медвѣдя по пяти пальцевъ съ крѣпкими когтями. Переднія лапы у него вообще гораздо подвижнѣе заднихъ, и медвѣдь часто беретъ въ лапы пищу, чего не дѣлаетъ собака. Онъ очень ловко лазитъ по деревьямъ и даетъ передними лапами отличныя пощечины собакамъ, когда онѣ на него нападаютъ. Медвѣдь очень силенъ, ловокъ и не трусливъ, если только на него не нападаютъ врасплохъ. Но, тѣмъ не менѣе, у насъ много смѣльчаковъ, которые, съ рогатиной въ рукахъ и съ винтовкой за плечами, ходятъ на медвѣдя одинъ на одинъ и отлично справляются съ косолапымъ Мишкой. Раненный, онъ рѣдко обращается въ бѣгство, но храбро защищается зубами и лапами до послѣдняго издыханія. Бурый медвѣдь на самые холодные мѣсяцы забирается въ берлогу. Тамъ онъ предается зимнему сну, почему и причисляютъ его къ *зимоспящимъ* животнымъ. Въ это время онъ ничего не ѣстъ и очень худѣетъ, потому что въ немъ совершается питаніе на счетъ его же собственнаго жира, котораго у медвѣдей лѣтомъ очень много. Нашъ народъ говоритъ, что во время зимняго сна медвѣдь сосетъ свою лапу, потому что спящій медвѣдь прикрываетъ себѣ морду лапами, и потому также, что

Медвѣдь въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

весною у него перемѣняется кожа на лапахъ: старая спадаетъ и наростаётъ новая.

Медвѣдь легко дѣлается ручнымъ, если его поймаютъ еще маленькимъ, но такъ какъ онъ все же очень опасенъ по своей громад-

ной силѣ, то ему подпиливаютъ когти и зубы. Прежде у насъ мужики водили по городамъ и деревнямъ медвѣдей на цѣпяхъ, продѣвъ одно кольцо цѣпи въ ноздри или губу медвѣдя. Такіе медвѣди плясали очень забавно, кувыркались, кланялись; но вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, что подобныя шутки надъ бѣднымъ звѣремъ слишкомъ жестоки, и потому порадуетесь, что нынче запрещено водить медвѣдей.

Медвѣжий мѣхъ очень тепелъ и хорошій цѣнится очень дорого. Медвѣжья окорока вкусны; а охотники хорошо покушать въ особенности любятъ медвѣжьи лапы.

На берегахъ Ледовитаго океана и даже на его плавающихъ льдахъ водятся громадныя *бѣлые медведи*. Они бываютъ до сажени въ длину, отлично плаваютъ, смѣлы и кровожадны, но питаются по большей частию рыбою и *морскими* звѣрями. Бѣлый медвѣдь въ берлоги не забивается и на зиму не засыпаетъ.

Енотъ, мѣхъ котораго такъ часто употребляется на шубы, есть тоже небольшое стопоходящее животное, которое водится преимущественно въ Америкѣ, по берегамъ рѣкъ, и любитъ полоскаться въ водѣ, за что и зовутъ его такъ же *полоскуномъ*.

Х О Р Е К Ъ .

Въ нашихъ деревянныхъ домахъ заводится часто тайный врагъ, котораго видѣть очень трудно; но слѣды его присутствія появляются послѣ каждой ночи. Ключница, отправившись по утру въ погребъ, находитъ, что кринки съ молокомъ опрокинуты и яйца, которыя, казалось, спрятала она очень тщательно, вышты; хозяйка, завернувши въ птичникъ, видитъ страшное опустошеніе: пять-шесть цыплятъ лежатъ безъ головъ, и кровь изъ нихъ, видимо, выпита. Достается также курамъ, индѣйкамъ, кроликамъ; но попадаетъ также мышамъ и крысамъ. Этотъ невидимый хищникъ и разоритель, появляющійся изъ своихъ глубокихъ норъ только по ночамъ, не кто другой, какъ *хорекъ* или *тхоръ*. Хорекъ — небольшое, но очень смѣлое и кровожадное животное, любящее питаться теплою кровью звѣрьковъ и птицъ. Всѣ его зубы очень остры; рѣзцы и клыки нѣсколько изогнуты, коренныя зубы имѣютъ на коронкахъ острые бугорки, а невтяжные когти его

такъ крѣпки, что хорекъ часто съ успѣхомъ защищается противъ большой собаки. Хорекъ величиною съ кошку, но только гораздо ниже и потоньше ея, съ нѣсколько выгнутой спиной, съ мохнатымъ, довольно длиннымъ хвостомъ и короткими ногами о пяти пальцахъ. Гибкое, тонкое тѣло хорька густо покрыто желтоватымъ пухомъ и темными волосами, концы которыхъ черны; ноги и хвостъ чернаго цвѣта; на мордочкѣ бѣлыя пятна, края ушей тоже бѣлыя. Хорекъ очень длинень и тонокъ; голова у него маленькая, и потому онъ пролѣзаетъ даже въ небольшія щели. Мѣхъ его теплъ, красивъ и употребляется на шубы.

Ласочка въ $\frac{1}{2}$ естеств. величинѣ.

Къ семейству хорьковъ принадлежитъ множество пушилыхъ звѣрей, небольшихъ, но отличающихся своимъ прекраснымъ мѣхомъ, который иногда цѣнится очень дорого. Мы перечислимъ самыхъ замѣчательныхъ изъ звѣрковъ хорьковаго семейства, которые все устройство тѣла очень похожи другъ на друга: 1) *Соболь* водится только въ большихъ лѣсахъ, въ горахъ Сибири и Сѣверной Америки. Онъ гнѣздится обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ, подъ колодами и между камнями. Соболь очень похожъ на хорька, только хвостъ у него длиннѣе, пушистѣе, мордочка острѣе и мѣхъ гуще, теплѣе и красивѣе. Шкурка иного соболя стоитъ рублей до 20-ти и дороже. 2) *Куница* живетъ въ лѣсахъ холодныхъ странъ. Она, какъ и соболь, отлично лазитъ по деревьямъ, гоняясь за птичками. Мѣхъ куницы также очень хорошъ, но дешевле собольяго. 3) *Ласочка* или *ласка*, зимою вся бѣлая, изрѣдка попадаетъ даже въ нашихъ сѣверныхъ деревняхъ, вырывая норы подъ полами домовъ. Хотя она также дупшитъ цыплятъ, какъ и хорекъ, но наши деревенскія хозяйки очень ее любятъ за прекрасную бѣлую шкурку и за то еще, что она усердно истребляетъ мышей. 4) *Горностаѣ* зимою также весь бѣлый, но съ чернымъ кончикомъ хвоста, похожъ на ласку, но мѣхъ его пушистѣе, теплѣе и цѣнится довольно дорого. Замѣтимъ кстати, что куницу, со-

боля, горносталя и ласку считаютъ различными *видами* одного п того же *куньяго рода*. 5) Къ одному же семейству съ хорьками принадлежить и *выдра*, живущая по берегамъ небольшихъ рѣчекъ. Она по преимуществу кормится рыбой, но не пропускаетъ и маленькихъ звѣрковъ; плаваетъ и ныряетъ отлично. 6) Рыбою кормится также и *норка*, мѣхъ которой также идетъ на шубы.

Всѣхъ животныхъ хорьковаго семейства охотники безжалостно преслѣдуютъ — иногда ружьемъ, а иногда капканами.

Примѣчаніе. 1) *Отрядъ* однокопытныхъ; 2) *отрядъ* двукопытныхъ; 3) *отрядъ* многокопытныхъ; 4) *отрядъ хищныхъ*. Въ отрядѣ хищныхъ мы знаемъ пять семействъ: 1-е семейство *кошачье*: кошка, левъ, тигръ, леопардъ, барсъ, и др.; 2-е семейство — *собачье*: собака, волкъ, лисица, шакалъ; 3-е семейство *пеновое* — гиены; 4-е семейство *медвѣжье* — бурый и бѣлый медвѣди, енотъ; 5-е семейство *хорьковое*: хорскъ, выдра, куница. 1-ъ *куньемъ роду* мы узнали слѣдующіе *виды*: собственно куницъ, соболя, горносталя, ласку. Звѣри всѣхъ этихъ семействъ, обладающіе вмѣсто копытъ когтями, по устройству зубовъ, прировненныхъ къ терзанію и жеванію мяса, причисляются къ одному *отряду* — *хищныхъ*.

ВЪЛКИ, ЗАЙЦЫ, МЫШИ И ДРУГІЕ ГРЫЗУНЫ.

Навѣрное каждому изъ васъ знакома бѣлка: это маленькое, красивое, проворное созданіе съ остренькой мордочкой, дѣскими лапками и длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который она загибаетъ на спину и на голову, когда сидитъ, и разстилаетъ по воздуху, когда прыгаетъ. Но если бѣлочка попадетъ вамъ въ руки, то разсмотрите хорошенько этого маленькаго звѣрька, котораго, за его проворство, смысленность и ловкость, иные называютъ обезьяною сѣверныхъ лѣсовъ. Переднія ноги ея короче заднихъ; вотъ почему она прыгаетъ лучше, чѣмъ бѣгаетъ. На переднихъ лапахъ у бѣлки по четыре пальца, а пятый такъ малъ, что его можно счесть за бородавку; на заднихъ лапкахъ пять пальцевъ; на каждомъ пальцѣ по одному дѣпкому когтю. Бѣлка охотно сидитъ на заднихъ лапкахъ и ловко держитъ въ переднихъ пищу — орѣхъ, желудь, каштанъ, яблоко, почку дерева или какое-нибудь смячко. Голова у бѣлки небольшая, почти четырехугольная; верхняя губа раздвоена; верхняя челюсть замѣтно длиннѣе нижней. Всего замѣчательнѣе зубы бѣлки: спереди у ней 4 острыхъ четырехгранныхъ рѣзца — два вверху и два подлѣя вънизу, но такъ какъ

нижняя челюсть у бѣлки короче, то верхніе рѣзцы заходятъ за нижніе. Клыковъ у бѣлки вовсе нѣтъ, и тамъ, гдѣ они бывають у другихъ животныхъ, остается довольно значительный промежутокъ, за которымъ въ обѣихъ челюстяхъ и по обѣ стороны помѣщены плоскіе коренные зубы съ насѣчками, для перемалыванія изгрызенной пищи. Рѣзцы у бѣлки, какъ и у другихъ, подобно ей, *грызущихъ* животныхъ, обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ:

стираясь отъ безпрестаннаго употребленія, они безпрестанно подрастають. Если бѣлку долго держать въ клеткѣ и не давать ей ничего грызть, то рѣзцы у нея такъ выростутъ, что она не будетъ въ состояніи ѣсть. Устройство челюстей и зубовъ бѣлки ясно показываетъ, что ей суждено не рвать, не кусать и не глотать цѣликомъ, а *грызть* свою пищу, и въ самомъ дѣлѣ, какъ вы вѣроятно замѣтили, бѣлка прогрызаетъ скорлупу самаго твердаго орѣха съ необыкновеннымъ проворствомъ и потому принимается также грызть и зерно.

Бѣлка въ $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

Бѣлка устраиваетъ себѣ гнѣзда на деревьяхъ и очень искусно защищаетъ ихъ отъ вѣтра, снѣга и холода. Въ пустыя дупла деревьевъ собираетъ она себѣ на зиму запасы — различнаго рода орѣховъ, плодовъ и древесныхъ сѣмянъ. Она обладаетъ зоркими глазами, сильнымъ чутьемъ, необыкновенно проворными ножками, съ быстротою стрѣлы перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, прыгаетъ съ вершины дерева на землю и не убивается; но все это не всегда спасаетъ ее отъ зубовъ нѣкоторыхъ хищныхъ звѣрей, отъ когтей орла и отъ пули охотника, для котораго нужна ея пушистая, мягкая шкурка. Охотятся на бѣлокъ зимою, когда шерсть ея гуще, чѣмъ лѣтомъ, и сѣраго цвѣта, тогда какъ лѣтомъ она рыжая.

Бѣлка принадлежитъ къ обширному отряду животныхъ, которыя всё, по устройству своихъ зубовъ, похожи на бѣлку и называются *грызунами*. Отрядъ грызуновъ очень многочисленъ. Къ нему принадлежитъ болѣе 600 видовъ различныхъ животныхъ.

Заяцъ въ $\frac{1}{3}$, естеств. велич.

Изъ этихъ животныхъ мы перечислимъ только тѣхъ, которыя намъ болѣе извѣстны, или которыя чаще попадаются намъ на картинкахъ.

Заяцъ тоже грызунъ и питается капустой, корю деревьевъ и молодымъ овсомъ. Замѣчательно, что тогда какъ въ нижней челюсти

зайца два переднихъ зуба, въ верхней у него четыре—два спереди, большіе, и два сзади—маленькіе. Нижніе передніе зубы сходятся вершинками только съ маленькими верхними, а передними верхними зубами заяцъ упирается въ то, что грызетъ. Задними верхними рѣзцами заячье семейство, заключающее въ себѣ нѣсколько различныхъ

родовъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ семействъ отряда грызуновъ.

Но если уже кого-нибудь можно назвать неутомимыми грызунами, то это, безъ сомнѣнія, крысы и мыши. Эти грызутъ все: прогрызаютъ полы, изгрызаютъ мебель, платья, книги, растенія, и острые зубы ихъ, устроенные какъ у бѣлки, наносятъ много вреда

и въ кладовыхъ, и на поляхъ. Мышиныхъ видовъ очень много: одни живутъ въ домахъ, другія на поляхъ, третьи по берегамъ рѣчекъ; но всё онѣ вмѣстѣ составляютъ одно *мышиное семейство* отряда грызуновъ.

Лѣнивый, толстый *байбакъ*, засыпающій на зиму, *сурокъ*, показываемый странствующими савоярами, *сусликъ* или *ображекъ*,

который такъ вреденъ въ нашихъ степяхъ—всѣ эти животныя, хотя и грызуны, но болѣе другихъ любятъ рыться въ землѣ и вырывать себѣ для жилья глубокія и длинныя норы; они составляютъ особое *сурковое* семейство отряда *грызуновъ*.

Бобръ, мѣхъ котораго цѣнится довольно дорого, по устройству зубовъ, тоже грызунъ; но такъ какъ онъ частію живетъ въ водѣ и частію на сушѣ, то ноги его и хвостъ имѣютъ замѣчательныя особенности: хвостъ покрытъ чешуею, а между пальцами заднихъ ногъ растянута плавательная перепонка. Бобръ устраиваетъ свое жилье по берегамъ рѣчекъ, гдѣ роетъ длинныя норы, выходящія въ воду. Тамъ же, гдѣ бобровъ не пугаетъ человекъ, они устраиваютъ у бере-

Бобръ въ $\frac{1}{10}$ естественной величины.

говъ и па отмеляхъ замѣчательныя жилища изъ вѣтокъ, кольевъ, травъ, скрѣпляя все это клейкою глиною. Эти дома бобровъ имѣютъ два этажа: нижній скрытъ подъ водою; верхній же сухой, гдѣ большею частью лежитъ самъ бобръ, находится надъ поверхностью воды. Но такъ какъ вода въ рѣчкѣ, прибывая и подымаясь весной или отъ дождей, могла бы потопить и верхнее жилье, то бобры, собравшись цѣлымъ обществомъ и дружно помогая одинъ другому, обгораживаютъ свои жилища большими и крѣпкими плотинами изъ кольевъ, хворосту, травы и глины. Изъ этого вы уже видите, какъ уменъ и смѣтливъ бобръ: но онъ такъ-же запасливъ и остороженъ. Лѣтомъ онъ соби- аетъ пищу (большею частію вѣтки молодыхъ деревьевъ) на дол-

гую зиму и устраиваетъ на всякій случай нѣсколько выходовъ изъ своего жилья. При малѣйшей опасности бобръ уходитъ въ воду, а если опасность грозитъ изъ воды, то выходитъ на сушу. Но, не смотря на весь свой умъ, бобръ часто дѣлается добычею охотниковъ, потому что шкура его мягка, тепла, пушиста и цѣнится дорого.

КРОТЪ.

Кротъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ млекопитающихъ, которыя находятъ себѣ пищу подъ землею; за то и весь организмъ крота приспособленъ къ подземной жизни. Длинною онъ бываетъ, вмѣстѣ съ хвостомъ, не больше трехъ вершковъ. Его длинная головка оканчивается хоботообразнымъ рыльцемъ; на концѣ рыльца твердый подвижной хрящъ, какой мы уже видѣли у свиньи, тоже любящей

Кротъ въ $\frac{1}{2}$ естественной величины.

взрывать землю. Головка крота соединяется незамѣтно съ длиннымъ, ровнымъ туловищемъ; короткія лапы очень невелики сравнительно съ туловищемъ, и переднія, которыя гораздо сильнѣ заднихъ, прекрасно приспособлены къ тому, чтобы ими вырывать и выбрасывать землю: онѣ вывернуты наружу и снабжены пятью широкими и твердыми когтями. Сначала кротъ носомъ разроетъ, разрыхлить землю, а потомъ передними лапами прокладываетъ себѣ дорогу. Заднія ноги крота гораздо слабѣ переднихъ и обращены подошвами внизъ; онѣ служатъ кроту только для передвиженія. Всѣ отверстія на головѣ крота очень тщательно защищены отъ земли, которая могла бы туда попасть; кожа, спускающаяся съ верхней губы, прикрываетъ ротъ; а густые волосы закрываютъ маленькіе черные глазки, которые такъ малы и незамѣтны, что многіе считаютъ крота слѣпымъ. Волоса защищаютъ также уши крота или, лучше сказать, чшныя отверстія, потому что ушныхъ раковинъ у крота

нѣтъ. Все тѣло крота покрыто мягкимъ, скользкимъ, лоснящимся мѣхомъ чернаго цвѣта.

Многіе думали прежде, что кротъ питается корнями растений и потому очень вреденъ для полей, садовъ и лѣсовъ; но, осмотрѣвши внимательно зубы животнаго, убѣдились, что они у крота вовсе не такъ устроены, какъ у грызуновъ, напр., у зайца или бѣлки. Въ верхней челюсти у крота 6, а въ нижней 8 острыхъ переднихъ зубовъ; за ними — очень острые согнутые клыки, а потомъ идутъ очень острые коренные зубы; слѣдовательно, кротъ — маленькій хищникъ. И дѣйствительно, въ желудкѣ кротовъ находили лички и личинки насѣкомыхъ, дождевыхъ червей и другихъ вредныхъ для полей маленькихъ животныхъ, но ни кусочка какого-нибудь растенія. Вотъ почему крота, равно какъ и ежа, причисляютъ къ отряду животныхъ *насъкомоядныхъ*, которыя приносятъ пользу растеніямъ, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ.

Ежъ въ $\frac{1}{4}$ естеств. величинны.

Норы крота вырыты очень искусно: это цѣлыя подземныя зданія со множествомъ галлерей и переходовъ. Тѣ небольшія, черныя кучки земли, которыхъ такъ много нарывають кроты повсюду, содержатъ отверстія, служащія для прохода воздуха въ подземныя жилища кротовъ: безъ нихъ кроту нельзя было бы дышать. Кромѣ истребленія насѣкомыхъ, вредныхъ корнямъ растений, пользы отъ кротовъ мало; впрочемъ, изъ шкурѣкъ ихъ выдѣлываютъ иногда очень непрочный и потому недорогой мѣхъ.

Л Е Т У Ч А Я М Ы Ш Ь.

Каждому, вѣроятно, случалось видѣть летучую мышъ, когда она, въ сумерки, снуетъ взадъ и впередъ около жилыхъ мѣстъ. По величинѣ и устройству головы и туловища, она нѣсколько походитъ на обыкновенную мышъ; но въ устройствѣ конечностей имѣетъ много особенностей.

Голова и туловище летучей мыши покрыты мягкими, темпосѣрыми волосами, которые на брюшкѣ принимаютъ свѣтло-сѣрый оттѣнокъ; носъ у нея тупой, плоскій, съ двумя очень замѣтными ноздрями, образующими длинныя разрѣзы, идущіе кверху; глаза маленькіе и уши большія, съ особымъ отросткомъ въ серединѣ; широкій ротъ вооруженъ очень острыми зубами. Разматривая крылья летучей мыши, мы вовсе не замѣчаемъ на нихъ перьевъ, какъ у птицъ: это тонкая, полупрозрачная перепонка, соединяющая и покрывающая сверху

Летучая мышь въ $\frac{1}{2}$ естественной величины.

конечности животнаго, изъ которыхъ двѣ переднія гораздо длиннѣе заднихъ. По этому признаку летучихъ мышей причисляютъ къ отряду *рукокрылыхъ* млекопитающихъ животныхъ. Изъ-подъ перепонки, соединяющей конечности и хвостъ, выдается по пяти пальцевъ заднихъ ногъ, съ острыми когтями; четыре очень длинныхъ пальца на двухъ переднихъ ногахъ соединены перепонкою, а одинъ палецъ остается свободенъ и вооруженъ острымъ, цѣпкимъ когтемъ, въ видѣ крючка. У летучей мыши очень много железъ, отдѣляющихъ жирную, зловонную жидкость, которою она увлажяетъ себѣ тѣло и перепонку.

Днемъ летучихъ мышей не видно; только въ сумерки вылетаютъ онѣ изъ своихъ притоновъ, находящихся обыкновенно подъ крышами, въ разрушенныхъ и покинутыхъ зданіяхъ, овинахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Далекъ отъ своихъ притоновъ летучія мыши не рѣшаются отлетать: — много-много, если шаговъ на сто. За то это небольшое пространство пролетаютъ онѣ разъ двадцать въ минуту, безпрестанно описывая на лету неправильныя линіи: бросаясь изъ стороны въ сторону, ловятъ онѣ ночныхъ бабочекъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ. Съ наступленіемъ темной ночи возвращаются онѣ опять въ свои притоны и засыпаютъ до вечера. Летучія мыши принадле-

жать въ числу животныхъ зимоспящихъ; осенью онѣ отыскиваютъ мѣста темныя, сырыя, но защищенныя отъ стужи, и тамъ, уцѣпившись за что-нибудь задними ногами и совершенно повиснувъ на нихъ головою внизъ, спать всю зиму.

Въ маѣ самка приноситъ не больше двухъ дѣтенышей. Только что родившаяся летучая мышь крѣпко прицѣпляется къ груди матери, носится съ нею повсюду и питается ея молокомъ въ продолженіе 10-ти недѣль; по истеченіи же этого времени, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, молодая мышь оставляетъ мать и отправляется сама отыскивать себѣ пищу.

Сняться съ ровной земли, какъ птица, и подняться вверхъ, летучая мышь не можетъ; чтобы полетѣть, она должна непременно взобраться на возвышеніе и броситься съ высоты на воздухъ, который тогда упрется въ ея перепонку, какъ упирается напимѣръ въ зонтикъ, если, держа его въ рукахъ, прыгнуть съ высоты. Кромѣ способности летать, летучія мыши могутъ ползать; цѣпляясь своимъ крючковатымъ когтемъ переднихъ ногъ и хватаясь попеременно то правымъ, то лѣвымъ пальцемъ, подвигаются онѣ впередъ, хотя очень медленно и съ трудомъ. Летучія мыши — существа не только совершенно безвредныя, но, напротивъ, полезныя, потому что истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ.

ОБЫКНОВЕННАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Обыкновенная обезьяна называется турецкой обезьяной, маго и мартышкою. Ее приходится намъ встрѣчать часто не только въ звѣринцахъ, но и на плечахъ шарманщиковъ, разгуливающихъ съ нею по улицамъ большихъ городовъ. Маго — животное, чуждое нашему климату. Ея родина собственно сѣверная Африка. Одичалая мартышка встрѣчается изрѣдка и въ Европѣ, но единственно только въ Испаніи, на скалахъ, окружающихъ Гибралтаръ.

По устройству тѣла и по понятливости своей, обезьяна имѣеть нѣкоторое сходство съ человѣкомъ; въ крупныхъ видахъ обезьянъ сходство это выдается еще рѣзче; мартышка же ростомъ рѣдко бываетъ выше аршина. Тѣло марышки все покрыто сѣрыми волосами, поднотолько лицо остается свободнымъ отъ волосъ и бываетъ тѣлеснаго цвѣта; хвостъ ея едва замѣтенъ; но есть и длиннохвостыя обезьяны, преимущественно американскія, у которыхъ хвостъ очень дли-

Орангутангъ въ $\frac{1}{20}$ естеств. велич. нешъ и цѣпокъ, т. е. онѣ могутъ концомъ хвоста уцѣпиться за вѣтку дерева и висѣть внизъ головою. Голова марышки отличается отъ головы ребенка сильно выдающимся впередъ лицомъ, не выдающимся, плоскимъ подбородкомъ, черезъ чуръ малымъ разстояніемъ между глазами и заходящими одинъ за другой клыками. Число и названіе зубовъ вообще такое, какъ и у человѣка; но конечности устроены нѣсколько иначе: у обезьянъ на всѣхъ четырехъ конечностяхъ такіе же длинные пальцы, способные схватывать и удерживать предметы, какъ у насъ на рукахъ, отчего обезьянамъ и дали названіе *четверорукихъ*. Такое устройство конечностей мѣшаетъ обезьянамъ свободно ходить, но даетъ возможность превосходно лазать.

Маго живутъ въ лѣсахъ теплаго пояса, но большей части, стадами. На деревья взбираются онѣ, обхватывая стволъ, а не цѣпляясь за кору ногтями. По землѣ ходятъ съ трудомъ, ступая на всѣ четыре конечности. Хотя плоды и составляютъ главную ихъ пищу, но онѣ ѣдятъ также насѣкомыхъ и яйца маленькихъ птичекъ.

Хищническіе походы свои онѣ совершаютъ всегда подъ предводительствомъ пачальниковъ, вооруженныхъ палками. Обезьяны вообще живы, вертлявы, проворны, хитры, переимчивы; но, старѣясь, глу-

пѣютъ и дѣлаются злыми; ручными становятся, по большей части, съ трудомъ. Страсть ихъ къ подражанію извѣстна всѣмъ.

Кромѣ мартышки, мы замѣтимъ здѣсь еще одну большую обезьяну—*орангутана*, живущаго только въ лѣсахъ жаркаго климата. Орангутангъ ростомъ бываетъ съ большого человѣка; по верхнія руки у него доходятъ до ступней. Взрослый онъ свирѣпъ и не дается живой; но взятый маленькимъ, легко дѣлается ручнымъ. Орангутангъ устраиваетъ себѣ шалаши на высокихъ деревьяхъ; отбивается отъ нападающихъ палками, камнями, плодами деревьевъ; перевезенный въ страны, имѣющія болѣе холодный климатъ, скоро умираетъ отъ болѣзни легкихъ.

Отрядъ *четверорукихъ* раздѣляется на нѣсколько семействъ. Орангутангъ и мартышка принадлежатъ къ одному семейству.

П р и м ѣ ч а н і е. Мы узнали теперь 8 *отрядовъ* животныхъ: 1) однокопытныхъ, 2) двукопытныхъ, 3) многокопытныхъ, 4) хищныхъ, 5) грызуновъ, 6) насекомоядныхъ, 7) рукокрылыхъ, 8) четверорукихъ. Въ каждомъ *отрядѣ* мы узнали нѣсколько *семействъ* (какіе?); въ нѣкоторыхъ семействахъ по нѣскольку *родовъ* и *видовъ* (какіе?). Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ мы прочли, по отрядамъ, семействамъ, родамъ и видамъ. Повторите по табличкѣ все, что прочли о животныхъ.

Т Ю Л Е Н Ъ.

Тюлень живетъ въ моряхъ, и именно въ сѣверныхъ, изъ которыхъ заходитъ иногда въ устья рѣкъ. Голова его похожа на собачью, и звуки, которые онъ издаетъ,—на лай. Трудно себѣ представить, что тюлень—животное млекопитающее; но, тѣмъ не менѣе, это справедливо, и маленькіе родившіеся тюленьчики питаются молокомъ матери. Массивное туловище тюленя удлинено, сзади и сверху приплюснуто; толстая кожа покрыта короткими, гладкими, серебристыми волосами. Величиною совершенно взрослый тюлень бываетъ иногда около сажени. На круглой головѣ у него замѣтны ушные отверстія съ клапанами и большіе, ласковые глаза; поздри, при погруженіи животнаго въ воду, закрываются также особенными клапанами; во рту находятся острые зубы. Короткія, загнутыя назадъ, широкія переднія ноги тюленя называются *ластами*; онѣ плохо служатъ для

ходьбы по сушѣ, но зато отлично исполняютъ должность весель при плаваніи. Что лапы назначены для послѣдняго употребленія, это замѣтно и по перепонкѣ, соединяющей и покрывающей пальцы. На

Тюлень въ $\frac{1}{15}$ естественной величины.

заднихъ, сильно повернутыхъ назадъ ногахъ, служащихъ тюленю при плаваніи вмѣсто руля, перепонка идетъ еще дальше и пальцы едва замѣтны. По особому устройству своихъ конечностей, называемыхъ лапами, тюлени причисляются къ особому отряду животныхъ — *ластоногихъ*, куда принадлежатъ еще моржи и сивучи, тоже жирные обитатели холодныхъ морей.

Тюлени очень добрыя и смиренныя животныя. Они съ любопытствомъ высовываютъ свои головы изъ воды, когда слышатъ шумъ, но такъ же быстро прячутся. Плаваютъ они на брюхѣ и на спинѣ, ныряютъ отлично, живутъ болѣе въ водѣ, чѣмъ на сушѣ; но не могутъ пробыть подъ водою болѣе четверти часа: имъ непременно надобно выплынуть, чтобы выдохнуть изъ легкихъ испортившійся воздухъ и вдохнуть свѣжій; при чемъ воздухъ вылетаетъ изъ ноздрей съ шумомъ. Зимомъ тюлени пробиваютъ ледъ, чтобы просунуть сквозь него морду и подышать воздухомъ, чего рыбы не дѣлаютъ, обладая жабрами, добывающими воздухъ изъ воды. Тюлени часто выходятъ на берегъ или на льдину, чтобы отдохнуть или покормить своихъ дѣтенышей, которыхъ, впрочемъ, не оставляютъ на берегу, но уносятъ въ воду, придерживая ихъ передними лапами. На сушѣ тюлени очень неповоротливы, а потому ихъ легко убиваютъ, ударяя по головѣ чекушею (дубиною), или вонзая въ толстое тѣло острокрючья.

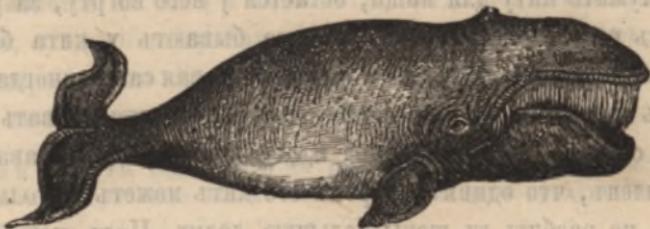
Питаются они рыбами, моллюсками (водяныя животныя, похожія на улитокъ) и другими морскими животными.

Полезу людямъ приносятъ тюлени своимъ жиромъ, котораго у всѣхъ *ластоногихъ* очень много, и кожей, идущею на различныя подѣлки. Тюленью кожу съ шерстью можно иногда видѣть у насъ на ранахъ, ящикахъ и погребцахъ. Жиръ тюлений извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ ворвани и идетъ, большею частью, на выдѣлку кожъ.

Моржъ — тоже ластоногое животное и похожъ и видомъ, и образомъ жизни на тюленя, но онъ значительно больше тюленя, а два большіе, торчащіе внизъ клыка отличаютъ моржей съ перваго взгляда. Кость моржевыхъ клыковъ употребляется на различныя подѣлки; но она не такъ бѣла и крѣпка, какъ слоновая.

К И Т Ъ .

„*Чудъ-юдъ рыба китъ*“, говорится въ русскихъ сказкахъ; но въ томъ-то и дѣло, что китъ вовсе не рыба, а звѣрь — такое же млекопитающее животное, какъ корова или лошадь, и что киту, хотя изрѣдка, необходимо высовывать голову изъ воды, чтобы подышать воздухомъ, которымъ дышемъ и мы съ вами. Но китъ, не будучи рыбой, которая, какъ вы знаете, дышетъ жабрами и не питается въ дѣтствѣ молокомъ матери, по формѣ тѣла такъ

Китъ въ $\frac{1}{200}$ естественной величины.

похожъ на рыбу, что его причислили къ особому отряду животныхъ — *рыбообразныхъ*, куда относится и дельфинъ, о которомъ вы, можетъ быть, слышали; но у дельфина есть зубы, а у кита зубовъ нѣтъ, и потому кита и дельфина причисляютъ къ двумъ отдѣльнымъ семействамъ отряда *рыбообразныхъ*.

Величина и тяжесть кита такова, что изъ сорока слоновъ можно было бы слѣпить не болѣе одного кита. Въ длину онъ бываетъ иногда до десяти сажени. Голова кита несоразмѣрно велика и составляетъ почти треть его тѣла. Въмѣсто переднихъ ногъ у него два плавника; вмѣсто заднихъ—большой хвостъ, лежащій *горизонтально*. Уши у кита очень малы, а небольшіе глаза его помѣщаются почти у самыхъ плавниковъ. Ноздри находятся на вершинѣ головы и изъ нихъ, когда животное дышетъ на холоду, выходитъ видимый паръ. Кривой ротъ въ длину имѣетъ до двухъ сажень, а въ ширину немного менѣе; языкъ бываетъ сажени въ три; но глотка такая маленькая, что въ нее едва можно просунуть руку. Зубовъ у кита нѣтъ, а на ихъ мѣстѣ въ верхней челюсти находится до 800 роговыхъ пластинокъ, изъ которыхъ каждая бываетъ до двухъ сажень длиною и въ полвершка шириною, а къ концу растрепливается на мелкія волокна. Изъ кита этихъ роговыхъ пластинокъ добываютъ до 80-ти пудовъ и онѣ извѣстны подъ именемъ *китоваго уса*, который вы, вѣроятно, видали. Пластинки эти служатъ киту вмѣсто невода для удерживанія между ними мелкихъ морскихъ животныхъ, которыми онъ кормится. Зачерпывая огромное количество воды своимъ широкимъ ртомъ, китъ пропускаетъ ее обратно сквозь свои усы; все, что можетъ служить киту для пищи, остается у него во рту, за усами, и идетъ въ глотку. Плавники, которые бываютъ у кита болѣе сажени, замѣняютъ ему также и руки. Китовая самка иногда поддерживаетъ ими своихъ дѣтенышей, когда тѣ устанутъ плавать. Хвостъ у кита сажени три въ ширину и служитъ ему для плаванія; онъ такъ силенъ, что однимъ ударомъ его китъ можетъ не только опрокинуть, но разбить въ щепы большую лодку. Подъ кожей у этого громаднаго звѣря холодныхъ морей лежитъ слой жира, толщиною иногда въ аршинъ и болѣе. Китовый усъ и китовый жиръ, называемый въ продажѣ *ворванью*, употребляется въ различныхъ производствахъ. Несмотря на величину свою, китъ питается только самыми маленькими рыбками, моллюсками, раками и т. п. небольшими водяными животными. Онъ плаваетъ очень быстро и проплываетъ

иногда въ часъ до четырехъ миль. Подъ водою китъ можетъ оставаться минутъ двадцать и даже больше; но потомъ ему необходимо выплыть на поверхность воды и разъ десять вдохнуть въ себя воздухъ.

Множество кораблей отправляется для ловли китовъ въ сѣверныя моря. Одинъ изъ матросовъ садится на мачту и смотритъ, не видно ли гдѣ нибудь кита. Какъ только сторожевой завидитъ чудовище, то даетъ знать объ этомъ; тогда съ корабля спускаютъ лодку съ матросами и гарпунщиками. Въ рукахъ у гарпунщиковъ длинныя, острыя желѣзныя сваи съ крючками (гарпуны), привязанныя на длинной веревкѣ. Тихо подплываетъ лодка къ громадному животному, и гарпунщикъ изо всей силы вонзаетъ въ него свое оружіе; въ ту же минуту китъ опускается въ воду, и канатъ, къ которому привязанъ гарпунъ, бѣжитъ съ лодки съ такою силою и быстротою, что если онъ нечаянно какъ-нибудь попадетъ на человѣка, то разрѣжетъ его въ то же мгновеніе. Побывъ подъ водою нѣсколько времени, китъ непременно долженъ выпрыгнуть наверхъ, чтобы подышать воздухомъ. Тогда опять вонзаютъ ему въ тѣло гарпуны и острыя копыя: море окрашивается кровью животнаго. Китъ бьется въ это время съ такою силою, что удары его тяжелаго хвоста по водѣ бываютъ слышны на нѣсколько верстъ. Наконецъ онъ истекаетъ кровью, теряетъ силы, поворачивается на бокъ и издыхаетъ. Тогда подтягиваютъ кита къ кораблю, сходятъ на громадное животное, какъ на островъ, вырѣзываютъ жиръ, а изъ пасти достаютъ усы, остальное же бросаютъ на жертву акуламъ и другимъ хищникамъ.

Примѣчаніе. Еще узнали мы два новые разряда звѣрей: *ластоногихъ* и *рыбообразныхъ*. Прибавьте ихъ къ табличкѣ и повторите прочитанное.

КАНАРЕЙКА.

Желтенькая канарейка — одна изъ самыхъ маленькихъ птичекъ; по и въ ея тѣльцѣ, покрытомъ перьями, много замѣчательнаго. Перышки у канарейки двухъ сортовъ: одиѣ, маленькія и мягкія, называются пухомъ; другія, побольше и потверже — собственно перья; самыя большія въ хвостѣ и крылышкахъ. Каждое перышко устроено

такъ: въ немъ есть стержень и опахало; снизу стержень пустъ и прозраченъ, сверху украшенъ узкими, мягкими пластинками, которыя и образуютъ опахало. У канарейки круглая головка съ двумя черными круглыми глазками, которые закрываются не двумя вѣками, какъ у насъ, а тремя; это третье вѣко есть *мигательная перепонка*, выдвигающаяся, когда нужно, изъ внутреннихъ угловъ глазъ. Головка оканчивается твердымъ толстенькимъ клювомъ, заостреннымъ къ концу. Когда канарейка откроетъ свой клювъ, то можно видѣть, что у нея нѣтъ зубовъ, хотя и есть языкъ. Клювъ или носикъ канарейки, какъ его обыкновенно называютъ, состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней, напоминающихъ наши челюсти. На верхней части клюва можно замѣтить двѣ маленькія дырочки: это ноздри канарейки. Ушей у канарейки не видать; но однако не трудно убѣдиться, что канарейка слышитъ очень хорошо; а если она слышитъ, то, слѣдовательно, у нея долженъ быть въ головѣ слуховой органъ, хотя снаружи и нѣтъ ушныхъ раковинъ.

Туловище у канарейки овальное, похожее формою на яйцо. Между туловищемъ и головою — шейка съ звонкою гортанью; позади туловища — хвостъ. По бокамъ у канарейки, вмѣсто рукъ, два крыла.

Канарейка въ $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Внизу туловища двѣ ноги на каждой ногѣ по четыре пальца: три идутъ впередъ, а одинъ назадъ. Такое устройство пальцевъ даетъ птичкѣ возможность держаться на вѣтвяхъ. На пальцахъ когти изъ твердаго, рогового вещества, изъ котораго состоитъ и оболочка клюва.

Канарейка не можетъ переступать нога на ногу, какъ ходить, напримеръ, цѣтухъ, и если не летаетъ, то прыгаетъ обѣими ногами разомъ. Канарейка поетъ очень пріятно и ее причисляютъ къ числу *пѣвчихъ* птицъ. Она очень мило кунается и разглаживаетъ клювомъ свои перышки. Кормятъ ее канареечнымъ и коноплянымъ сѣменемъ, булкою, сахаромъ, зеленымъ салатомъ и другою травкою. Канарейка

иоетъ только при свѣтѣ, а въ темнотѣ засыпаетъ. Осенью и весною канарейка линяетъ, т. е. терлетъ свои перышки, на мѣсто которыхъ вырастаютъ другія, и на это время она прекращаетъ свои пѣсни. Въ иныхъ домахъ разводять канареекъ и потому держать ихъ по нѣскольку паръ въ большой клѣткѣ, приготавливая для нихъ по угламъ гнѣздышки и хлопчатую бумагу. Въ эти гнѣздышки канарейка сама наноситъ хлопчатой бумаги, накладетъ собственныхъ своихъ перышекъ и пуху, а потомъ *снесетъ* туда же нѣсколько маленькихъ яичекъ, изъ которыхъ черезъ двѣнадцать дней насиживанія выходятъ крошечныя канареечки, почти совершенно безъ перышекъ; мать кормитъ ихъ зернышками, которыя размягчаетъ прежде во рту — кормитъ до тѣхъ поръ, пока птенчики не оперятся и не начнутъ летать и сами кормиться.

Канарейка дышетъ легкими, какъ и млекопитающія; у нея есть сердце, которое очень сильно бьется, когда бѣдную птичку возьмутъ въ руки; у нея есть теплая, красная кровь, протекающая въ жилахъ; есть и желудокъ, переваривающій пищу. Для жизни канарейкѣ, какъ и человѣку, необходимы пища, питье и воздухъ.

У Т К А .

Утка очень мало похожа на канарейку; но, тѣмъ не менѣе, между этими двумя птицами гораздо болѣе сходства, чѣмъ между всякою птицею и всякимъ звѣремъ.

Голова утки широка, приплюснута сверху, съ широкимъ роговымъ клювомъ; изогнутая шея довольно длинна, хотя короче гусиной; туловище овальное, тяжелое; у нея короткій хвостъ, довольно короткія крылья и дѣй желтоватыя ноги, каждая съ тремя пальцами напередѣ, соединенными перепонкою, и однимъ маленькимъ позади. Эта перепонка показываетъ, что утка принадлежитъ къ числу плавающихъ или *водныхъ* птицъ: нереноччатыми лапами своими утка разгребаетъ воду,

Утка въ $\frac{1}{8}$ естеств. величины.

какъ веслами. Перья утокъ по цвѣту бываютъ очень разнообразны, но большую частью сѣроватаго, а у дикихъ иногда совершенно сѣраго цвѣта. Дикія утки живутъ почти постоянно на водѣ и стараются выбирать такія мѣста, гдѣ имъ удобно было бы строить свои гнѣзда. Въ эти гнѣзда онѣ кладутъ весною по 14 сѣро-зеленоватыхъ яицъ, изъ которыхъ педѣли черезъ три выходятъ утята. Какъ только утята выходятъ на свѣтъ Божій, такъ мать и ведетъ ихъ тотчасъ на воду плавать.

Утка самая прожорливая птица. Она ѣсть съ утра до поздней ночи, ѣсть все, что ни попало: щиплетъ растущую по берегамъ молодую траву, водяной мохъ, разную другую зелень и всѣ водяныя растенія; жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачать, лягушекъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого, набиваетъ зобъ тиной и жидкой грязью, и производитъ это нѣсколько разъ въ день.

Дикія утки прилетаютъ къ намъ весною, и всю весну и лѣто онѣ живутъ парами, но къ осени собираются въ большія стаи, а при наступленіи зимы улетаютъ въ теплые края, гдѣ воды не замерзаютъ.

Изъ птицъ, болѣе извѣстныхъ намъ, къ *водянымъ*, кромѣ утки, принадлежатъ: лебедь, гусь, чайка и баба-птица или пелеканъ, съ огромнымъ мѣшкомъ подъ нижней челюстью: въ этотъ мѣшокъ онъ набираетъ рыбу.

Замѣтимъ здѣсь кстати разницу между канарейкой и уткой въ выводѣ дѣтенышей. Обѣ онѣ, какъ и всякія другія птицы, пестуютъ яйца и, согрѣвая ихъ своимъ тѣломъ, сидятъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока изъ яицъ не выйдутъ дѣтеныши; по этому и оканчивается сходство. Маленькая канареечка выдупляется изъ яйца совершенно голая, безъ перьевъ, слѣпая, слабая, не имѣя силъ не только ходить или стоять, но даже клевать зерна; такъ что мать долго кормитъ ее изъ клюва въ клювъ, сначала размятая зерна въ мягкую кашку. Утенокъ, напротивъ, выходитъ изъ яйца уже молодцомъ: самъ своимъ твердымъ пошибкомъ разбиваетъ онъ яичную скорлупу и является на свѣтъ съ открытыми глазами, весь въ перьяхъ, которыя, впро-

чемъ, еще такъ мягки, что скорѣе похожи на пухъ; на ножкахъ стогъ онъ крѣпко, проворно бѣгаетъ и черезъ часъ уже ловко и быстро плаваешь по водѣ, ловить мошекъ, клюетъ зерно, щиплетъ травку; заботливая же мать охраняетъ его отъ охотника и хищниковъ до тѣхъ поръ, пока у него самого не подрастутъ крылья.

Всѣ птицы выводятся или какъ канарейки, или какъ утки; тѣхъ птицъ, которыя выводятся какъ канарейки, каковы: голуби, вороны, орлы, воробьи, чижики, соловьи и многое множество другихъ, называютъ *птенцовыми*, потому что онѣ долго остаются безперыми и слабыми птенцами; тѣхъ же птицъ, которыя выводятся какъ утки, каковы: гуси, куры, журавли, аисты и др., называютъ *выводковыми*. Всѣ птицы и раздѣляются на эти два большіе отдѣла: выводковыхъ и птенцовыхъ.

КУРЫ.

Курица не птица—говорится въ одной русской поговоркѣ; но это не справедливо: курица птица, хотя лучше бѣгаетъ по землѣ, чѣмъ лезаетъ по воздуху. Это зависитъ отъ особеннаго устройства оя крыльевъ и ногъ.

Куры въ $\frac{1}{8}$ естественной величины.

Крылья у куръ коротки и слабы, а ноги сильны. Вотъ почему курица ступаетъ твердо, шагъ за шагомъ, а не прыгаетъ обѣими но-

гами разомъ, какъ воробей. Если вамъ попадутся косточки курицы, то рассмотрите внимательнѣе ея ногу и крыло. Вы увидите, что нога курицы состоитъ изъ четырехъ частей: *бедренной кости*, которая вся спрятана въ туловищѣ; *голень* (изъ двухъ костей), которая начинается у туловища; *плюсны* и четырехъ пальцевъ—трехъ длинныхъ, впередъ, и одного поменьше, назадъ. Въ крылѣ курицы, какъ и всякой другой птицы, мы замѣтимъ три части нашей руки: верхнюю—плечо, среднюю—предплечье и нижнюю—кисть, съ тремя недоразвитыми пальцами. Къ нижней части прикрѣплены главные *большія маховыя* перья крыла, а къ предплечью—*малыя маховыя* перья, такъ что птица распростираетъ свое крыло, какъ мы пальцы, и машетъ имъ, какъ мы машемъ рукою. Мускулы, управляющіе движеніями крыльевъ, прикрѣпляются къ грудной кости, выдающейся впередъ гребнемъ. Чѣмъ сильнѣе крылья птицы, тѣмъ и гребень выше, толще и крѣпче. У курицы слабо развито крыло и хорошо развита *нога*, а потому-то курица плохо летаетъ, но хорошо ходитъ и ловко разгребаетъ землю своими лопаткообразными когтями.

Пѣтухъ гораздо красивѣе курицы. На головѣ и на щекахъ у него красные, мясистые наросты—*гребешокъ* и *борода*; въ хвостѣ и крыльяхъ блестящія разноцвѣтныя перья; на плюснахъ, повыше задняго пальца, острый отростокъ *шпорецъ*, которымъ пѣтухъ наноситъ весьма чувствительныя раны своему сопернику. Курица робка, глуповата и смирна; пѣтухъ крикливъ, задоренъ, и два пѣтуха рѣдко разойдутся, не подравшись. Въ иныхъ странахъ люди забавляются пѣтушьими боями, причемъ пѣтухамъ надѣваютъ на шпорцы маленькіе стальные ножички; бои эти часто оканчиваются смертью одного изъ бойцовъ.

Изъ домашнихъ птицъ къ *отряду куриному* принадлежатъ еще индѣйскія и царскія куры и павлины съ роскошнымъ опереніемъ. Изъ дикихъ птицъ къ тому же отряду относятъ блестящихъ фазановъ, которыхъ много у насъ на Кавказѣ, рябчиковъ, куроцатовъ и тетеревовъ.

Глухой тетеревъ—съ синимъ отливомъ въ перьяхъ и съ красными бровями—одна изъ самыхъ большихъ дикихъ птицъ курк-

наго семейства. Онъ водится въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ и очень чутокъ; но когда весною, сидя на вѣтвѣ, начинаетъ кричать, *токовать*, то ничего не видитъ и не слышитъ, такъ что охотникъ легко можетъ къ нему подкрасться. Въ июлѣ глухарь бываетъ фуштовъ десять въ су.

Глухарь въ $\frac{1}{2}$ естественной велич.

СОЛОВЕЙ.

Соловей—эта прекрасно поющая птичка, прилетающая къ намъ только на лѣто, носитъ очень простую обрѣзную одежду, по которой никакъ нельзя узнать, какіе богатые таланты скрываются въ этомъ маленькомъ созданіи. Онъ любитъ гнѣздиться въ густыхъ кустарникахъ, поближе къ водѣ, особенно въ кустахъ крыжовника и боярышника. Соловьи поютъ обыкновенно по утрамъ рано и по вечерамъ, а иногда и во всю ночь, особенно вскорѣ по возвращеніи изъ своего путешествія. Питаются они маленькими жучками и личинками насѣкомыхъ, которыхъ отыскиваютъ въ землѣ и около цвѣт. Чтобы поближе и чаще слушать соловьевъ, люди ловятъ ихъ и запираютъ въ кѣтки; но этотъ дурной обычай должно бы вовсе искоренить, потому что отъ него во многихъ мѣстахъ соловьи совершенно перемелись. Вблизи жилья опасными врагами соловьевъ являются кошки. Бѣдные маленькіе пѣвцы сидятъ обыкновенно очень не высоко, и когда поютъ, то закрываютъ глаза, какъ будто наслаждаясь сами собственной пѣсней, а потому

Соловей въ $\frac{2}{3}$ естеств. велич.

ловить ихъ копкамъ очень удобно. Совы также обижаютъ соловьевъ; а глупые мальчики часто разоряютъ соловьиныя гнѣзда.

Соловей очень похожъ на воробья, только потоньше его, и вся небольшая фигура соловья стройнѣе и благороднѣе; точно такъ же похожа на воробья и канарейка, только цвѣтъ ея перышекъ не тотъ; вотъ почему и канарейку, и соловья естественныя испытатели относятъ къ одному отряду птицъ, *воробьиному*. Этотъ пѣвучій отрядъ очень многочисленъ и къ нему причисляются почти всѣ мелкія птички, пѣнье, чириканье и свистъ которыхъ наполняютъ наши лѣса: жаворонки, коноплянки, чижики, подорожники, ласточки, дрозды, синицы, а также и вороны, хотя онѣ, какъ кажется, вовсе уже не похожи на воробьевъ; но дѣло въ томъ, что и у воронъ есть тотъ органъ, который называется *точимъ аппаратомъ* и который имѣютъ другія названныя птицы.

Многочисленный воробьиный отрядъ птицъ подраздѣляется на множество *семействъ*, изъ которыхъ наиболѣе намъ извѣстны слѣдующія: семейство *жаворонковыхъ*, семейство *воробьевыхъ*, *дроздовыхъ*, *ласточковыхъ*, *синицевыхъ*, *скворцовыхъ*, *вороновыхъ*. Въ каждомъ изъ этихъ семействъ есть много родовъ и видовъ; такъ, напримеръ, есть много видовъ ласточекъ, синицъ и т. д.

Красивыя, блестящія золотомъ и брильянтами, крошечныя *колибри*, изъ которыхъ нѣкоторыя бываютъ величиною немного больше шмеля, причисляются также къ воробьиному отряду птицъ. Колибри живутъ только въ жаркихъ странахъ Америки; у насъ, даже и въ комнатахъ, не выживаютъ долго. Цвѣта ихъ перьевъ до того разнообразны и ярки, что крошечная птичка, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, кажется носящимся въ воздухѣ драгоценнымъ камнемъ.

Л А С Т О Ч К А .

Ласточка принадлежитъ къ числу пѣвчихъ птицъ, довѣрчиво селящихся около человѣческаго жилья, снаружи домовъ или даже подъ крышами зданій. Уже своею довѣрчивостью къ человѣку она возбуждаетъ въ каждомъ любовь къ себѣ, не говоря про то удовольствіе, которое она доставляетъ намъ своею необычайною по-

движностью, своимъ веселымъ щебетаньемъ, своею привязанностью къ дѣтямъ, наконецъ, своею пользою для насъ по истребленію массы мухъ, комаровъ и тому подобныхъ надоедливыхъ и вредныхъ насѣкомыхъ.

Ласточка—перелетная птица. Она питается только летающими насѣкомыми, которыхъ зимою у насъ нѣтъ, почему она и вынуждена на зиму летѣть на югъ. Пройдетъ зима—ласточка вернется, отыщутъ свои прошлогоднія гнѣзда, выправятъ ихъ за-ново, патааскаютъ въ нихъ перышекъ, пуху и волосъ; потомъ самки положить въ гнѣзда яички и станутъ высиживать ихъ; въ это время самцы кормить самокъ и забавляютъ ихъ своимъ пѣніемъ. Недѣли черезъ 1¹/₂ въ каждомъ гнѣздѣ появляются голые, слѣпые и слабые птенцы, которыхъ усердно кормить оба родителя, пока они не оперятся, не окрѣпнутъ и не сдѣлаются способными летать.

Почти вся жизнь ласточки проходитъ въ воздухѣ, и къ воздушной жизни, какъ нельзя лучше, приспособлено все ея тѣло. Легкое туловище, длинная, узкая, острая крылья и длинный, вилообразный хвостъ даютъ ей возможность долго, быстро и изворотливо летать, а чрезвычайно широкій ротъ помогаетъ ловить насѣкомыхъ на лету. Какъ слабыя и короткія ножки ея не пригодны для бѣганія и лазанія, а только развѣ для цѣпленія за стѣны при помощи острыхъ когтей, такъ короткій и слабый клювъ ея не пригоденъ для разрыванія земли или для доставанія насѣкомыхъ изъ подъ коры деревьевъ.

По отношенію къ постройкѣ гнѣздъ, ласточка принадлежитъ также къ наилучшимъ искусникамъ. Она лѣпнеть свое гнѣздо изъ глины, размятая ея въ слюну, при помощи одного клюва. Ласточка въ 1¹/₂ естеств. велич.

Такъ какъ ласточка не причиняетъ никому ни малѣйшаго вреда, а приноситъ только пользу, то никто и не думаетъ у насъ никогда о ловлѣ ея или о разореніи ея гнѣздъ, справедливо считая это грѣхомъ.

Если-бы ласточка умѣла говорить, то какія бы диковинки рассказала она о южно-русскихъ степяхъ, о крымскихъ горахъ, покры-

тыхъ виноградоу, о бурномъ Черномъ морѣ, которое ей нужно было перелетѣть, не присѣвши ни разу, о Малой Азіи, гдѣ все цвѣло и зеленѣло, когда у насъ выпадалъ снѣгъ, о голубомъ Средиземномъ морѣ, гдѣ пришлось ей разъ или два отдохнуть на островахъ, объ Африкѣ, гдѣ она ловила мошекъ, когда у насъ стояли крещенскіе морозы.

Жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикія утки, гуси и множество другихъ птицъ, которыхъ также называютъ *перелетными*, улетаютъ отъ насъ на зиму, подобно ласточкѣ, въ теплыя страны. Однѣ долетаютъ только до южной Германіи и Франціи; другимъ нужно перелетѣть высокія снѣжныя горы, чтобы пріютиться на зиму въ цвѣтущихъ лимонныхъ и померанцовыхъ рощахъ Италіи и Греціи; третьимъ надобно летѣть еще дальше. Не остаются эти птицы на одномъ мѣстѣ цѣлый годъ потому, что имъ недостаетъ корму на сѣверѣ—во время морозовъ, губящихъ или заставляющихъ насѣкомыхъ прятаться въ теплыя мѣста и покрывающихъ воду льдомъ; на югѣ—отъ сильныхъ жаровъ, производящихъ тамъ ту же мертвенность, что у насъ морозы. Осѣдлы только тѣ птицы, которыя умѣютъ паходить себѣ пищу въ данномъ мѣстѣ круглый годъ.

Примѣчаніе: Классъ звѣрей раздѣлили мы на 10 *отрядовъ*. Въ классѣ птицъ мы замѣтили, еще прежде отрядовъ, два большіе *отдѣла*: *выводковыхъ* и *итениковыхъ*; въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ мы найдемъ нѣсколько отрядовъ. Покудова намъ извѣстны слѣдующіе отряды: *водныхъ*, *куриныхъ*, *воробинныхъ*. Въ каждомъ отрядѣ мы замѣтили нѣсколько *семействъ* (какія?). Напишите табличку птицъ. Расскажите по ней, что прочли о птицахъ.

А И С Т Ъ.

Кто бывалъ на югѣ Россіи, тотъ вѣроятно видалъ длинноносаго, длинноногаго аиста, какъ онъ вытягиваетъ свою шею гдѣ нибудь на крышѣ дома или съ величайшею важностью бродитъ по мокрымъ лугамъ и глотаетъ лягушекъ десятками. Въ вышпну аистъ достигаетъ до полутора аршина; довольно большая голова его украшена длиннымъ, острымъ, твердымъ клювомъ краснаго цвѣта; за то хвостъ очень коротокъ. Лицевидное туловище аиста поддерживается двумя длинными, красными ногами, въ которыхъ длинныя голени на поло-

вину не покрыты перьями, почему аиста и причисляют къ отряду птицъ *голенастыхъ*. Аистъ можетъ простаивать цѣлые часы на одной ногѣ, и въ такомъ положеніи его чаще всего можно видѣть на крышахъ домовъ и овинновъ.

Цвѣтъ перьевъ аиста бѣлый, но въ крыльяхъ у него есть и черныя перья. Есть также и черный аистъ, но тотъ очень дикъ и живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, тогда какъ бѣлый рѣдко совѣтъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на деревѣ, а всегда почти старается примоститься поближе къ жилищу человѣка. Шея у аиста длинная, гибкая, покрытая бѣлыми перьями, которая тамъ, гдѣ шея сходится съ туловищемъ, очень длинны, такъ что вѣтеръ часто развѣваетъ на аистѣ эту пушистую пелерику.

Взглянувъ на длинныя, неоперенныя и крѣпкія ноги аиста, можно уже догадаться, что ему суждено бродить по мокрымъ лугамъ и болотамъ; а такая же длинная шея и длинный острый, крѣпкій клювъ говорятъ, что аисту приходится вытаскивать свою пищу изъ воды и земли. И дѣйствительно, аистъ принадлежитъ къ птицамъ *болотнымъ*. Онъ питается животною пищею, но не терзаетъ ее, какъ хищныя птицы, а глотаетъ цѣликомъ змѣй, ящерицъ, мышей, кротовъ, лягушекъ, изъ которыхъ иная еще долго бьется, проходя чрезъ длинное горло аиста. Аистъ часто таскаетъ и глотаетъ съ перьями

Аистъ въ $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

иногда таскаетъ и глотаетъ съ перьями

маленькихъ птичекъ, цыплятъ и даже гусятъ, и въ гнѣздѣ его перѣдко находятъ такія вещи, которыя конечно ему вовсе не нужны, какъ напр. куски полотна, платки или рубашки. Но, не смотря на такія воровскія наклонности, аиста всё любятъ: онъ какъ-то сдружается съ тѣмъ домомъ, на которомъ советъ свое гнѣздо, и хозяева думаютъ, что онъ приноситъ имъ счастье. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много ядовитыхъ змѣй, аистъ дѣйствительно оказываетъ людямъ важную услугу, истребляя этихъ вредныхъ гадовъ; онъ ловко схватываетъ змѣю за шею и, нисколько не страшась ея ядовитыхъ зубовъ, пропускаетъ ее въ свое длинное горло.

Аисты принадлежатъ къ числу *перелетныхъ* птицъ. Ранней весной появляются они въ умеренныхъ странахъ Европы и проводятъ тамъ цѣлое лѣто. Осенью улетаютъ въ жаркую Африку, гдѣ зимы никогда не бываетъ, снова выводятъ тамъ дѣтенышей и спокойно проводятъ всю зиму, потому что тамъ ихъ также берегутъ и любятъ. Нельзя не удивляться непостижимому *инстинкту* аистовъ, которые не только находятъ себѣ воздушную дорогу за тысячи верстъ, но отыскиваютъ именно ту деревню, тотъ домъ и то гнѣздо, въ которомъ жили въ прошлый годъ.

Въ гнѣзда, сдѣланныя довольно грубо изъ хвороста, соломы и кусковъ дерна, самка аиста кладетъ отъ трехъ до пяти бѣлыхъ яицъ; черезъ двадцать одинъ день появляются изъ нихъ маленькіе, уже одѣтые пухомъ аисты, которыхъ, впрочемъ, заботливые родители, хотя и не долго, кормятъ сами мышами и лягушками. У молодыхъ аистовъ и клевъ, и ноги сѣраго цвѣта; красными становятся они впоследствии.

Передъ отлетомъ въ южныя страны, аисты собираются большими стаями и суетливо носятся въ воздухѣ. Послѣ такого сборища, оканчивающагося часто дракой, почти всякій разъ находятъ на землѣ нѣсколько мертвыхъ аистовъ. Говорятъ, что аисты своими острыми и твердыми клювами убиваютъ тѣхъ своихъ товарищей, отъ которыхъ не ожидаютъ, чтобы они могли совершить далекое странствованіе.

Въ Россіи много болотъ, а потому лѣтомъ прилетаетъ къ намъ много *болотныхъ*, длинноногахъ, длинношеихъ, длинноклювыхъ птицъ.

принадлежащихъ къ одному *отряду* съ аистами; таковы: осторожный журавль, бывающій вышиною аршина въ полтора; синеватая цапля съ чернымъ хохломъ на головѣ; выпь, которая, запрятавшись въ камыши, *вопитъ*, реветь, какъ быкъ, почему въ иныхъ мѣстахъ и называютъ ее водянымъ быкомъ; кулики разнообразныхъ видовъ и др.

КОВЧИКЪ И ДРУГІЯ ХИЩНЫЯ ПТИЦЫ.

Ковчикъ—птичка не большая, да поготовокъ у ней востеръ. Ковчикъ не больше голубя; но съ перваго же взгляда видно, что у него должны быть вовсе не голубиныя свойства. И клювъ, и когти ковчика такого рода, что, безъ сомнѣнія, должны держать въ почтительномъ отдаленіи маленькихъ птичекъ. Клювъ у него короткій, но толстый, крѣпкій, загнутый книзу острымъ крючкомъ и при основаніи, гдѣ поздри, одѣтъ тонкой, чувствительной желтой кожицей, такъ называемой *восковицей*. Небольшія ноги сильны, почти до низу покрыты перьями, а пальцы вооружены очень крѣпкими, острыми, крючковатыми когтями; три пальца идутъ впередъ, одинъ назадъ; первыесуставы пальцевъ короче послѣднихъ; особенно крѣпки, длинны и остры когти на заднихъ пальцахъ и на среднемъ изъ переднихъ. Крючковатый клювъ и острые, крѣпкіе когти созданы для того, чтобы разрывать мясо животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ковчикъ принадлежитъ къ отряду *хищныхъ* птицъ и питается мясомъ воробьевъ, цыплятъ, гусятъ и другихъ маленькихъ, беззащитныхъ птичекъ.

Орелъ въ $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

Ковчики живутъ, какъ и вообще всѣ хищныя птицы, уединенно и летаютъ высоко; остановившись въ воздухѣ и трепеща крыльями,

зорко высматривают они добычу и стрѣлою спускаются на нее. Гнѣздо свое кобчикъ вѣсть на высокихъ деревьяхъ; самка кладетъ отъ трехъ до шести зеленоватыхъ яичекъ съ сѣрыми крапинками; она кормитъ дѣтенышей остатками своей кровавой пищи, приучая ихъ смолоду терзать маленькихъ птичекъ. Насѣткомыми кобчики питаются рѣдко, только въ крайней необходимости; мясо позвоночныхъ животныхъ, и притомъ животрепещущее, только что растерзанное, самая любимая и почти единственная ихъ пища; они ощипываютъ и разрываютъ пойманную птичку, а не глотаютъ ее цѣликомъ, какъ аистъ, который одинаково проглатываетъ и лягушку, и цыпленка.

Крючковатый, острый клювъ, кривые, заостренные, крѣпкіе когти, широкія, остроконечныя крылья, образъ жизни и пища кобчика составляютъ рѣзкіе признаки какъ его, такъ и всякой другой хищной птицы. Орелъ, коршунъ, соколъ, ястребъ имѣютъ тѣ же признаки, хотя по величинѣ и по виду своему отличаются отъ кобчика. Всѣ эти хищныя птицы летаютъ за добычей днемъ, а потому и зовутся

дневными. Но кромѣ дневныхъ хищныхъ птицъ, есть еще ночныя: совы. Острый, крючковатый клювъ, острые, крѣпкіе, крючковатые когти показываютъ, что и совы принадлежатъ къ хищникамъ. Глаза у совъ папреди головы и окружены торчащими перьями, которыхъ на головѣ у совъ весьма много; зрачки большіе и такъ устроены, что сову ослѣпляетъ сильный дневной свѣтъ; зато ночью она раскрываетъ свои круг-

Филлвъ въ $\frac{1}{4}$ естественной величины. лые зрачки во всю величину и видитъ отлично. Вотъ почему днемъ совы прячутся въ дуплахъ де-

ревевъ, въ старыхъ строеніяхъ, и только послѣ солнечнаго заката вылетаютъ искать пищи; онѣ тогда ловко ловятъ маленькихъ птичекъ, мышей и вообще маленькихъ животныхъ. Летаютъ совы тихо: крылья у нихъ неспособны къ быстрому полету, мягки, слабо разбѣгаютъ воздухъ; но за то на этихъ мягкихъ крыльяхъ сова неслышно подкрадывается къ своей добычѣ. Слухъ у совъ очень тонокъ, и изъ всѣхъ птицъ только нѣкоторые виды совъ имѣютъ пучки перьевъ въ родѣ ушныхъ раковинъ.

Всѣ птицы ненавидятъ совъ, и если совѣ случится какъ-нибудь днемъ выпорхнуть изъ своего гнѣзда, то даже самыя мелкія птички съ яростію нападаютъ на нее: онѣ знаютъ, что днемъ сова плохо видеть и ее можно щипать безнаказанно. Самая крупная изъ совъ филинъ; онѣ охотится и днемъ, и ночью.

Д Я Т Е Л Ъ .

Кто бывалъ въ лѣсу, особенно въ большомъ сосновомъ, тотъ, вѣроятно, часто слышалъ странные звуки, — точно кто-нибудь стучитъ молоткомъ: тукъ-тукъ! тукъ-тукъ! Вы осматриваетесь кругомъ и не понимаете, кто бы это такой могъ стучать. Но вотъ посмотрите: вдали, по стволу высокой сосны пробѣжала внизъ головою какая-то странная птица, величиною немного больше голубя. Она почти вся черная, только на головѣ у нея яркія, красныя перышки, а короткій, крѣпкій хвостъ упирается въ стволъ дерева. Но какъ странно бѣгаетъ эта птица! То вверхъ, то внизъ по стволу, будто по ровному полу; то обѣжитъ кругомъ ствола, то перенорхнетъ на другое дерево; должно быть у этой птицы ноги устроены какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, если она можетъ такъ ловко бѣгать по стволамъ деревьевъ. И, дѣйствительно, ноги и клювъ дятла (потому что это и есть дятель, который такъ стучитъ по лѣсамъ) устроены замѣчательно: на каждой Дятель въ $\frac{1}{4}$ естеств. вел. лапкѣ дятла 4 пальца: два идутъ впередъ, а два назадъ

и всё вооружены острыми, дѣскими когтями. Крѣпкій хвостъ дятла, упираясь въ деревья, помогаетъ ему лазить. Клювъ дятла прямой, сильный, при основаніи четырехгранный, а въ клювѣ скрывается длинный тонкій языкъ съ твердою и зубчатою оконечностью. Этотъ языкъ птица можетъ высовывать очень далеко, и онъ служитъ ей для ловли насѣкомыхъ и червей, которыми она питается. Многія насѣкомыя живутъ за корою деревьевъ, и тамъ же многіе жуки и бабочки кладутъ свои яички, изъ которыхъ потомъ выходятъ червячки. Дятель стучитъ въ дерево своимъ крѣпкимъ клювомъ и если слышитъ звукъ, показывающій, что подъ корою пустота, то разбиваетъ своимъ клювомъ, какъ долотомъ, кору и, засовывая подъ нее свой длинный языкъ, всегда покрытый липкою слизью, вытаскиваетъ насѣкомое: жучка, гусеницу, муравья. Дятель не любитъ упускать своей добычи и, постукавъ въ стволъ дерева, быстро обѣжать его вокругъ, чтобы посмотреть сначала, не выползло-ли гдѣ нибудь изъ за коры насѣкомое, испуганное стукомъ.

Кукушка въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

Устройство пальцевъ дятла побудило естествоиспытателей причислить эту птицу къ особому отряду *парнопалыхъ* или *лазунговъ*. Къ этому отряду птицъ относятся также всѣ попугаи. Но тогда какъ у дятла языкъ тонокъ, у попугаевъ, на оборотъ, онъ обыкновенно толстъ и мясистъ. Попугаи славятся умѣньемъ подражать голосу различныхъ животныхъ и даже словамъ человѣка. Видовъ попугаевъ множество; всѣ они водятся въ лѣсахъ жаркихъ странъ и многіе изъ нихъ отличаются необыкновенною красотою перьевъ.

Къ тому же отряду относится одна знакомая намъ птица, которая оглашаетъ наши лѣса своимъ громкимъ, печальнымъ крикомъ, — это *кукушка*. Кромѣ своего страннаго, мѣрснаго крика, отъ котораго она получила и названіе, кукушка замѣчательна еще тѣмъ, что не вьетъ себѣ гнѣзда, а раскладываетъ свои яйца по гнѣздамъ птицъ, которыя такъ же, какъ и она, питаются насѣкомыми. Снесши яйцо на землѣ, кукушка беретъ его въ клювъ и перетаскиваетъ въ зарастѣ пріисканное гнѣздо, выбирая новое для каждаго яйца. Бѣдная птичка, которую бездомная кукушка одолжитъ своимъ яичкомъ, долго не узнаетъ пріеихыша и воспитываетъ и кормитъ его, какъ родное дѣтище. Но кукушонокъ подростаетъ и въ немъ начинаятъ сказываться дурной характеръ; онъ очень много ѣсть и обижаетъ своихъ названыхъ братьевъ и сестеръ, а потомъ старается и вовсе отъ нихъ избавиться, для чего подлѣзаетъ подъ бѣднаго птенчика, подымаетъ его на себя, подноситъ къ краю гнѣзда и выталкиваетъ вонъ. Бѣдная мать никакъ не можетъ узнать причины, почему ея птенцы все падаютъ одинъ за другимъ, и кормитъ неблагодарную кукушку, пока та оперится и улетитъ.

СТРАУСЪ.

Страусовъ можно у насъ видѣть только въ зоологическихъ садахъ да на картинкахъ; но ихъ перья часто уграшаютъ дамскія шляпки. Африканскіе страусы, самые большіе, достигаютъ до сажени въ высоту и вѣсятъ болѣе двухъ пудовъ. Голова страуса, верхняя часть шеи и брюхо совершенно безъ перьевъ; но за то длинныя, роскошныя перья

Страусъ въ $\frac{1}{20}$ естественной величины.

находятся въ крыльяхъ и хвостѣ, особенно у самцовъ. Эти перья однако не приспособлены къ полету: стержень ихъ очень тонокъ и мягокъ, какъ это вы можете видѣть на любомъ страусовомъ перѣ. Но если страусъ не летаетъ, за то очень быстро бѣгаетъ на своихъ крѣпкихъ ногахъ *о двухъ пальцахъ*: его не можетъ догнать даже самая быстрая лошадь. Шея у страуса очень длинна, сравнительно даже съ длиною ногъ, голова маленькая, ушные отверстія обнажены, а глаза расположены такъ, что страусъ можетъ видѣть предметъ обоими глазами разомъ.

Страусы живутъ стадами въ песчаныхъ пустыняхъ Африки и южной Азіи; гнѣзда вырываютъ въ землѣ; нѣсколько самокъ кладутъ въ одно гнѣздо отъ 40 до 50-ти яицъ и сидятъ въ нихъ поочередно. Каждое яйцо вѣситъ до 3-хъ фунтовъ, слѣдовательно, равняется по вѣсу 24-мъ куринымъ яйцамъ, и однимъ страусовымъ яйцомъ могутъ утолить голодъ четыре человѣка. Выходя изъ яйца, молодой страусъ бываетъ величиною съ нашу курицу. Въ случаѣ нужды, страусъ защищается клювомъ и лапами. Однимъ ударомъ лапы онъ можетъ убить собаку. Страусовъ легко дѣлаютъ ручными и держатъ въ особыхъ зданіяхъ для того, чтобы получить ихъ перья неизломанными и не измятыми, что часто случается у дикихъ страусовъ. Яйца страусовъ вкусны и питательны; изъ скорлупы страусовыхъ яицъ негры дѣлаютъ посуду.

Примѣчаніе. Въ классѣ птицъ два большіе отдѣла: *выводковыхъ* и *птенцовыхъ*. Въ *первомъ* отдѣлѣ, *выводковыхъ*, мы замѣтили *четыре отряда*: 1-й отрядъ *куриный*, куда принадлежатъ: куры, тетерева, куропатки, фазаны, индѣйки, павлины и др. 2-й отрядъ *юленастыхъ* или *болотныхъ*, куда принадлежатъ: аисты, журавли, цапли, кулики и т. д. Въ 3-мъ отрядѣ, *блѣющихъ*, мы замѣтили одного страуса. Къ 4-му отряду, *водныхъ*, принадлежатъ: утки, гуси, чайки, бабы-птицы, лебеди и т. д. *Птенцовый отдѣлъ* птицъ состоитъ также изъ *четыреухъ* отрядовъ: 1-й отрядъ *хищныхъ*, дневныхъ (орлы, ястреба, коршуны, кобчики и т. д.) и ночныхъ (совы); 2-й отрядъ, *воробьиныхъ*, куда относятся: воробьи, канарейки, соловьи, вороны, грачи, колибри и многое множество другихъ; 3-й отрядъ, *голубиныхъ* — одни голуби; 4-й отрядъ, *парнонозья* или *лазуны*: попугаи, дятлы, кукушки. Напишите полную таблицу извѣстныхъ вамъ птицъ. Разскажите по табличкѣ все, что прочли о птицахъ.

ЯЩЕРИЦА.

Весною, подлѣ старыхъ стѣнъ или земляныхъ валовъ, часто удается увидѣть маленькое животное, вершка два въ длину, зеленого или сѣраго цвѣта, на четырехъ коротенькихъ ножкахъ съ лапами о пяти пальцахъ, съ узенькой мордочкой, хвостомъ, который длиннѣе туловища и извивается по землѣ, какъ змѣйка, словомъ—ящерицу. Но ящерица такъ пуглива и быстра, что не успѣешь разсмотрѣть ее хорошенько, какъ она уже юркнула къ себѣ въ нору, вырытую гдѣ-нибудь по близости. Если бы у васъ достало смѣлости взять въ руки и разсмотрѣть это, впрочемъ, совершенно безвредное животное, то вы увидали бы, что вся кожа ящерицы покрыта тонкими чешуйками; что широкая плоская голова ея, снабженная носовыми и ушными от-верстіями, непримѣтно соединяется съ шеей, а толстая шея—съ гибкимъ мягкимъ туловищемъ; что рыльце закруглено, челюсти далеко выдаются впередъ, ротъ хотя разрѣзанъ далеко, но раскрывается не широко. Языкъ ящерицы, въ видѣ тоненькой вилочки, далеко высовывается наружу; острыхъ зубовъ во рту у ней очень много и они едятъ не только по краямъ, но даже въ серединѣ рта, маленькіе, живые глазки животного закрываются вѣками. Ящерица такъ некрасива, такъ, съ одной стороны, напоминаетъ намъ крокодила, котораго мы видали на картинахъ, а съ другой—гибкую, изви-вающуюся змѣю, такъ быстро исчезаетъ при малѣйшемъ шумѣ и такъ жадно и ловко кидается на свою добычу: червей, муравьевъ, мухъ, жуковъ, что люди невольно заподозрили ея острые, хотя совершенно безвред-ные зубы въ ядовитости и часто преслѣдуютъ бѣдняжку то палкой, то камнемъ. Особенно подозрительнымъ кажется, что ея длинный и вертявый хвостъ, который часто при самомъ легкомъ ударѣ отска-киваетъ отъ туловища, вертится послѣ этого и оказываетъ признаки жизни довольно долго. Но острые зубы ящерицы, которыми она едва можетъ прокусить кожу человѣка, вовсе не имѣютъ тѣхъ ядовитыхъ

Ящерица въ $\frac{1}{2}$, естест. вел.

свойствъ, которыя дѣлають столь опаснымъ укушеніе ядовитыхъ змѣй; тонкій же выдвѣжной, раздвоенный язычекъ ея вовсе не опасенъ, потому что служить только для осязанія. Въ особенности неприятно то ощущеніе холода, которое испытываемъ мы, прикасаясь къ кожѣ крокодила, змѣи и маленькой ящерицы. Холодъ кожи всѣхъ этихъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу, *пресмыкающихся*, объясняется тѣмъ, что у всѣхъ у нихъ, вслѣдствіе особеннаго устройства легкихъ и сердца, кровь движется медленно. Ящерица насѣкомоядное животное; вотъ почему ящерицы въ холодныхъ климатахъ на зиму забираются въ глубокія норы и засыпають тамъ до весны. У ящерицы есть еще то сходство съ крокодиломъ, что оба эти животныя по временамъ линяють, т. е. перемѣняютъ свою кожу, сбрасывая ее цѣликомъ или кусками: это ящерица дѣлаетъ очень ловко, пролѣзая между камнями. Сбросивъ старую кожу, подъ которой выросла уже новая, ящерица забирается въ нору и дожидается тамъ, пока новая одежда ея достаточно затвердѣетъ. Ящерица, хотя и не птица, но точно такъ же, какъ птицы и какъ крокодилъ и змѣя, несетъ яйца, изъ которыхъ потомъ выходятъ маленькія ящерицы.

Разрѣзавъ брюшко ящерицы и разсмотрѣвъ ея внутренности, нашли, что у нея есть также сердце, легкія, желудокъ, мозгъ, жилы и нервы; по все это устроено нѣсколько иначе, чѣмъ у млекопитающихъ и птицъ, сообразно съ образомъ жизни ящерицы. У нея есть четыре маленькія почки, однакожь она тащитъ свое тѣло по землѣ, т. е. *пресмыкается*, и во многомъ подходитъ къ безпогой змѣѣ, къ кровожадному крокодилу и тяжелой, неуклюжей черепахѣ. Изъ всѣхъ этихъ пресмыкающихся животныхъ вполнѣ пресмыкается, впрочемъ, только одна змѣя, у которой нѣтъ ногъ.

У Ж Ъ.

Ужь, конечно, змѣя, но самая невинная змѣя: такая же безвредная, какъ ящерица. Въ среднихъ и южныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣчать ужей очень часто. Они водятся въ сырыхъ мѣстахъ, плотинахъ, сараяхъ, овинахъ, подъ полами домовъ, а иногда

цѣлыми десятками выползають изъ своихъ уѣжищъ погрѣться на солнышкѣ.

Разсмотрѣвъ ужа поближе, мы увидимъ, что тѣло его длинно и кругло (въ длину ужъ иногда бываетъ больше аршина), покрыто чешуйками и щитками, головка сѣро-зеленоватая, спина отливаеъ сталью, на бокахъ и спиѣ много бѣлыхъ и черныхъ пятенъ, а позади головы идетъ широкая желтая полоса—признакъ, отличающій ужа отъ другихъ змѣй, иногда очень на него похожихъ. Голова ужа нѣсколько приплюснута сверху и покрыта щитками. Въ мордочкѣ, закругленной спереди, два носовыя отверстія, ведущія въ пасть; глаза безъ вѣкъ; пасть, какъ и у всѣхъ змѣй, раскрывается очень широко, потому что разрѣзъ ея идетъ далеко, половинки нижней челюсти не срослись, а кожа сильно растягивается. Такая широкая пасть необходима змѣѣ потому, что она не жуеъ, а глотаеъ свою добычу цѣликомъ; добыча же эта часто бываетъ гораздо болѣе змѣиной головы. Въ пасти ужа мы замѣтимъ четыре ряда острыхъ зубовъ: одинъ рядъ въ верхней челюсти, другой въ нижней, а два по

Ужъ въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

серединѣ неба; всѣ эти зубы остры, неспособны перемалывать и раздавливать пищу, но могутъ только удерживать добычу. Небольшіе зубы ужа могутъ нанести маленькія ранки, но эти ранки скоро заживаютъ, потому что у него нѣтъ тѣхъ большихъ ядовитыхъ небныхъ зубовъ, которые бываютъ у ядовитыхъ змѣй. Такой ядовитый зубъ имѣеъ при основаніи чехоль, въ который вливается ядъ изъ особой ядовитой железы, находящейся подъ кожей позади глазъ; изъ этого чехла ядъ вливается въ каналчикъ внутри зуба, а изъ него черезъ особое отверстіе на концѣ зуба выливается въ ранку, когда

змѣя кусаетъ. Ядъ этотъ отравляетъ кровь, послѣ чего животное иногда умираетъ. Такъ называемое жало ужа, наводящее страхъ на людей, въ сущности есть безвредный, вилообразный языкъ, служящій змѣѣ органомъ осязанія. Этимъ языкомъ змѣя ощупываетъ предметъ, но не можетъ имъ чувствовать вкуса-ли пища, потому что онъ покрытъ роговой кожей и прячется въ особенное влагалище всякій разъ, какъ пища проходитъ въ глотку животного. Глаза ужа, какъ и всякой другой змѣи, не имѣютъ вѣкъ, смотрятъ неподвижно, не мигая, отчего и родилось мнѣніе о волшебной силѣ змѣиныхъ глазъ. Ушныхъ раковинъ ужъ не имѣетъ, но слышитъ хорошо.

Ногъ у ужа, какъ и у другихъ змѣй, нѣтъ; также плавниковъ, которые мы замѣчаемъ у рыбъ; но тѣмъ не менѣеужи движутся и плаваютъ счень быстро. Они ползаютъ на брюхъ, извиваясь и упираясь тѣломъ въ тотъ предметъ, по которому ползутъ. Этому способствуетъ особенная сила змѣиныхъ мускуловъ и гибкость позвоночнаго хребта, идущаго во всю длину тѣла животного и состоящаго у нѣкоторыхъ змѣй изъ трехсотъ позвонковъ. Къ переднимъ позвонкамъ прикрѣпляются очень подвижныя ребра, которыя двигаются тѣмъ удобнѣе, что у змѣй нѣтъ грудной кости и всѣ ребра между собою не соединяются. Реберъ этихъ бываетъ у змѣй до двухсотъ паръ.

Ужъ также, какъ и другія змѣи, шипитъ. Кормится онъ лягушками, кротоми, мышами, ящерицами, маленькими птичками и другими мелкими животными, которыхъ сначала задушитъ во рту и въ глоткѣ, обольетъ слюною и проглотитъ, не жевавши. Проглотивъ лягушку, напимѣръ, которая гораздо больше его собственной головы, ужъ по неволѣ лежитъ неподвижно, ожидая, пока въ его сильномъ желудкѣ животное переварится. Точно также кормится и огромный удавъ; только тотъ проглатываетъ иногда цѣлаго барана. На зимуужи собираются въ норы, недоступныя для морозовъ, и лежатъ тамъ неподвижно до весны. Кожу свою ужъ мѣняетъ нѣсколько разъ въ году: когда придетъ время, она лопається сначала около головы, а потомъ онъ сдираетъ ее съ себя, проползая

между камнями или въ щели. Журавли, аисты и хищныя птицы ударомъ клюва въ голову ужа убиваютъ его тотчасъ же, потому что кости, составляющія его черепъ, не совсѣмъ срастаются и очень тонки.

Ужи-самки въ августѣ мѣсяцѣ кладутъ въ кучи листьевъ или въ дула деревьевъ отъ двадцати до тридцати небольшихъ яичекъ, которыя, вмѣсто известковой скорлупы, покрыты бѣлою кожею. Изъ этихъ яичекъ недѣли черезъ три выходятъ маленькія змѣйки, которыя сначала кормятся червяками и насѣкомыми, а потомъ, когда подрастутъ, принимаются за птичекъ, мышей, кротовъ и т. п.

Примѣчаніе. Классъ *пресмыкающихся* животныхъ распадается на три отряда: 1. *Ящерицы*, куда относятся и наша маленькая, вовсе не страшная *ящерица*, и страшный житель рѣкъ жаркихъ странъ — *крокодилъ*, который тоже громадная ящерица; 2-й отрядъ *змѣй*, въ которомъ находятся *неядовитыя* змѣи, какъ, напр., нашъ ужъ и громадный удавъ, и *ядовитыя*, каковы, напримѣръ, гадюка и гремучая змѣя, ядъ которой убиваетъ человѣка въ нѣсколько минутъ; къ счастью, изсохшая, но еще не спавшая кожа на хвостѣ гремучки особеннымъ, довольно сильнымъ звукомъ предупреждаетъ объ опасности. 3-й отрядъ пресмыкающихся составляютъ *черепахи*, покрытыя твердою броней.

Черепаха въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

Л Я Г У Ш К А .

Въ большомъ пруду жило вмѣстѣ множество лягушекъ; всю зиму пролежали онѣ въ глубокой тинѣ, безъ пищи, безъ дыханія, окоченѣлыя, словно мертвыя. Но вотъ весна постучалась въ ледяную кровлю пруда, и ледъ разлетѣлся въ куски. Солнце пригрѣло воду, и лягушки проснулись, стали протягивать свои онѣмѣвшіе члены и радостно подыматься къверху. Вотъ одна уже высунула мордочку изъ воды и квакнула во все горло, а за ней другая, третья — скоро образовался цѣлый хоръ. Всю теплую майскую ночь, съ вечера до утра, кричатъ онѣ безъ устали: два толстые мѣшка, находящіеся по

объёмъ сторонамъ шеи у самцовъ, помогаютъ имъ издавать сильные звуки. Теперь веселыя лягушки начинаютъ класть яички, разбѣнивая по водянымъ растеніямъ какое-то студенистое вещество, похожее на бѣлокъ; тамъ-и-сямъ въ немъ видны бѣлыя точки, изъ которыхъ современемъ образуются лягушата. Яички спесены, но никто о нихъ не заботится; одно щедрое солнце, катаясь по голубому небу, не забываетъ заглянуть и въ тѣнистый уголокъ пруда, заросшій водяными растеніями, гдѣ безъ него маленькія точки никогда бы не сдѣлались лягушками. Подъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца, точки увеличиваются, а свѣтлая студенистая масса раздѣляется на части. Вотъ что-то въ ней зашевелилось: это вѣрно молодая лягушка; но какой у ней странный видъ! Круглое, черное туловище и длинный, широкій хвостъ — вотъ и все животное. Въ туловищѣ нельзя различить ни головы, ни шеи, — только глаза и ротъ, да по сторонамъ двѣ пѣвныя кисточки протягиваются въ водѣ: это жабры, которыми дышетъ маленькое твореніе; онѣ такъ устроены, что вбираютъ въ себя воздухъ, находящійся въ водѣ. Ногъ тоже нѣтъ.

Весело смотрѣть, какъ движется молодая лягушка. У многихъ животныхъ есть хвостъ: лошадь отгоняетъ имъ мухъ, собака выра-

Превращеніе лягушки

жаетъ хвостомъ своимъ удовольствіе, обезьяна въ хвостъ помогаетъ карабкаться на деревья; но у всѣхъ этихъ тварей, кромѣ хвоста, есть еще другія орудія движенія; у молодой же лягушки хвостъ все — рука, нога и плавникъ. Посмотрите, какъ ловко управляетъ этимъ хвостомъ и какъ быстро движется съ его помощью скользкій малень-

кій **головастикъ**: такъ зовуть молоденькую лягушку. Но пока головастикъ гоняется за водяными насѣкомыми, у него начинаютъ показываться заднія ноги. Сначала это только два крючка, но, день за днемъ, онѣ увеличиваются и на нихъ появляются пальцы, соединенные плавательной перепонкой. Съ такими ножками лягушкѣ плавать уже гораздо удобнѣе и она рѣже становится добычею рыбъ. По мѣрѣ того, какъ растутъ у лягушки заднія ноги, жабры ея уходятъ внутрь тѣла.

Когда лягушка научится управлять своими задними ногами и съ помощью ихъ быстро прыгать впередъ, тогда начинаютъ у нея появляться и переднія; а съ ними лягушкѣ уже очень легко и удобно двигаться во всѣ стороны. вмѣстѣ съ тѣмъ, она вообще стала больше, и сильнѣе, и умнѣе; голова, грудь и брюшко начинаютъ обозначаться ясно. Но чѣмъ больше и ловче становятся ноги, тѣмъ меньше и слабѣе дѣлается хвостъ; а когда ноги совершенно выростутъ, то хвостъ совершенно исчезнетъ. До сихъ поръ лягушка могла только жить въ прудѣ, и въ норахъ подъ водою отыскивала себѣ насѣкомыхъ и червячковъ; но теперь большая часть этихъ червячковъ уже превратилась въ комаровъ и мухъ, которые летаютъ надъ прудомъ или садятся на траву; лягушкѣ въ водѣ становится плохо и она начинаетъ посматривать, какъ бы ей выбраться на берегъ. Пока у лягушки были жабры, ей невозможно было оставаться долго внѣ воды: она погибла бы на сушѣ, какъ погибаетъ рыба, вынутая изъ воды; но въ то время, когда ея ножки дѣлались сильнѣе и приобрѣтали способность прыгать, жабры ея совершенно исчезли и замѣнились легкими, которыми она можетъ вдыхать воздухъ на сушѣ, какъ и мы съ вами. Теперь выползаетъ лягушка на берегъ, учится прыгать все выше и выше и снимать вкусную муху съ голубой незабудки, при чемъ языкъ лягушки, широкій, толстый, мягкій, приросшій перед-

Лягушка въ 1/2 естеств. велич.

нимъ концомъ, оказываетъ большую услугу: быстрѣ молнія выбрасываетъ она его изъ рта и ловить имъ зазѣвавшееся насѣкомое.

Лягушка не только отдѣляется отъ своего хвоста, но также по временамъ и отъ своей кожи, съ тою только разницею, что хвостъ лягушки всасывается въ ея тѣло и, мало по малу, употребляется весь на выдѣлку другихъ ея членовъ, а кожу она сбрасываетъ прочь. Кожа эта такъ тонка, что, разстланная на бумагу, едва замѣтна; но найти такую кожуцу удастся весьма рѣдко, потому что, обыкновенно, какъ только лягушка сброситъ ее, такъ немедленно же и скушаетъ.

Не всѣ лягушки довольствуются искусствомъ прыгать между болотными фіалками и незабудками, водными кувшинками, осокой и камышемъ: нѣкоторыя любятъ взобраться повыше, на кусты и деревья, засѣсть тамъ въ зеленыхъ листьяхъ и затинуть свою пѣсню. Вы, вѣроятно, знаете древесную лягушку, этого предсказателя погоды, котораго иногда садятъ на лѣсенку въ стаканъ, до половины наполненный водою: въ хорошую погоду взбирается лягушка на верхніи ступеньки, въ дурную—спускается на нижнія и въ самую воду. Древесная лягушка очень ловко прыгаетъ съ листка на листокъ и, притаившись на нижней сторонѣ листа, терпѣливо выжидаетъ муху или бабочку. На каждомъ пальцѣ у древесной лягушки есть подушечка, которою она крѣпко прилипаетъ къ листьямъ и къ корѣ деревьевъ. Цвѣтъ древесной лягушки зеленый и такъ подходитъ подъ цвѣтъ листьевъ, что бѣдная муха летаетъ близехонько, не видя своего врага. Замѣчательно, что эта лягушка мѣняетъ свой цвѣтъ, смотря по цвѣту листьевъ: весною она ярко зеленая, лѣтомъ становится темнѣе. Она очень ловко ловитъ мухъ и бабочекъ, придерживаясь одною ногою за листокъ и бросаясь всѣмъ тѣломъ впередъ. Въ питѣ у нея также нѣтъ недостатка: ея тонкая кожа всасываетъ дождевыя капли и росу.

Такъ изъ ничтожной черной точки выходитъ, мало-по-малу, рѣзвая лягушка, которая то прыгаетъ по травѣ, то лазитъ по деревьямъ.

Часть жизни своей лягушка проводить въ водѣ, а часть на сушѣ, почему ее нельзя причислить ни къ рыбамъ, хоть у нея смолу и бываетъ жабы, какъ у рыбъ, ни къ звѣрямъ, ни къ птицамъ; для лягушки и подобныхъ ей существъ, саламандръ, жабъ и др., должно было создать особый классъ, *земноводныхъ*, которыхъ зовутъ еще *голыми*, потому что ихъ кожа не покрыта ни чешуей, ни волосами, ни перьями. У лягушки есть скелетъ, мозгъ, нервы, желудокъ, легкія и сердце; кровь ея холодная.

Примѣчаніе. I-й классъ — *звѣри*; II-й классъ — *птицы*; III-й классъ *пресмыкающихся*; IV-й классъ — *земноядныя*. Въ этомъ послѣднемъ классѣ два отряда: *первый* — *безхвостыхъ*, каковы лягушки и жабы; *второй* — *хвостатыхъ*, какова, напримѣръ, саламандра, о которой говорятъ, что она ядовита и не горитъ на огнѣ; но и то, и другое несправедливо. Это небольшое животное имѣетъ много железъ, которыя отдѣляютъ большое количество слизи, и если бросить саламандру на уголь, то обильно отдѣляющаяся слизь спасаетъ ее на нѣсколько мгновений, не долѣе. Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ прочли. Расскажите по табличкѣ о двухъ послѣднихъ классахъ — *пресмыкающихся* и *земноводныхъ*.

ОКУНЬ.

Вы, конечно, видали окуня, и не только видали, но и кушали, и, вѣроятно, знаете отчасти, что находится внутри его. Овальное тѣло окуня, очерченное двумя кривыми линиями, заострено съ обѣихъ сторонъ; съ боковъ оно приплюснуто. Когда окунь плыветъ, то мы видимъ сверху только узенькую полоску, т. е. спинку окуня. Онъ весь покрытъ жесткими, блестящими чешуйками, которыя лежатъ краями одна на другой, какъ черепица на кровлѣ. Въ тѣлѣ окуня мы замѣчаемъ голову, туловище и хвостъ, но не видимъ ни рукъ, ни ногъ, а вмѣсто ихъ *плавательныя перья* или *плавники*.

Окунь въ $\frac{1}{4}$ естественной величины.

На треугольной головѣ рыбы замѣчаемъ мы два глаза безъ вѣкъ и двѣ ноздри, которыя не сообщаются съ горломъ, какъ у людей и всѣхъ животныхъ, ды-

шадшихъ чрезъ ротъ и носъ. Ушей у окуня не видно вовсе, но слуховой органъ у него скрытъ въ головѣ и потому окунь хорошо слышитъ. По обѣимъ сторонамъ головы мы видимъ у окуня двѣ твердыя крышечки; а приподнявши одну, замѣтимъ подъ нею красныя, бахромистыя *жабры*. Такого органа мы не замѣчали еще ни у одного изъ животныхъ, кромѣ лягушки въ состояніи головастика. Твердыя

Щука въ $\frac{1}{10}$ естественной величины.

крышки, закрывающія жабры, называются *жаберными крышками*. Ротъ у окуня очень великъ, сравнительно съ величиною животнаго, и открывается широко; а во рту мы замѣтимъ маленькій языкъ и множество маленькихъ, острыхъ зубовъ, расположенныхъ неправильно по всей полости рта; у щуки, напримѣръ, есть зубы даже въ горлѣ.

Верхняя часть туловища окуня называется спинкою, нижняя брюшкомъ; шея окуня, какъ и всякая другая рыба, не имѣетъ. Переднюю часть туловища называютъ грудью. У окуня семь плавниковъ, или плавательныхъ перьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые яркаго краснаго цвѣта. На спинѣ мы видимъ одинъ *спинной* плавникъ, состоящій изъ двухъ частей: передняя часть состоитъ изъ костяныхъ лучей, соединенныхъ перепонкой, а задняя часть его состоитъ изъ мягкихъ хрящевыхъ лучей, также соединенныхъ перепонкой; лучи этого плавника окунь подымаетъ, когда его вытаскать изъ воды, какъ будто стараясь защититься ими. На заднемъ концѣ тѣла мы видимъ мягкій *хвостовой* плавникъ, а близъ него, снизу, расположенъ еще плавникъ; снизу, на брюшной сторонѣ, два *брюшныхъ* плавника, а ближе къ головѣ такъ называемые *грудные* плав-

ники, расположенные по бокам туловища, позади жабръ. Грудные и брюшные плавники называются *парными* (потому что их обыкновенно бываетъ двѣ пары), а остальные три плавника называются *непарными*. Парные плавники служатъ рыбѣ для того, чтобы она могла въ водѣ поддерживать обыкновенное положеніе своего тѣла и частію измѣнять направленіе своихъ движеній; движеніе же впередъ совершается, главнымъ образомъ, посредствомъ хвоста, причѣмъ помогаютъ и непарные плавники: ударяя хвостомъ въ стороны, она тѣмъ самымъ упирается въ воду и такимъ образомъ подвигается впередъ.

Когда вы ѣли окуня, то вѣроятно, замѣтили, что вамъ приходилось отдѣлять отъ костей бѣлое вкусное мясо; а въ головѣ находили нѣсколько черепныхъ костей, съ которыми соединенъ позвоночный столбъ, идущій во всю длину рыбы. Отъ столба, по обѣ стороны, до самаго хвоста идутъ острые ребра, куски которыхъ могутъ, если рыбу ѣсть неосторожно, воткнуться въ горло и надѣлать большой бѣды.

Когда чистятъ окуня, то изъ него вытекаетъ большое количество холодной, красной крови. Жабры служатъ окуню для дыханія. Окунь, какъ и всякое другое животное, дышетъ также воздухомъ, но только тѣмъ воздухомъ, который находится въ водѣ. Дыханіе это совершается такъ: окунь, плавая, раскрываетъ ротъ и набираетъ въ него воды; потомъ пропускаетъ эту воду къ жабрамъ и приподнимаетъ послѣ этого жаберныя крышки, изъ подъ которыхъ вода и выходитъ вонъ. Вода, прикоснувшись къ жабрамъ, отдаетъ имъ растворенный въ ней воздухъ, который и очищаетъ кровь, находящуюся въ жабрахъ. Значитъ, жабры—это органы дыханія рыбъ: къ нимъ приливаетъ кровь (вотъ почему онѣ красныя) и, прикоснувшись къ воздуху, отправляется для питанія тѣла. Когда вытаскиваютъ окуня изъ воды, то бѣдная рыба широко раскрываетъ свой ротъ, какъ будто ловитъ воздухъ; но ей нуженъ не воздухъ,—его ужъ слишкомъ много,—а вода, безъ которой жабры ея скоро засыхаютъ, дыханіе рыбы прекращается, и она издыхаетъ или, какъ говорятъ, засынаетъ.

Изъ убитаго окуня кухарка выпимаетъ двойной пузырь, напол-

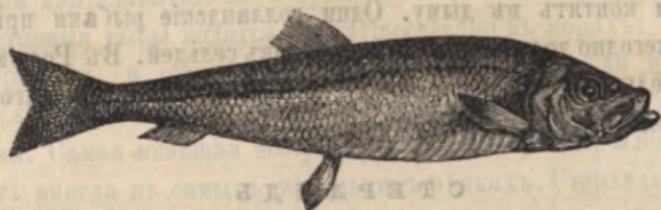
нзанный воздухомъ, который помогаетъ рыбѣ плавать вверхъ и внизъ и называется *плавательнымъ* пузыремъ. Рыба по своей волѣ можетъ расширять и сжимать этотъ пузырь. Расширяя его, окунь становится въ водѣ легче и поднимается вверхъ; наоборотъ, сжимая его, онъ дѣлается топыше, въ водѣ тяжелѣе, и потому опускается.

Часто въ брюхѣ окуня находятъ икру; разсмотрите ее, и вы увидите, что она вся состоитъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ зернышекъ; это все будущіе окуни. Всѣхъ зернышекъ въ окупѣ болѣе 300,000. Окунь мечетъ икру лентами, прикрѣпляя ее слизью къ камню или къ берегу рѣки, и потомъ оставляетъ ее. Часть этой икры съѣдаютъ другія рыбы и водяныя птицы, а часть, подъ влияніемъ солища, въ 5 или 6 дней превратится въ маленькихъ рыбокъ. Млекопитающія животныя, не исключая тюленя и кита, рождаютъ живыхъ дѣтенышей; птицы кладутъ яйца, а рыбы *мечутъ* икру. Окунь питается червячками, маленькими водяными животными и рыбами. У окуня есть органы всѣхъ пяти виѣшнихъ чувствъ, хотя и не всѣ онъ развиты одинаково хорошо. Въ его плоской головѣ есть немножко смысла, который помогаетъ ему избѣгать враговъ и находить себѣ пищу. Есть у него и сердце, и жилы, въ которыхъ течетъ холодная, красная кровь; есть мозгъ въ головѣ и позвоночномъ хребтѣ; есть нервы, мускулы и желудокъ; есть, кромѣ того, плавательный пузырь; вмѣсто легкихъ есть жабры; есть мускулы, которыми онъ двигаетъ свое тѣло; но органа голоса у него нѣтъ: онъ нѣмъ.

СЕЛЕДЬ.

Селедка не живетъ въ прѣсной водѣ нашихъ рѣкъ и озеръ; она любитъ соленую воду морей и потому называется морскою рыбою. Весною ежегодно оставляетъ она морскія глубины и плыветъ къ берегамъ и устьямъ рѣкъ, чтобы сложить тамъ свою икру, представляющую собою, какъ мы знаемъ, яички, изъ которыхъ черезъ нѣсколько времени выходятъ крошечныя селедочки; этихъ яичекъ въ одной селедкѣ бываетъ до 70,000. Сложивъ икру, взрослыя селедки опять уплывають, а вмѣсто нихъ появляются мириады маленькихъ

рыбокъ, которыя потомъ также псчезаютъ, уходятъ въ глубину моря, какъ говорятъ одни, или на сѣверъ, какъ утверждаютъ другіе; но вообще туда, гдѣ могутъ найти для себя пищу—маленькихъ морскихъ животныхъ. Особенно много приходитъ сельдей къ берегамъ Нѣмецкаго моря, и здѣсь-то прежде всего люди начали ихъ ловить.

Сельдь въ $\frac{1}{3}$ естественной величины

Издали еще можно замѣтить когда плывутъ сельди, преслѣдуемая акулами и другими хищными морскими рыбами: безчисленныя стаи сельдей покрываютъ собою море верстъ на двадцать въ окружности и плывутъ такимъ густымъ слоемъ, что если бросить въ нихъ копье, то оно не потонетъ. Шумъ отъ плывущихъ сельдей похожъ на шумъ сильнаго дождя. Чешуйки на сельдяхъ сидятъ очень не крѣпко; плывающою толпою, сельди обтираютъ другъ о друга множество такихъ чешуекъ и, кромѣ того, теряютъ по дорогѣ бездну икры, такъ что море кажется мутнымъ; а сильный запахъ, издаваемый сельдями, и особенный свѣтъ, распространяющійся отъ нихъ ночью на поверхности моря, указываютъ рыбакамъ на легкую добычу.

Сельдей пачали ловить давно, лѣтъ 700 тому назадъ, но сначала эта ловля не приносила большой пользы, потому что вынутая изъ воды селедка тотчасъ же засыпаетъ и начинаетъ портиться. Въ 1416 году голландскій рыбакъ Вильгельмъ Бюкель изобрѣлъ способъ солить сельдей, такъ что теперь ихъ можно сохранять въ прохладные годы и развозить въ самыя отдаленныя страны. Съ тѣхъ поръ многія тысячи людей занялись сельдяной ловлею, и изобрѣтеніе Бюкеля обогатило Голландію. Вотъ почему голландцы поставили Бюкелю памятникъ.

Ловят сельдей огромными сѣтями; къ одной сторонѣ этихъ сѣтей привязываются камни, къ другой—пустыя бочки, и сѣть, опущенная въ море, стоитъ какъ стѣна. Сѣти для этой ловли плетутся иногда изъ пеньки, но чаще изъ грубаго шелка, который крѣпче пеньки. При хорошемъ счастьи можно вытащить за одинъ разъ отъ 100 до 140 тысячъ селедокъ. Въ тотъ же день ихъ солятъ въ бочкахъ или коптятъ въ дыму. Одни голландскіе рыбаки привозятъ домой ежегодно до четырехсотъ милліоновъ сельдей. Въ Россіи также ловятъ сельдей по берегамъ Бѣлаго, Каспійскаго и Чернаго морей; но эти сельди хуже голландскихъ.

С Т Е Р Л Я Д Ъ .

Кто живалъ на берегахъ Волги, или какого нибудь изъ ея безчисленныхъ притоковъ, тому, вѣроятно, случалось видѣть красивую рыбку—стерлядь, а, можетъ быть, даже и отвѣдать вкусной стерляжьей ухи. Но мы обратили вниманіе на стерлядь не потому, что она составляетъ лакомое, прихотливое блюдо, а потому, что она принадлежитъ къ одному роду съ такими рыбами, ловля которыхъ такъ

Стерлядь въ $\frac{1}{3}$ естественной величины.

же важна для Россіи, какъ ловли сельдей для Голландіи,—къ одному роду съ осетромъ, бѣлугой и севрюгой, этими громадными рыбами южно-русскихъ морей и рѣкъ.

Разсмотрите хорошенько стерлядь, и прежде всего вамъ бросятся въ глаза твердые, колючіе, костяные щитки, расположенные пятью рядами отъ головы до хвоста и которыхъ вы не видали ни у селедки, ни у окуня. Эти твердая чешуи даютъ названіе цѣлому отряду рыбъ, которыхъ потому и называютъ *твердочешуйчатыми*. Верхняя челюсть у стерляди острая, выдалась впередъ; ротъ расположенъ снизу, на значительномъ разстояніи отъ конца морды, не великъ

и не имѣть зубовъ. Съ рыльца висятъ небольшіе усики. Скелетъ стерляди весь хрящевой, только черепъ состоитъ изъ костей.

Осетровыя рыбы, къ которымъ принадлежитъ и стерлядь, очень полезны для людей: онѣ даютъ, кромѣ вкуснаго мяса, которое ѣдятъ и свѣжимъ, и соленымъ, и копченымъ (балыкъ, который есть сипна осетра), икру, везигу (изъ позвоночнаго хребта) и рыбій клей, добываемый изъ плавательныхъ пузырей осетровъ и бѣлугъ. Всѣ крупныя осетровыя рыбы водятся преимущественно въ моряхъ: Черномъ и Каспійскомъ, а оттуда проникаютъ далеко въ рѣки и рѣчки, льющіяся въ эти моря или непосредственно, или чрезъ другія большія рѣки. Самая меньшая осетровая рыба — стерлядь, а потому она и живетъ иногда въ самыхъ маленькихъ рѣчкахъ. Стерлядь водится также въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ и озерахъ и есть рыба прѣсноводная. Большія рыбы осетроваго семейства весною большими стаями поднимаются изъ морей въ рѣки для метанія икры; а осенью многія изъ нихъ идутъ зимовать въ рѣки и лежатъ тамъ на днѣ неподвижно, засыпая на всю зиму.

Осетровыхъ рыбъ ловятъ при проходѣ ихъ изъ морей въ рѣки и обратно, и эта ловля даетъ занятіе многимъ тысячамъ людей. Осетръ бываетъ величиною до сажени, а иногда и больше; старая бѣлуга — до двухъ саженей. Въ брюхѣ бѣлугъ находятъ иногда проглоченную водяную птицу и довольно большихъ рыбъ, потому что она очень прожорлива и глотаетъ все, что ни попадется.

Примѣчаніе. Рыбы, постоянно дышашія жабрами и живущія въ водѣ, составляютъ особый классъ животныхъ, который также раздѣляется на отряды, семейства и роды. Но мы изъ всѣхъ отрядовъ рыбъ замѣтили только два: *первый отрядъ костистый*, куда принадлежатъ: окунь, ершь, лосось, ряпушка, корюшка, сигъ, сеledка, прожорливая щука, карпъ, гололяль, судакъ, множество другихъ и даже угорь, потому что угорь также рыба, хотя очень похожъ на змѣю; но присмотритесь къ нему хорошенько, и вы найдете, что у него жабры и плавники. Эта рыба замѣчательна тѣмъ, что выходитъ иногда на сушу добывать себѣ пищу. Угорь очень живучъ и, разрѣзанный на части, долго шевелится. *Второй отрядъ*, замѣченный нами, къ которому принадлежатъ всѣ осетровыя рыбы, называется *твердочешуйчатимъ*. Составьте табличку всѣхъ животныхъ, о которыхъ читали. Коротко, дѣльнымъ классомъ, повторите все прочитанное.

ЯБЛОНЯ.

Въ саду у насъ стоитъ старая, большая и развѣсистая яблоня. *Корни* ея глубоко сидятъ въ землѣ, а къ верху поднимается толстый *стволъ*, покрытый снаружн сѣрою растрескавшеюся *корою*. Вверху стволъ раздѣляется на толстые *сучья*; сучья дѣлятся на *вѣтки*, вѣтки на тоненькія молодыя вѣточки, а на вѣточкахъ дрожать *листочки*. Осенью листья желтѣютъ и опадаютъ, а на вѣточкахъ, остаются на всю зиму только маленькія, коричневыя *почки*.

Всю зиму яблоня стоитъ голая, но весной, когда пригрѣетъ солнышко и снѣгъ растаетъ, корни яблони потянутъ изъ влажной земли питательные соки. Соки стануть подыматься по стволу вверхъ, побѣгутъ по сучьямъ, вѣткамъ и вѣточкамъ и стануть наполнять маленькія почки. Почки вздуются, размякнутъ; ихъ коричневыя чешуйки раздвинутся и изъ-подъ нихъ развернутся зеленые листочки и бѣлорозовыя цвѣточки. Когда цвѣточки отцвѣтутъ, то на ихъ мѣстѣ появляются маленькія, зелененькія яблочки—*плоды*. За лѣто яблочки выростутъ, пожелтѣютъ, покраснѣютъ — и къ осени вся яблоня уберется спѣлыми, сочными плодами. Когда зернышки въ яблокахъ почернѣютъ, значить, яблоки поспѣли, и начнутъ они тогда сами валиться на землю. Яблоки оборвутъ и отрясуть; достанется и на нашу долю не одно вкусное яблоко. Осенью опять начнутъ листья желтѣть и падать, а къ зимѣ останутся на яблонѣ только новыя коричневыя *почки*—надежда будущаго года. Такъ живетъ дерево годъ за годомъ.

ЧАСТИ ЯБЛОНИ.

Хотя яблоня наша не говоритъ, не чувствуетъ и не движется по своей волѣ, но, тѣмъ не менѣе, она растетъ, питается, приноситъ плоды, а потомъ старѣется, сохнетъ и умираетъ. У яблони, какъ и у животнаго, есть различныя органы: *корень*, *стволъ*, *листья*, *цвѣты* и *плоды*, такъ что яблоню, какъ и всякое другое растеніе, можно назвать *организмомъ*. (Почему камня нельзя назвать организмомъ?)

Корень яблони растетъ, какъ и стволъ, и раздѣляется также на вѣтки; только корень растетъ не вверхъ, а внизъ, нижними концами своихъ вѣтвей. Молоденькіе кончики корней, *мочки*, копаюсь въ землѣ, сосутъ изъ нея питательную влагу. Обрѣжьте эти тонкіе кончики—и дерево засохнетъ отъ недостатка пищи, хотя вы и не тронули самаго корня. Вотъ почему при пересадкѣ дерева садовникъ заботится болѣе всего, чтобы не попортить этихъ молоденькихъ корней.

Стволъ. Если перепилить горизонтально стволъ дерева, то можно видѣть, что онъ весь состоитъ изъ множества слоевъ, которые *концентрическими* кругами идутъ отъ *сердцевины* дерева къ корѣ. Сколько круговъ въ стволѣ, столько лѣтъ прожило дерево; послѣдній кругъ у самой коры, самый молодой и мягкій, называется *заболонью*. Каждый годъ, пока дерево растетъ, прибавляется у него по одному кругу.

Разрѣзъ древеснаго ствола: *a* сердцевина, *b* кора, *c* дубъ, *d* годовые слои древесины.

Кора одѣваетъ стволъ, сучья и вѣтки. Она также состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ. Внутренній ея слой называется *лубомъ*. (Изъ липоваго луба дѣлаютъ мочалу и короба). На молоденькомъ деревѣ кора гладка, на старомъ шероховата. Если отдеремъ кору отъ дерева, то найдемъ подъ ней мягкій, почти жидкій слой: это сгустившійся *образовательный сокъ* дерева, изъ котораго образуется къ серединѣ слой древесины и къ наружи слой коры.

Листъ яблони прикрѣпленъ къ вѣточкѣ тоненькимъ *черешкомъ*; отъ черешка, по серединѣ листа, идетъ главная жилка, а отъ нея маленькія жилочки расходятся, какъ вѣтки, по всему листу. По краямъ листа—зубчики; верхняя сторона листа зеленаго, а нижняя сѣроватаго цвѣта. Если ножичкомъ поскоблить кожуцу на листѣ, то увидимъ подъ нею сочную *мякоть*. Посмотрѣвъ на листокъ сквозь увеличительное стекло, откроемъ на немъ маленькія отверстія,

устьица, которыми дерево вдыхает воздухъ. И ему, какъ и намъ, необходимо дышать.

ЧѢМЪ ПИТАЕТСЯ ЯБЛОНЯ?

У яблони нѣтъ рта, которымъ она могла бы пережевывать твердую пищу; за то кончиками своихъ корней, *мочками*, она очень хорошо можетъ высасывать изъ земли влагу, въ которой *распущены* разные питательныя для яблони вещества, какъ распускается сахаръ въ стаканѣ чая.

Вотъ почему для всякаго растенія необходимъ дождь; безъ влаги оно не можетъ *питаться*: не можетъ высасывать изъ *сухой* земли тѣхъ веществъ, которые ему нужны. Для яблони еще не бѣда, если дождикъ долго не идетъ. Корни яблони сидятъ глубоко въ землѣ, гдѣ всегда сыро; но маленькая травка безъ дождя желтѣетъ и вянетъ очень скоро, потому что ея коротенькіе корешки не находятъ влаги въ верхнемъ высохшемъ слоѣ земли.

Настанетъ весна, снѣгъ растаетъ и напоитъ землю, и корни яблони потянутъ изъ земли питательныя *соки*. Соки эти побѣгутъ вверхъ по корнямъ, по стволу, по вѣткамъ, какъ бѣжитъ вода вверхъ по куску сахара, когда вы обмокнете его въ воду однимъ концомъ. Если весной пробуравить кору дерева, то изъ-за нея закаплетъ сокъ. Вы, вѣроятно, пробовали, какъ сладокъ сокъ клена и березы. Сокъ подымается вверхъ не по всему стволу дерева, а только по молодымъ, еще мягкимъ его слоямъ. Вотъ почему иная старая верба еще зеленѣетъ и даетъ каждый годъ новыя вѣтки, хотя вся сердцевина ея давно уже истлѣла и въ ней образовалось большое дупло.

Поднявшись по стволу, по сучьямъ, по вѣткамъ, сокъ входитъ въ листья, которыми дерево дышетъ. Часть воды изъ сока испаряется, и онъ становится отъ этого гуще. Кромѣ того, черезъ *устьица* листьевъ древесный сокъ напитывается воздухомъ: беретъ изъ воздуха то, что дереву нужно, и отдаетъ, то, что для дерева лишнее, но необходимо для животныхъ, также дышащихъ воздухомъ. Вотъ этимъ-то сокомъ, высосаннымъ изъ земли и измѣнившимся въ листь-

яхъ, и питается яблоня. Оборвите съ яблони всё листья, и она не принесетъ вамъ плодовъ, да и сама перестанетъ расти; а если вы будете обрывать листья нѣскольколѣтъ сряду, то дерево и совсѣмъ зачахнетъ.

Изъ листьевъ уже готовый древесный сокъ, сгустившійся и отяжелѣвшій, начинаетъ спускаться опять внизъ, и опять по вѣткамъ, сучьямъ и по стволу, пробираясь между корою и *заболонью* (самымъ молодымъ слоемъ дерева); изъ него-то образуется та сочная *образовательная мякоть*, которую мы нашли подъ корою. Изъ этой-то мякоти и образуется новый кругъ дерева и новый слой коры. Если вырѣзать на деревѣ кору кольцомъ вокругъ ствола, до самой древесины, то вверху этого нарѣза дерево будетъ расти по прежнему, а внизу ростъ его остановится, потому что соки, побывавшіе въ листьяхъ, не могутъ уже тогда сверху проходить внизъ.

К Л Е Н О В О Е С Ъ М Я Ч К О .

Старый роскошный клень растетъ у насъ за домомъ; три человекъ не могутъ обхватить его могучій стволъ; сотни вѣтвей поднимаются на его толстыхъ сучьяхъ; подъ тѣнью его безчисленныхъ лапчатыхъ листьевъ, какъ подъ зеленой палаткой, обѣдаемъ мы въ жаркіе лѣтніе дни; въ сильный дождь можно просидѣть подъ этимъ зеленымъ навѣсомъ, и развѣ нѣсколько капель упадутъ на платье. Говорятъ, что этому дереву болѣе ста лѣтъ; но знаете ли вы, изъ какого маленькаго сѣмячка оно выросло?

Плоды клена похожи на крылышки мотылька, но въ крылышкѣ самое сѣмячко занимало очень мало мѣста. Сѣмячко въ своемъ крылатомъ плодикѣ сидѣло, сросшись съ другимъ такимъ же сѣмячкомъ, и крылышки были даны имъ не даромъ. Когда сѣмячки созрѣли, вѣтеръ

Прорастающее кленовое сѣмячко *).

*) а. Одинъ кленовый плодикъ; въ разрѣзанномъ сѣмени виденъ зародышъ. б. Увеличенное сѣмя въ разрѣзѣ; свернутый зародышъ въ серединѣ. с. Отдѣльно зародышъ съ неразвернутыми зародышевыми листьями. д. Зародышъ, развернувшій листики.

подхватилъ ихъ и отнесъ далеко отъ родимаго дерева. Одно изъ этихъ сѣмячекъ упало на этомъ самомъ мѣстѣ, и вотъ изъ него-то, изъ этого крошечнаго сѣмячка, выросло такое могучее дерево. Разсмотримъ же это чудное сѣмячко.

Въ серединѣ каждаго кленоваго сѣмячка спитъ малютка-зародышъ, свернувъ два свои листочка и крошечный корешокъ. Кто могъ бы сказать, что этотъ зародышъ, который надо разсматривать въ увеличительное стекло, можетъ превратиться въ такое могучее дерево, какъ нашъ клень?

Упало сѣмячко во влажную землю, размокло, *кожура* на немъ лопнула, и малютка-зародышъ проснулся. Онъ пустилъ бѣленькій *корешокъ* внизъ, а два первые листка выглянули на верхъ и позелнѣли. Какъ однако были не похожи эти два мясистые *зародышевые листка* на будущіе лапчатые листья клена! Но вотъ между зародышевыми листками появился кверху молоденькій *стебелекъ*, съ крошечной почкой на верху, и почка раскрылась уже двумя лапчатыми кленовыми листочками. Растутъ эти новые листочки, а первые, зародышевые листики все худѣютъ и, наконецъ, засыхаютъ и опадаютъ. Они сдѣлали свое дѣло: своими собственными соками кормили они малютку-растеніе, пока оно еще было слишкомъ слабо, чтобы самому искать себѣ пищи въ землѣ и воздухѣ. Укрѣнилось маленькое растеніе, стало питаться само—и между новыми листочками появляется *новая почка*, выходитъ новый молодой *побѣгъ* и на немъ новые листики. И такъ, выгоняя побѣгъ за побѣгомъ, растетъ молодое деревцо, и черезъ нѣсколько лѣтъ тонкій стебелекъ превращается въ толстый стволъ, молодые побѣги въ крѣпкія вѣт-

Прорастающій клень.

ки, крѣпкія вѣтки въ толстые сучья съ сотнями вѣтвей, и на каждой-то вѣткѣ молодые побѣги, и на каждомъ-то побѣгѣ новые листья! Пройдетъ лѣтъ двадцать, и дерево станетъ

цѣсть и давать сѣмена; пройдетъ сотня лѣтъ и — наши правнуки цѣлою семьей усядутся обѣдать подъ его широкими, бесчисленными листьями. Великую же силу вложилъ Творецъ въ крошечное сѣмячко, когда оно умѣетъ изъ земли и воздуха сдѣлать такое могучее дерево! Если сѣять сѣмя рѣпы и потомъ самую рѣпу, которая выросла изъ этого сѣмени въ какіе-нибудь три мѣсяца, то мы увидимъ, что рѣпа въ *милліонъ* разъ вѣситъ болѣе, чѣмъ вѣсило самое сѣмя. Весь этотъ матеріалъ высало растеніе изъ воздуха листьями и изъ земли корешками. Не дремало же оно лѣтомъ, хотя мы и не видѣли и не слышали, какъ оно работало!

РАЗМНОЖЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какимъ множествомъ разнообразнѣйшихъ растеній природа ежегодно украшаетъ землю! На самомъ маленькомъ пространствѣ, — какое разнообразіе видовъ и красокъ! Не менѣе можно удивляться быстротѣ, съ которой природа закрываетъ растеніями каждое пустое мѣсто, кусокъ не занятаго поля или заброшенной дороги, почти голую скалу, даже стѣны и кровли, и сѣетъ траву, деревья и кустарники вездѣ, гдѣ окажется хотя горсть плодородной земли. Мы видимъ это безпрестанно, но не обращаемъ вниманія на это замѣчательное явленіе, потому что привыкли смогрѣть на него съ дѣтства. Величайшая мудрость Создателя проявляется въ самыхъ простыхъ явленіяхъ, которыхъ не замѣчаютъ именно потому, что они такъ просты и естественны.

Большая часть растеній обладаетъ удивительною силою размноженія. Растеніе, извѣстное подъ именемъ табака, приноситъ ежегодно до 40,000 сѣмянъ. Дубъ живетъ болѣе пяти сотъ лѣтъ: положимъ, что въ это время онъ принесетъ желуди только 50 разъ и дастъ каждый разъ только до 500 желудей, что составитъ 25,000 желудей, а изъ каждаго можетъ вырасти цѣлое дерево. Если теперь предположить, что эти деревья также будутъ приносить желуди, а изъ желудей будутъ вырастать дубы, то скоро число дубовъ надобно будетъ считать сотнями милліоновъ. Такая сила размноженія объясняетъ, откуда берется безчисленное множество растеній, покрывающихъ землю.

Еслибы каждое зернышко, отдѣляясь отъ родимаго растенія, падало тутъ же на землю и оставалось лежать тамъ, гдѣ упало, то подѣ каждымъ растеніемъ набралась бы куча зеренъ и ни одно изъ нихъ не могло бы пустить корней въ землю и прорасти. Но Богъ своею премудростію устроилъ дѣло иначе. Многія зернышки, какъ только созрѣютъ, такъ и разносятся въ разныя стороны. Онѣ такъ малы и легки, что малѣйшее движеніе вѣтра уноситъ ихъ далеко. Зернышки нѣкоторыхъ растеній снабжены примѣтными перышками, которыя помогаютъ имъ летѣть. Такія перышки, или пухъ, бывають, напр. имѣрь, на одуванчикѣ, пушистые шары котораго дѣти любятъ раздувать, помогая, такимъ образомъ, разсѣянію его сѣмянъ. Когда шишка сосны созрѣетъ вполне, то чешуи ея раскрываются, и изъ подѣ нихъ крылатыя сѣмена разсыпаются во всѣ стороны. У степной травы ковыля къ каждому острому зернышку прикрѣпленъ длинный, пушистый и легкій хвостикъ, и вѣтеръ несетъ созрѣвшее сѣмячко ковыля за сотни верстъ.

Когда осенью вѣютъ постоянныя, сильныя вѣтры, на которые мы часто жалуемся, то не должно забывать, что осенью именно созрѣвають сѣмена растеній, и что вѣтеръ дѣлаетъ то же самое, что и пахарь, когда онъ, выйдя на поле, раскидываетъ полною горстью сѣмена хлѣба. Припомните также, что именно въ это время дожди размачивають землю и дѣлають ее способною принять въ себя и прораститъ сѣмена растеній. Такъ все служитъ одно другому въ великомъ созданіи Божіемъ, и нельзя не видѣть, что вся природа есть твореніе одного всеобъемлющаго ума. Тотъ, кто повелѣлъ растеніямъ производить сѣмена, Тотъ же посылаетъ вѣтеръ, когда эти сѣмена созрѣютъ, и даетъ дожди, чтобы растворить землю.

Но этого мало: многія животныя способствуютъ, сами того не зная, размноженію растеній. Такъ, сѣмена череды заключены въ плодики съ цѣпкими крючечками, которыми онѣ прицѣпляются къ животнымъ, даже къ платьямъ людей и разсѣваются въ самыя отдаленныя мѣста. Другія сѣмена бывають заключены въ такія твердыя оболочки, что остаются непереваренными въ желудкѣ птицъ, и такимъ образомъ появляется, напр., вишневое дерево гдѣ-нибудь на

верхушкѣ старой башни. Есть и такія сѣмена, которыя, попадая въ рѣку, уносятся въ море и остаются тамъ до тѣмъ поръ, пока ихъ не прибьетъ къ берегу, гдѣ онѣ начинаютъ проростать. Конечно, множество сѣмянъ пропадаетъ даромъ, только удобряя землю (потому-что ничто въ природѣ совершенно даромъ не пропадаетъ); множество служить пищею для животныхъ и людей, но за то каждое растеніе приносить такъ много сѣмянъ, что если тысячная доля изъ нихъ произрастетъ, то и того достаточно, чтобы покрыть землю растеніями. Такимъ образомъ, все въ природѣ—облака и дождь, вѣтеръ и буря, птицы и звѣри,—содѣйствуетъ распространенію растеній, повинуясь волѣ Всемогущаго Создателя.

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВѢКУ РАСТЕНІЯМИ И ЖИВОТНЫМИ

Человѣкъ, какъ господинъ земли, данной ему въ обладаніе, пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей, и даже своихъ прихотей, царствомъ животнымъ и растительнымъ.

Отъ животныхъ мы получаемъ мясо, сало, ворвань, молоко, яйца, кожу, шерсть, щетину, кость, рогъ и копыта, пухъ, перья, китовый усъ, жемчугъ, перламутръ, медъ, шелкъ и нѣкоторые другіе предметы. Многія животныя, не служа намъ ни для пищи, ни для одежды, приносятъ намъ удовольствіе, напримѣръ: соловьи, канарейки, попугаи; другія возятъ насъ; третьи охраняютъ нашъ домъ; многія служатъ намъ, истребляя другихъ вредныхъ животныхъ; но есть и такія, которыя, сколько мы знаемъ, только вредны, какъ напримѣръ: ядовитыя змѣи, бесполезный, хотя величественный левъ, надобѣдающая муха, и пр.

Царство растительное доставляетъ намъ еще гораздо болѣе пользы, чѣмъ царство животное. Въ *титу* мы употребляемъ такое множество разнообразнѣйшихъ растений, что перечестъ ихъ трудно. У однихъ растеній мы сѣдаемъ плоды, каковы: яблоки, груши, апельсины, ягоды и т. п. Другія намъ служатъ своими цвѣтами, напримѣръ: артишоки, мясистой корошкой которыхъ мы лакомимся;

виныя ягоды, у которыхъ цвѣтки скрываются внутри очень сладкаго цвѣточнаго ихъ ложа; роза, изъ душистыхъ лепестковъ которой варятъ варенье, и т. д. У третьихъ мы пользуемся сѣменами, таковы: рожь, пшеница, ячмень и всѣ вообще хлѣбныя растенія; конопля, ленъ, подсолнечникъ, изъ сѣмянъ которыхъ добываютъ конопляное, льняное и подсолнечное масла. У четвертыхъ идетъ намъ въ пищу сердцевина, такъ напримѣръ: сердцевина саговой пальмы, изъ которой дѣлають саго. У пятыхъ мы беремъ листья, какъ напримѣръ: у капусты, у мяты, у чайнаго дерева (хотя иные чай называются цвѣточными, но бѣлые листики, которые мы замѣчаемъ между черными, вовсе не цвѣты, а только молодые, еще пушистые листочки того-же чайнаго дерева). Шестыя предлагаютъ намъ свой сокъ, напримѣръ: сахарный тростникъ, береза, кленъ, свекла, изъ сока которой также выдѣлываютъ сахаръ. Седьмыя даютъ намъ свои луковицы и клубни, напримѣръ: лукъ, чеснокъ, картофель. Восьмыя— корни, напримѣръ: морковь, свекла, рѣпа и др., называемыя потому *корнеплодными* растеніями. Девятыя служатъ намъ всѣмъ своимъ тѣломъ, напримѣръ, грибы. Мы уже не говоримъ здѣсь о лѣкарственномъ употребленіи растеній: растеніямъ, идущимъ въ лѣкарства, почти и числа нѣтъ.

Растенія не только питаютъ, но и одѣваютъ насъ, таковы: пенька, хлопчатобумажный кустарникъ, въ плодахъ котораго, закрывая сѣмена, вырастаютъ бѣлая, пушистая хлопчатая бумага. Многія растенія доставляютъ краску, которою мы раскрашиваемъ наши ситцы, кисеи, сукна и разныя вещи.

Кромѣ пищи и одежды, растенія даютъ намъ матеріалъ для нашихъ построекъ, для нашихъ лодокъ и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелкихъ вещей, которыя мы употребляемъ: для бумаги, на которой мы пишемъ; для чернилъ, которыми мы пишемъ, и т. д.

Но всего этого мало: растенія очищаютъ воздухъ, служащій намъ для дыханія; они берутъ изъ воздуха угольную кислоту, вредную для животнаго и человѣка, отдѣляютъ изъ нея для себя углеродъ и отсылаютъ назадъ въ воздухъ чистый кислородъ, безъ ко-

того не может жить ни одно животное. Растенія постоянно освѣжаютъ воздухъ, который портится дыханіемъ животныхъ; животныя, наоборотъ, вдыхая воздухъ, выдыхаютъ угольную кислоту, необходимую растеніямъ.

Растенія кормятъ собою не только человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Однѣ животныя кормятся прямо растеніями, а другія пожираютъ тѣхъ животныхъ, которыя кормятся растеніями, но все, что живетъ, посредственно или непосредственно, кормится растеніями. Левъ разрываетъ маленькую серпу, но серна кормилась травою; орелъ терзаетъ зайчика, но зайчикъ выкормился корою молодыхъ деревьевъ, листьями и зелеными стебельками овса; лиса лакомится курицей, а вкусное мясо курицы выработалось изъ хлѣбныхъ зеренъ; быкъ и корова даютъ намъ питательное мясо; но это мясо образовалось изъ травы и сѣна, переработанныхъ въ кровь въ желудкѣ животного. Крѣпкая, какъ сталь, слоновая кость вырабатывается изъ рису, листьевъ и травы, которыми кормится травоядный слонъ. Пчела приноситъ намъ медъ; но она беретъ его изъ цвѣтковъ растеній. Шелковичный червь прядетъ для насъ шелковичную нитку; но матеріалъ, изъ котораго образуется эта нитка—листья шелковичнаго дерева.

А сколько красоты придаютъ растенія нашей землѣ! Онѣ прикрываютъ, оживляютъ и украшаютъ тѣ безжизненные камни, глины, пески, тѣ безжизненные минералы, изъ которыхъ состоитъ кора земного шара. Кто бывалъ въ песчаной или каменной пустынѣ, гдѣ на многія сотни веретъ вокругъ нѣтъ ни деревца, ни травки, и потомъ вступитъ въ болѣе счастливую страну и, ставъ посреди роскошнаго, ярко-зеленаго луга, взглянетъ на волнующіяся поля, полныя хлѣбныхъ колосовъ, на нестрые цвѣты, на тѣнистыя рощи, въ которыхъ дышетъ прохладою, и на темныя задумчивыя лѣса,—тотъ невольно возблагодаритъ Господа, создавшаго землю и повелѣвшаго ей облечься въ роскошную растительную одежду.

КРЕМЕНЬ.

Всѣ мы знаемъ, что кремень есть *камень* и, притомъ, очень *твердый* камень, который трудно раздробить на части. Края кремня могутъ быть иногда такъ остры, что ими можно рѣзать дерево и даже проводить черточки на стеклѣ, которое нельзя разрѣзать ножомъ, а только самымъ твердымъ камнемъ — алмазомъ.

Кремень находятъ иногда очень большими кусками, которые бываютъ покрыты известковой корой. Цвѣта кремень бываетъ различнаго: большею частью сѣрый, разныхъ оттѣнковъ, иногда даже черный; въ краяхъ онъ просвѣчиваетъ. Если кремень расколоть, то поверхность въ этомъ мѣстѣ не бываетъ ровной и не блеститъ. Вкуса кремень не имѣетъ никакого, потому что не распускается въ водѣ.

При ударѣ сталью о кремень выскакиваютъ искры. Если нѣсколько времени *высѣкать* искры стальнымъ огнемъ, то сталь сотрется; а если мы положимъ бѣлый листъ бумаги и надъ нимъ станемъ высѣкать огонь, то увидимъ на бумагѣ маленькіе кусочки перегорѣвшей стали. Искра, слѣдовательно, есть нечто иное, какъ кусочекъ стали, раскалившейся до-красна отъ сильного удара по камню. Отъ сильного удара и тренія не одна сталь нагрѣвается. Двѣ палки можно тереть одна о другую до того, что обѣ загорятся. Если ударить нѣсколько разъ молоткомъ по гвоздю, то можно ощутить осязаніемъ, какъ шляпка гвоздя и молотокъ нагрѣваются. Неподмазанное колесо, при скорой ѣздѣ, до того трется обѣ ось, что отъ обихъ идетъ дымъ и оба могутъ загорѣться. Но чѣмъ тверже тѣла, тѣмъ отъ тренія ихъ происходитъ болѣе тепла. Вотъ почему, чтобы высѣчь огонь, бьютъ по кремню не желѣзомъ, а сталью, которая гораздо тверже желѣза.

По составу кремень называютъ *кремнеземомъ*. Изъ горныхъ жилъ добываютъ множество камней такого же состава и такой-же твердости, какъ кремень, но другихъ цвѣтовъ: напр. обыкновенный *кварцъ* бѣлаго цвѣта, *аметистъ* фіолетовый и прозрачный, *горный хрусталь* безцвѣтный и прозрачный и др. Эти камни нахо-

дять всегда въ правильныхъ формахъ, называемыхъ *кристаллами*; тогда какъ кремьнь никогда не встрѣчается въ видѣ кристалловъ, почему его называютъ *аморфнымъ*, т. е. безформеннымъ. Въ такомъ же аморфномъ видѣ и такого же состава, какъ кремьнь, въ землѣ находятъ: *сердоликъ, агатъ, ониксъ, яшму* и много другихъ камней, идущихъ на украшенія. Бѣлый песокъ, который употребляется для приготовленія стекла, есть также кремнеземъ.

ГЛИНА И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ДѢЛАЕТСЯ.

Глина такой необходимый, полезный для человѣка матеріаль, что Создатель щедро распространилъ его почти на всѣхъ мѣстахъ земного шара. Глина составляетъ одну изъ главнѣйшихъ частей той земли, по которой мы ходимъ. По большей части она бываетъ съ чѣмъ-нибудь смѣшана, въ особенности съ пескомъ, и въ чистомъ видѣ находится довольно рѣдко. Она не прозрачна, не имѣетъ никакого блеска, которымъ отличается желѣзо, золото, мѣдь и другіе металлы, и той твердости, которою отличается кремьнь, булыжникъ и другіе камни, хотя во многихъ камняхъ она бываетъ главною составною частью. Чаще всего попадаетъ глина желтовато-сѣраго цвѣта и рѣже глина голубая и бѣлая.

Одно изъ главныхъ свойствъ глины заключается въ томъ, что она очень любитъ воду, жадно впитываетъ ее въ себя и въ смѣшеніи съ водою дѣлается мягкой и лѣпкою; а когда высохнетъ, т. е. когда вода отъ тепла превратится въ паръ и испарится въ воздухъ, то глина твердѣетъ, какъ камень, и даже трескается. Это свойство глины подало людямъ мысль приготовить изъ нея кирпичъ, черепицу и различную посуду.

Кирпичъ изъ глины дѣлають очень просто. Выбирають такое мѣсто, гдѣ по близости можно было бы найти глину, песокъ и воду, и устраивають на немъ кирпичный заводъ, состоящій изъ сарая съ одною крышею безъ стѣнъ, для того чтобы вѣтеръ могъ подъ нимъ продувать свободно, и большой печи, въ которой можно бы было обжигать кирпичъ. Возлѣ сарая вырываютъ неглубокую яму, перемѣшиваютъ глину, песокъ и воду или лопатами, или ногами, а иногда

лошадьми, заставляя их топтаться въ такой ямѣ. Послѣ того накладываютъ глину въ формы, вродѣ деревянныхъ ящичковъ, открытыхъ сверху; палкой снимаютъ то, что оказывается лишнимъ, и выкладываютъ изъ формы на доску уже сырой кирпичъ или *сырецъ*; словомъ, дѣлаютъ почти то же, что и маленькія дѣти, когда они лѣпятъ изъ песку различныя штучки; съ тою только разницею, что формочки, надѣланныя дѣтьми изъ песку, чѣмъ болѣе высыхаютъ, тѣмъ легче рассыпаются, а глина, напротивъ, чѣмъ становится суше, тѣмъ дѣлается тверже. Налѣпивъ, такимъ образомъ, цѣлую массу будущихъ кирпичей, раскладываютъ ихъ осторожно подъ крышей сарая, гдѣ они не могутъ размокнуть отъ дождя и гдѣ, въ то же время, ихъ со всѣхъ сторонъ хорошо прохватываетъ вѣтромъ. Искусный и прилежный работникъ въ одинъ день можетъ наработать таковыхъ, еще мягкихъ, кирпичей болѣе тысячи.

Давши хорошенько просохнуть кирпичамъ, ихъ складываютъ потомъ въ большую печь, которая устраивается такъ, что внизу есть у нея нѣсколько топокъ, куда кладутъ дрова, а сверху на кирпичномъ днѣ, съ отверстіями, пропускающими пламя, кладутъ въ нѣсколько рядовъ кирпичи ребрами, такъ чтобы между ними могъ проходить огонь. Затопивъ печь, понемногу начинаютъ усиливать огонь, а когда увидятъ, что кирпичи уже достаточно обожжены, то такъ же постепенно начинаютъ уменьшать огонь, и наконецъ совершенно его тушатъ. Отъ дѣйствія жара кирпичъ окончательно высыхаетъ, дѣлается краснымъ, звонкимъ и, сравнительно съ сырцомъ, легкимъ, потому что отъ него отдѣлилась вода. Чѣмъ лучше обожженъ кирпичъ, тѣмъ менѣе онъ напитывается водою и тѣмъ прочнѣе. Изъ кирпичей строятъ каменные дома, каменные мосты, церкви; изъ кирпичей выстроены громадныя города, въ которыхъ живутъ миллионы людей.

Глиняную посуду лѣпить тоже не очень трудно, и вы скоро поймете это производство, если заглянете въ мастерскую горшечника. Изъ особенной, тонкой, бѣлой глины, которая попадаетъ очень рѣдко, дѣлаютъ дорогую фарфоровую посуду. У насъ хорошая фарфоровая глина находится въ Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ уѣздѣ.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

Соль есть единственный минералъ, употребляемый человѣкомъ въ пищу: въ лѣкарствахъ же употребляются нѣкоторые другіе. Она не только улучшаетъ вкусъ многихъ блюдъ, но полезна и даже необходима для здоровья; кромѣ того, солью же сохраняютъ въ прокъ мясо, сало, рыбъ, птицъ, грибы, огурцы и многія другія органическія тѣла.

Какого цвѣта соль—вы это знаете; по цвѣту трудно отличить ее иногда отъ сахара, за то по вкусу мы можемъ узнать вездѣ присутствіе соли. Соль совершенно распускается въ водѣ, причѣмъ вода пріобрѣтаетъ соленый вкусъ. Но вода не можетъ распускать въ себѣ сколько угодно соли, а только опредѣленное количество, смотря по количеству самой воды, и если переложить соли, то вода перестанетъ ее распускать; тогда говорятъ, что вода *насытилась* солью.

Распустивъ соль въ водѣ, можно снова добыть ее оттуда; стоитъ только воду, насыщенную солью, кипятить до тѣхъ поръ, пока вся вода, превращаясь постепенно въ паръ и испаряясь въ воздухъ, выкипитъ: соль останется тогда на днѣ сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставьте его куда-нибудь на нѣсколько дней: вода мало по малу испарится, а на днѣ блюдечка появится множество маленькихъ шестигранныхъ кристалликовъ, у которыхъ всѣ шесть площадокъ равны между собою и которые называются *кубиками*. Соляные кристаллы прозрачны и блестятъ.

Соль добываютъ или выкапывая изъ земли, какъ множество другихъ камней и металловъ, или доставая изъ водъ, насыщенныхъ солью, напр. изъ озеръ, въ которыхъ соль осѣдаетъ на дно кристаллами. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ морѣ вода вездѣ, хотя не въ одинаковой степени, напитана солью; но въ морской водѣ, кромѣ соли, есть и другія примѣси, такъ что вкусъ этой воды горько-соленый, и она для питья не годится.

Твердую, каменную соль добываютъ у насъ въ Илецкой заштѣ (въ Оренбургской губерніи). Кромѣ того, у насъ есть множество пересыхающихъ лѣтомъ озеръ, въ которыхъ соль толстыми пластами осѣдаетъ на дно, откуда ее и достаютъ. Самое большое изъ такихъ озеръ, Эльтонъ, находится въ Саратовской губерніи. Есть у насъ и

соляные источники, вода которыхъ пріобрѣтаетъ соль, пробираясь въ глубинѣ земли между пластами каменной соли: изъ такой воды соль вываривается въ *соляныхъ варницахъ*.

С Ъ Р А.

Желтая сѣра принадлежитъ также къ минеральному царству и добывается изъ нѣдръ земли въ чистомъ видѣ и въ смѣшеніи съ другими минералами. Она легко плавится, и не нужно большого огня, чтобъ дать ей жидкій видъ. При охлажденіи сѣра, равно какъ и соль, принимаетъ форму кристалловъ; но только эти кристаллы уже не кубики, а двѣ четырехстороннія пирамидки, сложенные основаніями. Въ водѣ сѣра не распускается и потому вкуса не имѣетъ; но запахъ, хотя слабый, издаетъ, особенно если ее сильно потереть рукою. Ломается сѣра очень легко; въ водѣ тонетъ, — слѣдовательно тяжелѣе воды; въ огнѣ сильно горитъ голубымъ пламенемъ и даетъ смрадные и удушливые пары, которые, попадая въ легкія, возбуждаютъ сильный кашель.

Сѣра употребляется въ нѣкоторыхъ производствахъ: для сѣрныхъ свичекъ, для приготовленія пороха, въ которомъ она смѣшивается съ селитрою и углемъ, а также и въ лѣкарствахъ.

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА.

Мы такъ привыкли пользоваться стекломъ, что не можемъ себѣ представить, какъ жили люди, не зная его употребленія. Безъ зеркалъ можно было бы еще обойтись; прекрасную стеклянную посуду можно было бы замѣнить глиняною; но чѣмъ замѣнить стекло въ окнахъ, особенно въ холодныхъ странахъ, гдѣ необходимо имѣть такія окна, которыя бы, пропуская въ комнату свѣтъ, не выпускали изъ нея тепла? А между тѣмъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, у насъ въ Россіи, даже въ городахъ, много было домовъ съ оконницами изъ слюды—камня, который весьма легко раздирается на тонкіе и прозрачные слои. У эскимосовъ и теперь, вмѣсто стеколъ, употребляютъ куски льда; въ землянкѣ башкира часто въ окнахъ бываетъ бумага, пропитанная постнымъ масломъ. Но слюда очень быстро

портится отъ солнца, ледъ очень быстро таетъ, а пропитанная масломъ бумага мало пропускаетъ свѣта, и потому всѣ эти матеріалы не могутъ вполне замѣнить собою стекла. Въ настоящее время употребленіе стекла до того уже распространено, что, кромѣ юрты дикарей, нѣтъ такой бѣдной избушки, въ которой не было бы хотя нѣсколькихъ его кусочковъ. Но какъ же дѣлается стекло? Вѣроятно, изъ какихъ нибудь недорогихъ матеріаловъ, если оно по цѣнѣ своей доступно всякому бѣдняку. Дѣйствительно, стекло дѣлается изъ трехъ весьма дешевыхъ веществъ: песку, поташа и извести. Изъ этихъ трехъ веществъ намъ менѣе всего извѣстенъ *поташъ*, потому-что онъ не находится въ природѣ въ чистомъ видѣ, но готовится изъ золы. Песокъ берутъ самый мелкій и чистый, но, чтобы сдѣлать его еще мельче, накаливаютъ его въ сильномъ огнѣ, а потомъ бросаютъ въ холодную воду, отчего каждая песчинка трескается на нѣсколько еще меньшихъ кусочковъ. Всѣ эти три вещества—песокъ, поташъ и известь,—кладутъ въ особенныя печи, устраиваемыя на стеклянныхъ заводахъ, и дѣйствіемъ сильнѣйшаго жара превращаются въ жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Вы, вѣроятно, знаете, какъ выдуваются соломинкою мыльные пузыри: почти точно такъ же дѣлается и стекло. Но для этого берется уже не соломинка, которая сгорѣла бы отъ жара жидкаго стекла, а желѣзная трубочка, обдѣланная съ одного конца деревомъ, такъ, чтобы работникъ не могъ обжечь себя губъ. На одинъ изъ концовъ этой трубочки набираютъ стеклянной жидкости, какъ дѣти набираютъ на соломинку жидкаго мыла, чтобы выдуть мыльный пузырь, а въ другой начинаютъ дуть: тогда изъ жидкости образуется мягкій пузырь, которому не даютъ застыть и сдѣлаться совершенно твердымъ, подогревая его въ печи. Повертывая трубочку, то подымая ее вверхъ, то опуская внизъ, даютъ стеклянному пузырю форму бутылки или графина, смотря по тому, что хотятъ приготовить. Для приготовления оконныхъ стеколъ стараются сначала выдуть такую фигуру, которая, если ее обрѣзать сверху и снизу, походила бы на правильный *цилиндръ*. Сбоку этого цилиндра проводятъ сначала черту холодною водою, а потомъ по этой чертѣ проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ,

отчего цилиндръ даетъ трещину въ томъ самомъ мѣстѣ. Тогда его снова нагрѣвають, меньше прежняго, и, осторожно развертывая въ листъ, выравниваютъ желѣзнымъ брускомъ. Такимъ образомъ готовятъ тѣ прозрачныя, гладкія пластинки, которыя мы видимъ въ окнахъ. Не легка эта работа: чтобы научиться сдѣлать простую бутылъ, много долженъ поработать человекъ; но сколько долженъ поработать онъ, чтобы умѣть сдѣлать гладкое, чистое и толстое зеркальное стекло въ нѣсколько аршинъ длиною и шириною!

Ж Е Л Ъ З О.

Взявъ въ руки какую-нибудь желѣзную вещь, мы легко убѣдимся, что желѣзо—металлъ очень твердый. Но, спрашивается, какъ изъ такого твердаго и негибкаго металла готовятъ такія различныя вещи? И дѣйствительно, очень было бы трудно давать желѣзу разнообразныя формы, если бы оно не имѣло свойства дѣлаться мягкимъ въ сильномъ жару.

Всякій, вѣроятно, знаетъ, какъ въ огнѣ легко разгорячается и раскаляется желѣзо, причемъ и само оно дѣлается краснымъ, какъ огонь. Но если жаръ еще усилить, тогда желѣзо начинаетъ бѣлѣть, маленькія голубыя искры отскакиваютъ отъ него во всѣ стороны, и оно дѣлается до того мягкимъ и ковкимъ, что кузнецъ или слесарь, съ помощью молотка и щипцовъ, дѣлаютъ изъ него все, что имъ угодно. Для того чтобы сдѣлать желѣзо мягкимъ, требуется сильный жаръ, и каждый, кто былъ въ кузницѣ, вѣроятно замѣтилъ, какъ кузнецы усиливаютъ жаръ раскаленныхъ угольевъ посредствомъ большихъ раздувальныхъ мѣховъ. Если жаръ еще усилить, то желѣзо можетъ расплавиться, то есть превратиться въ жидкость; но для этого жаръ долженъ быть страшно великъ, потому что желѣзо плавится трудно.

Желѣзо находятъ всегда въ видѣ *руды*, т. е. въ соединеніи съ другими тѣлами, напр. съ сѣрою и др. Мѣста, гдѣ выкапываютъ изъ земли желѣзную руду, называются *желѣзными рудниками*; а люди, занимающіеся добываніемъ какъ желѣза, такъ и другихъ рудъ, — *рудокопами*. Накопавъ желѣзной руды, которая иногда

находится на большой глубинѣ, а иногда лежитъ почти на поверхности, работники доставляютъ ее на *жельзные заводы*, гдѣ изъ этой руды добываютъ чугуны, желѣзо и сталь.

На желѣзныхъ заводахъ устроены большія *плавильныя* печи, сажены по пяти вышиною, изъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ. Въ такую печь кидаютъ желѣзную руду вмѣстѣ съ угольями, известкой и глиной, которые помогаютъ рудѣ плавиться. Потомъ расплавляютъ печь и до того увеличиваютъ жаръ, что желѣзная руда распускается. Расплавленное желѣзо по своей тяжести опускается внизъ и собирается въ особенномъ, нарочно для того устроенномъ, мѣстѣ, откуда его выпускаютъ въ канавки, вырытыя въ пескѣ, или въ особенныя глиняныя формы. Желѣзо въ такомъ видѣ имѣетъ въ себѣ еще уголь, хрупко, темнаго цвѣта, и называется *чугуномъ*. Изъ чугуна *выливаются* многія вещи: ядра, рѣшетки, заслонки для печей, цѣлыя колонны, котлы и проч.; но чугуны хрупки и не имѣютъ той *ковкости*, которою обладаетъ желѣзо. Заводы, на которыхъ льютъ изъ чугуна различныя вещи, называются *чугунно-литейными заводами*.

Чтобы изъ хрупкаго чугуна приготовить ковкое желѣзо, должно снова расплавить чугуны и подвергнуть его вліянію воздуха и сильнаго жара; отъ этого чугуны отдѣляютъ отъ себя почти весь уголь и сдѣлается ковкимъ желѣзомъ. Первоначально желѣзо готовится въ формѣ большихъ полосъ и въ такомъ видѣ называется *полосовымъ желѣзомъ*. Изъ желѣзныхъ полосъ, которыя повсюду развозятся съ заводовъ на продажу, кузнецы и слесари готовятъ множество разнообразныхъ вещей.

Хорошую сталь приготовить не легко: для этого снова раскалываютъ желѣзо и соединяютъ его съ углемъ; но въ стали гораздо меньше угля, чѣмъ въ чугуны; въ совершенно чистомъ желѣзѣ угля вовсе нѣтъ, но такое желѣзо слишкомъ мягко и негодно для выдѣлки какихъ либо вещей; желѣзо, встрѣчающееся въ обыденной жизни, содержитъ не болѣе $\frac{1}{100}$ части угля на 100 частей металла; сталь содержитъ не болѣе двухъ частей, а чугуны до 5 частей угля на 100 частей металла. Совершенно чистое желѣзо, слѣдовательно, *тѣло простое*; чугуны и сталь всегда *тѣла сложныя*.

Изъ стали дѣлають такія вещи, въ которыхъ нужна особенная твердость или упругость, какъ, наиримѣрь, иголки, острия сабли, бритвы, упругія часовыя пружины, огнива, пилы и проч.

Желѣзо въ восемь разъ тяжелѣе воды. Оно имѣеть свойство, лежа на воздухѣ, и особенно въ сыромъ мѣстѣ, или въ водѣ, покрываться ржавчиной, — красноватымъ хрупкимъ веществомъ. Если кусокъ желѣза долго остается въ сыромъ мѣстѣ, то можетъ весь превратиться въ ржавчину и разсыпаться: такъ иногда ломается перержавѣвшая петля на двери или перержавѣвшій ключъ въ замкѣ.

Желѣзо — самый полезный изъ металловъ. Изъ него приготовляются тысячи самыхъ необходимыхъ вещей: топоры, сохи, оружіе, подковы, замки, цѣпи, болты, пеглы, и проч.; изъ него же дѣлають различныя машины, пароходы, рельсы для желѣзныхъ дорогъ. Подумайте только, какъ необходимъ для человѣка даже простой желѣзный гвоздь, и вы поймете, что если бы Творецъ не создалъ желѣза и не распространилъ его по всей землѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, то люди никогда не достигли бы нынѣшней степени образованія. Если горсть испанцевъ побѣждала сотни тысячъ первобытныхъ жителей Америки, то это главнымъ образомъ потому, что американцы не знали употребленія желѣза: съ топорами и копьями, сдѣланными изъ костей и кремней, трудно сражаться противъ людей, вооруженныхъ стальными мечами.

Одна желѣзная руда, чернаго цвѣта, добываемая у насъ на Уралѣ въ большомъ количествѣ, имѣеть свойство притягивать желѣзо и намагничивать стальные полоски; такая руда называется *магнитнымъ желѣзнякомъ*.

М Ѣ Д Ъ.

По твердости своей и блеску, который называется вообще металлическимъ блескомъ, мѣдь имѣеть много сходнаго съ желѣзомъ, но совершенно отличается отъ него своимъ желто-краснымъ цвѣтомъ. Въ нашихъ мѣдныхъ деньгахъ мѣдь сплавлена съ чугуномъ и потому гораздо темнѣе той, изъ которой дѣлаются самовары, кухонная посуда, дверныя ручки и прочія блестящія вещи. Мѣдь

тверже свинца и олова, но мягче желѣза; за то она легче его плавится и тянется, почему изъ нея удобнѣе дѣлать различныя тонкія вещи. Въ сыромъ воздухѣ, въ соленой и кислой водѣ, а также въ жиру, мѣдь покрывается особенною яркою зеленою; эта зелень, называемая *ярью* или *мѣдянкою*, очень ядовита. Вотъ почему самовары, кастрюли и другую мѣдную посуду, назначенную для приготовления пищи или питья, покрываютъ внутри *полудою*, т. е. слоемъ олова. Мѣдь легко распускается въ различныхъ кислыхъ и крѣпкихъ жидкостяхъ (кислотахъ), и тогда даетъ прекрасную зеленую или синюю краску, употребляемую въ различныхъ производствахъ. Иногда такую краскою покрываютъ обои и красятъ ткани; но обивать комнаты такими обоями и носить такія ткани вредно для здоровья.

Мѣдь имѣетъ еще одно драгоценное свойство—легко сплавляться съ другими металлами. Пользуясь этимъ свойствомъ, готовятъ изъ мѣди бронзу, томпакъ, новое серебро и другіе *искусственные металлы*, т. е. *сплавы*. Мѣдь издаетъ очень пріятный звукъ, почему изъ мѣди льютъ колокола; но чтобы звукъ былъ еще чище, прибавляютъ къ ней серебра. Изъ мѣди также льются пушки. тогда какъ ружья дѣлаются изъ желѣза, ядра изъ чугуна, а пули изъ свинца. Такъ какъ мѣдь гораздо мягче стали, то на отполированной мѣдной пластинкѣ вырѣзываютъ острымъ стальнымъ рѣзцомъ различныя изображенія; наполнивъ же эти углубленія особенною черною краскою, отпечатываютъ на бумагѣ различныя гравюры.

Въ чистомъ видѣ мѣдь хотя и находится въ горахъ, но рѣдко; чаще ее находятъ въ видѣ мѣдной руды, въ соединеніи съ другими тѣлами; тогда должно ее отдѣлять, при чемъ поступаютъ почти такъ же, какъ и при обработкѣ желѣза. Мѣди находятъ гораздо менѣе, чѣмъ желѣза, и добывать ее труднѣе; а потому она гораздо дороже.

З О Л О Т О .

Золото, по рѣдкости своей, по прекрасному цвѣту, сильному блеску и по тому, что почти никогда не находится въ соединеніи съ другими тѣлами и никогда не ржавѣетъ, заслуживаетъ

вполнѣ названіе *благороднаго* металла. Свойство золота никогда не ржавѣтъ подало мысль покрывать имъ главы церквей, которыя, оставаясь постоянно на воздухѣ и подѣ дождемъ, тѣмъ не менѣе блестятъ ярко до тѣхъ поръ, пока остается на нихъ позолота.

Золото въ девятнадцать разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно гораздо тяжелѣе желѣза. Въ чистомъ видѣ оно очень мягко, а потому, если хотять изъ него сдѣлать какую-нибудь вещь, то примѣшиваютъ къ нему мѣдь или серебро. Слѣдовательно, золотыя вещи приготовляются изъ сплавовъ; количество золота въ сплавѣ называется *пробой*, которая всегда и выставляется на золотой вещи. Если на вещи выставлено число *56*, то это означаетъ, что въ одномъ золотникѣ этого сплава, т. е. 96-ти долей, находится 56 долей золота и 40 долей серебра. Расплавленное золото имѣетъ зеленый цвѣтъ. Оно очень сильно тянется, и изъ одного червонца можно выковать такой тонкій листъ золота, что этимъ листомъ легко покрыть и лошадь, и всадника. Оно разъ въ пятнадцать дороже серебра, такъ что за фунтъ золота можно приобрести пятнадцать фунтовъ серебра.

Золото находятъ всегда въ чистомъ видѣ, но, по большей части, очень маленькими кусочками; впрочемъ, въ Россіи находили иногда куски пуда въ два вѣсу; но такіе куски, называемые *самородками*, попадаются рѣдко. Чаще же всего находятъ золото или въ камняхъ, маленькими крапинками, — тогда нужно разбить камень въ мелкіе кусочки, чтобы добыть изъ него золото, — или крошечными зернышками и блестками въ пескѣ, и тогда должно долго промывать песокъ, чтобы отдѣлать отъ него драгоценный металл. Когда камень отъ дѣйствія воды и воздуха рассыпается въ песокъ, тогда и золото изъ него освобождается. Вотъ почему золото находятъ большею частію на днѣ высохшихъ рѣкъ, которыя вынесли его вмѣстѣ съ пескомъ изъ горъ. Такія мѣста, гдѣ находится золото въ пескѣ, называются *золотыми розсытями*. Золотыхъ розсыпей много въ Калифорніи, Австраліи и у насъ, въ Сибири. Но не всякій золотоносный

песокъ стоитъ промывать, потому что въ немъ золота слишкомъ мало.

Изъ золота дѣлають монету и различныя драгоценныя вещи; имъ же покрываютъ, позолачиваютъ другіе металлы.

Р Т У Т Ъ.

Ртуть есть единственный металлъ, встрѣчающійся въ природѣ въ жидкомъ видѣ: капельками въ различныхъ камняхъ, особенно въ известковыхъ. Ртуть блеститъ какъ серебро и, по подвижности своихъ частичекъ, называется иногда живымъ серебромъ. Она въ тринадцать съ половиною разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно, гораздо тяжелѣе желѣза. Вотъ почему желѣзо въ ртути не тонетъ, тогда какъ очень быстро тонетъ въ водѣ. Бросьте на полъ ложку ртути, и она вся разсыплется серебристыми шариками, а не разольется, какъ вода. При сильной жарѣ ртуть кипитъ и превращается въ пары.

Для добыванія ртути изъ камней, въ которыхъ она находится или въ видѣ маленькихъ капель, или въ соединеніи съ сѣрой (такъ называемая *киноварь*, камень краснаго вѣта), камни эти складываютъ въ желѣзные кувшины, которые, закупоривъ плотно, ставятъ на жаръ. При этомъ ртуть превращается въ пары и по трубчкѣ, придѣланной къ крышкѣ кувшина, переходитъ въ другой сосудъ, гдѣ охлаждается и сгущается въ жидкость.

Ртуть очень равномерно сжимается отъ холода и расширяется отъ тепла; по этому свойству ее употребляютъ для инструментовъ, называемыхъ термометрами, которые служатъ для опредѣленія степени теплоты и холода. По причинѣ сильнаго блеска ртути, отчего въ ней всѣ предметы ясно отражаются, она идетъ также для подкладки подъ зеркальныя стекла. На ровномъ столѣ разстилають тонкій оловянный листъ, намазываютъ на него ртути, а сверху кладутъ стекло. Кромѣ этого, ртуть употребляется при позолотѣ различныхъ вещей. Для этого смѣшиваютъ ее съ золотомъ, отчего получается густая масса, которою натирають позолачиваемую вещь и потомъ сильно ее нагрѣвають: ртуть превращается въ

пары, а золото остается на поверхности нагрѣваемой вещи въ видѣ тонкаго слоя. Такая позолота называется позолотою черезъ огонь.

В О Д А.

Вода есть тѣло жидкое, т. е. такое, частицы котораго такъ неплотно связаны между собой, что на плоской поверхности стремятся разойтись—разлечься, не могутъ держаться одна на другой, если ихъ не подпереть еще и съ боковъ: поэтому-то воду, какъ и всякую другую жидкость, держать въ сосудахъ. Однако же, если вода находится въ очень маленькомъ количествѣ, въ видѣ капельки, то частицы ея могутъ еще держаться другъ за друга, такъ что иная капелька долго дрожить на вѣточкѣ растенія, пока вѣтеръ не сброситъ ее на землю; по этому свойству воду называютъ тѣломъ *капельножидкимъ*. Частицы воздуха держатся еще слабѣе другъ за друга, чѣмъ частицы воды, и безпрестанно стремятся разойтись, отчего воздухъ, какъ и всякій другой газъ, надо сохранять въ закупоренномъ сосудѣ.

Вода, какъ мы знаемъ, имѣетъ свойство распускать въ себѣ многія тѣла: соль, сахаръ, известку, остатки растений, животныхъ и пр. Но такъ какъ вода, находясь въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, постоянно соприкасается съ какими-нибудь тѣлами и растворяетъ ихъ, то въ природѣ совершенно чистой воды вовсе нѣтъ; чище прочихъ вода дождевая и снѣговая. Вода, заключающая въ себѣ известъ, называется известковою; она *жестка*, и мыло распускается въ ней очень трудно. Вода морская имѣетъ горько-соленый вкусъ отъ присутствія въ ней различныхъ солей. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ вода наполнена органическими остатками, и такая вода скоро, какъ говорятъ, загниваетъ, издаетъ запахъ и вредна для питья; но это гниетъ не вода, а находящаяся въ ней органическія частицы; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и портиться. Въ минеральныхъ источникахъ вода пріобрѣтаетъ вкусъ, запахъ, а иногда и цвѣтъ тѣхъ минераловъ, между которыми она пробиралась въ землѣ, прежде чѣмъ вышла наружу въ видѣ источ-

ника. Если воду очистить совершенно отъ всякой посторонней примѣси, то она является жидкостью очень прозрачною, не имѣетъ никакого цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

Всякій знаетъ, что вода не всегда остается въ жидкомъ видѣ: на морозѣ она превращается въ ледъ, а на раскаленной плитѣ въ паръ. Изъ этого явленія мы можемъ заключить, что вода, подѣ влияніемъ тепла и холода, измѣняетъ свой видъ. Если налить воды въ сосудъ и долго кипятить ее, она мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлалась? Превратилась въ пары и разошлась въ воздухъ. Частицы воды, которыя и такъ не очень плотно держались другъ за друга, отъ теплоты еще болѣе расходятся, такъ что вода въ этомъ состояніи становится такою же невидимою, какъ и воздухъ, растворяется въ немъ, т. е. смѣшивается съ воздухомъ. Чтобы убѣдиться, что вода не пропала безъ слѣда, а превратилась въ паръ и находится въ воздухѣ, стоитъ только подержать надъ самоваромъ, изъ котораго идетъ паръ, холодное блюдечко, и вы замѣтите, что на блюдечкѣ скоро появятся капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это тѣ же пары воды: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они охладились и сгустились, т. е. снова превратились въ капли.

Но нѣтъ надобности нагревать воду, чтобы она превратилась въ паръ. Намочите платокъ и повѣсьте его даже въ холодной комнатѣ: черезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что платокъ высохъ, т. е. вода изъ него испарилась, хотя вы пару и не видали. Но не видали вы его потому, что, уходя изъ холодной платка въ холодную же комнату, частицы воды прямо переходили въ паръ, тогда такъ, выходя изъ горячей кастрюльки и попадая прямо въ холодный воздухъ, онѣ сразу охлаждались и превращались въ маленькія капельки и пузырьки, которые нѣкоторое время остаются въ воздухѣ и бываютъ замѣтны, пока еще не растворились въ немъ, въ видѣ тумана. Этотъ туманъ ошибочно называютъ паромъ. Вотъ почему зимою мы видимъ, какъ идетъ паръ отъ вспотѣвшей лошади, а лѣтомъ мы этого пара не видимъ, хотя, конечно, лошадь лѣтомъ потѣетъ еще больше, чѣмъ зимою.

Такимъ образомъ, мы находимъ одну и ту же воду, при различной степени тепла и холода (*температуръ*), въ трехъ различныхъ видахъ: въ видѣ льда, въ видѣ жидкости и въ видѣ пара или *газа*, т. е. въ видѣ воздухообразномъ, когда воды мы уже видѣть не можемъ, хотя легко можемъ открыть ея присутствіе. Внесите холодный кусокъ стекла (или какого-нибудь металла) въ теплую комнату, и вы увидите, что стекло запотѣетъ, т. е. на немъ появится вода въ видѣ капель. Откуда же взялась эта вода? Изъ воздуха, гдѣ она была невидима, какъ самый воздухъ. Прикасаясь къ холодному стеклу, она охладилась и превратилась въ капли, какъ и тогда, когда мы держали холодное блюдечко надъ кипящей водой.

Не одна только вода имѣетъ свойство, подъ вліяніемъ теплоты, переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое и изъ жидкаго въ пары, т. е. въ состояніе воздухообразное, или, какъ его еще иначе называютъ—*газообразное*. Мы знаемъ, что воскъ отъ теплоты дѣлается жидкимъ; желѣзо точно также при сильномъ жарѣ изъ твердаго дѣлается мягкимъ, почти жидкимъ; золото не только можно сдѣлать жидкимъ, но даже превратить въ паръ и газъ. Жидкая ртуть при сильномъ морозѣ такъ замерзаетъ, что ее можно ковать, какъ серебро; но если кипятить ртуть, то она превращается въ пары, очень вредные для здоровья. Подвергая различныя тѣла вліянію жара, физики (такіе ученые люди, которые изучаютъ свойства тѣлъ) убѣдились, что всякое тѣло отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Но что значитъ: тѣло расширяется? Это значитъ, что тѣло занимаетъ больше мѣста, чѣмъ занимало прежде, не измѣняясь въ вѣсѣ. Возьмите губку въ одинъ фунтъ вѣсомъ и сожмите ее въ рукахъ: вѣсѣ въ ней останется тотъ же самый, но она будетъ занимать менѣе мѣста; перестаньте сжимать губку—и она опять распухнетъ и займетъ прежнее мѣсто, но вѣса въ ней отъ этого не прибавитъ. Стаканъ расплавленнаго свинца вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ твердаго свинца; масло, замерзая въ бутылкѣ, видимо уменьшается въ объемѣ, и т. д. Вотъ почему

кусокъ твердаго свинца потонетъ въ свинцѣ растопленномъ и кусокъ твердаго воску—въ растопленномъ воскѣ.

Исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ вода: стаканъ льду вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ воды; и если вы нальете водою бутылку до самаго верху и, закупоривъ, поставите на морозъ, то бутылка лопнетъ: вода, замерзая, превращается въ ледъ, а ледъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ занимала вода, изъ которой онъ образовался. Слѣдовательно, ледъ легче воды; а такъ какъ онъ легче воды, то плаваетъ на ней, а не тонетъ. Если вы станете замораживать масло и воду въ двухъ бутылкахъ, то увидите, что масло начнетъ застывать снизу, а вода, наоборотъ, станетъ застывать сверху. Этому удивительному свойству воды мы обязаны тѣмъ, что наши рѣки и озера зимою покрываются льдомъ только сверху, а внизу не замерзаютъ, что даетъ возможность рыбамъ жить въ водѣ и зимою; ледяная кора еще защищаетъ воду отъ дальнѣйшаго охлажденія. Если бы вода, какъ всѣ прочія тѣла, замерзая, сжималась, а не расширялась, то наши рѣки и озера зимою начинали бы замерзать снизу, какъ масло въ бутылкѣ; вся вода превратилась бы въ сплошную массу льда, и всѣ водныя животныя погибли бы зимою.

Мы не ошибемся, назвавъ воду жидкимъ минераломъ; но ее, равно какъ и воздухъ, называютъ также *стихіею*.

В О З Д У Х Ъ.

Положимъ на столъ маленькое перышко и махнемъ на него развернутой книгой. Мы не дотронулись до пера: отчего же оно слетѣло на полъ? Испугаться оно, конечно, не могло, потому что перо предметъ неодушевленный. Между перышкомъ и книгою, которою мы махнули, должно быть есть какое-нибудь третье тѣло, хотя мы его и не видимъ. Это третье, невидимое нами, тѣло, которое мы привели въ движеніе книгою и которое, въ свою очередь, двинуло перышко, называется *воздухомъ*.

Если мы опустимъ на воду, налитую въ тарелку, бумажный корабликъ и, не дотрогиваясь до кораблика, станемъ чѣмъ-нибудь

волновать воду, то корабликъ закачается, запрыгаетъ. Въ этомъ явленіи мы видимъ предметъ, заставляющій прыгать корабликъ; но хотя мы и не видали, что такое мы взволновали книгою, однако, зная навѣрное, что перышко не могло подвигнуться само собою, мы убѣждены, что взволновали какое-то невидимое тѣло. Когда воздухъ движется очень сильно, то развѣваетъ наше платье, срываетъ съ насъ фуражку, мѣшаетъ намъ идти, упираясь въ наше тѣло. Мы видимъ, какъ вѣтеръ несетъ пыль, листья и множество легкихъ предметовъ; но самаго вѣтра мы не видимъ, хотя очень хорошо ощущаемъ его осязаніемъ. Когда же осенью вѣтеръ воетъ и свищетъ въ трубѣ, то мы знаемъ, что это воетъ и свищетъ движущійся воздухъ. Махнувъ сильно палкою, мы слышимъ легкій свистъ: это свиститъ, конечно, не палка, а воздухъ, разсѣкаемый палкою. Поведи палкою по водѣ, мы тоже услышимъ звуки воды. Такимъ образомъ, не видя воздуха, мы тѣмъ не менѣе узнаемъ о его существованіи посредствомъ двухъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ: осязанія и слуха. Но отчего же мы не видимъ воздуха? Если въ окнѣ вставлено очень чистое и прозрачное стекло, то намъ кажется тогда, что стекла вовсе нѣтъ, и мы должны дотронуться до него, чтобы убѣдиться въ его существованіи. Мы не видимъ стекла, потому что оно очень прозрачно: воздухъ еще прозрачнѣе стекла. Однако же, если слой воздуха очень уже толстъ и заключаетъ въ себѣ пары воды, какъ напр. въ окружающей землю *атмосферѣ*, то онъ получаетъ синій, красный и другіе цвѣта, что зависитъ отъ различнаго освѣщенія солнца въ различное время дня. Голубое небо, разстилающееся надъ нашею головою, есть не что иное, какъ слой воздуха верстъ въ семьдесятъ толщиною, съвозъ который мы видимъ небесныя свѣтила.

Не видя воздуха, мы не можемъ видѣть его свойствъ, а должны узнавать ихъ посредствомъ опытовъ, наблюдая, какъ онъ дѣйствуетъ на другія тѣла, напримѣръ, на воду. Возьмемъ пустой стаканъ и глубокую чашку, наполненную водою, повернемъ стаканъ отверстіемъ къ поверхности воды и станемъ по-

немногу опускать его въ воду. Мы увидимъ, что вода наполнитъ только небольшую часть стакана, а дальше не пойдетъ, хотя мы опустили бы весь стаканъ въ воду. Что же мѣшаетъ водѣ войти въ стаканъ? Въ стаканъ не могло ничего быть другого, кромѣ воздуха; слѣдовательно, воздухъ есть *тѣло*, которое занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ стаканѣ и не уступаетъ этого мѣста водѣ. Опуская стаканъ въ воду, мы чувствуемъ, какъ онъ упирается. Это упирается не стаканъ, а воздухъ, который въ стаканѣ; наклонимъ стаканъ — и увидимъ, какъ онъ самъ опустится и потонетъ. Это потому, что воздухъ вышелъ изъ стакана, и мы даже видимъ и слышимъ, какъ онъ выходитъ изъ воды большими пузырями, которые, достигнувъ поверхности, лопаются съ шумомъ.

Опустимъ стаканъ въ чашку съ водою горизонтально, такъ чтобы онъ весь наполнился водою, и потомъ, повернувъ стаканъ въ водѣ вертикально, дномъ вверхъ, подыдемъ его изъ воды, такъ, однако, чтобы края его все еще оставались въ водѣ; мы вытащимъ не только стаканъ, но и воду, вмѣстѣ со стаканомъ. Отчего же вода остается въ стаканѣ и не падаетъ внизъ? Оттого, что воздухъ тяжестью своею давитъ на поверхность воды въ чашкѣ, и вода уходитъ въ стаканъ, гдѣ воздуха нѣтъ, потому что онъ былъ вытѣсненъ оттуда водою. Высосите изъ какой-нибудь трубочки воздухъ и потомъ, не позволяя воздуху въ нее проникнуть, опустите ее однимъ концомъ въ воду: какъ только вы откроете конецъ трубочки, находящейся въ водѣ, такъ вода быстро подыметъ въ трубочку. Что же ее погонитъ туда? Воздухъ, давящій на воду, которая окружаетъ трубочку.

Воздухъ, слѣдовательно, есть тѣло прозрачное, производящее давленіе на всѣ предметы, какъ и вода, налитая въ стаканъ, давитъ на дно и стѣнки его; но мы можемъ убѣдиться, что воздухъ гораздо легче воды. Заткнемъ пустую бутылку пробкой и бросимъ на воду: мы увидимъ, что она не тонетъ; наполнимъ ее водою, и она немедленно пойдетъ ко дну; значитъ бутылка съ водою тяжелѣе бутылки съ однимъ воздухомъ.

Кто не знает маленькихъ пистолетовъ, которыми такъ любятъ играть дѣти? Но думали-ли вы, почему пробка выскакиваетъ изъ такого пистолета прежде, чѣмъ до нея мы дотронемся палочкой? Потому, что между этой палочкой, плотно прилегающей къ стѣнкамъ пистолетной трубки, и пробкой есть третья тѣло—воздухъ, который, когда мы его сжимаемъ, выдавливаетъ пробку. Двигая палочку, т. е. *поршень*, впередъ, прежде чѣмъ пробка выскочитъ, мы ощущаемъ, что поршень во что-то упирается: точно какая-нибудь пружина лежитъ между поршнемъ и пробкой. Это свойство тѣла сжиматься, когда его давятъ, и опять расширяться, когда его перестаютъ давить, называется *упругостію*. Воздухъ очень упругъ.

Если изъ обыкновеннаго пузыря выдавить воздухъ и потомъ крѣпко завязать его, то пузырь останется плоскимъ, и, не впуская въ него воздуха, намъ никакъ не удастся снова дать пузырю шарообразную форму. Что же такое сжимаетъ пузырь? Внѣшній воздухъ, который тѣснитъ его со всѣхъ сторонъ; а внутри пузыря воздуха нѣтъ, и давить нечему. Впустимъ въ пузырь *немножко* холоднаго воздуха, завяжемъ отверстіе пузыря крѣпко-накрѣпко и положимъ его у затопленной печи: пузырь мало-по-малу раздуется и, если мы не примемъ его во время, лопнетъ. Воздухъ не могъ проникнуть въ пузырь, слѣдовательно, тотъ воздухъ, который мы впустили, нагрѣлся и отъ теплоты расширился: значить, воздухъ, какъ и всякое другое тѣло, отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Зимой воздухъ холоденъ и густъ, лѣтомъ тепелъ и рѣдокъ. Теплый воздухъ легче холоднаго и долженъ подыматься вверхъ: если легкій и большой шаръ наполнить очень теплымъ воздухомъ, то шаръ можетъ полетѣть въ холодномъ воздухѣ.

Но и безъ нагрѣванія воздухъ можетъ замѣтно расшириться во всѣ стороны: если пузырь съ небольшимъ количествомъ воздуха, крѣпко завязанный, положить подъ стеклянный колоколь и выкачивать оттуда воздухъ, то онъ быстро надуется и даже можетъ лопнуть. Вода стремится *разлѣчься по землѣ* — воздухъ

стремится *разлетѣться во всѣ стороны*; вотъ почему воздухъ и другія тѣла, имѣющія то же свойство, называютъ не жидкостями, а *газами*. Частички воды только слабо притягиваются другъ къ другу, но все же стремятся соединиться между собою; частички же газа стремятся одна отъ другой разлетѣться во всѣ стороны. Понятно само собою, что воздухъ и всѣ газы должны быть гораздо легче воды, когда она въ жидкомъ видѣ.

Если бы изъ комнаты, въ которой мы теперь находимся, исчезъ весь воздухъ, то мы страшно почувствовали бы его отсутствіе. Воздухъ необходимъ для дыханія всѣмъ животнымъ, даже и рыбамъ, хотя онѣ и живутъ въ водѣ. Если пустить рыбу въ чашъ съ водою и закрыть его плотно, такъ чтобы воздухъ къ водѣ не прикасался, то рыба не долго будетъ жить, хотя у нея и будетъ довольно воды. Вы, вѣроятно, замѣтили, что когда вода кипитъ, то на поверхности ея безирестанно поднимаются и лопаются пузырьки: это выходитъ паръ вмѣстѣ съ воздухомъ, раствореннымъ въ водѣ. Если въ воду, хотя и холодную, но которая долго кипѣла, опустить рыбу, то она издохнетъ, потому что въ такой выкипяченной водѣ не будетъ воздуха. Кротъ, роясь въ своей норѣ, и червякъ, закапываясь глубоко въ землю, продолжаютъ дышать. Гдѣ ни бывали люди, и на высокихъ горахъ, и въ глубокихъ пещерахъ, вездѣ они находили воздухъ. Изъ этого мы заключаемъ, что воздухъ окружаетъ землю на подобіе моря, и на днѣ этого воздушнаго моря мы расхаживаемъ, какъ ползаютъ морскія животныя по дну моря. Воздухъ проникаетъ и въ воду, растворяясь въ ней, и отчасти въ землю. Возблагодаримъ же Создателя, Который съ такою щедростію окружилъ землю этою драгоценною стихіею, безъ которой мы не могли бы жить, такъ же какъ безъ хлѣба и воды.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОДЫ.

Любопытно бы знать, откуда появляется вода въ колодцахъ, ручьяхъ, озерахъ и рѣкахъ, изъ которыхъ она вѣчно течетъ и никакъ не можетъ вытечь, и, наконецъ, въ огромныхъ моряхъ и океа-

нахъ. Вода падаетъ изъ облаковъ на землю въ видѣ дождя, просачивается внутрь земли, откуда вновь появляется въ видѣ ключей, наполняющихъ колодцы и ручьи; ручьи текутъ въ маленькія рѣчки, маленькія рѣчки въ большія рѣчки, а большія рѣчки въ моря и озера. Но откуда же берется вода въ облакахъ? Она подымается туда невидимо водянымъ паромъ отъ сырой земли, отъ влажныхъ луговъ, отъ лужъ, озеръ, рѣкъ и отъ самаго моря; спускается наверху въ видѣ облаковъ и снова падаетъ оттуда каплями. Такъ странствуетъ безпрестанно вода между небомъ и землей, и этотъ постоянный оборотъ воды очень важенъ для людей, растеній и животныхъ; безъ воды ни растенія, ни животныя, а также и мы, люди, не могли бы существовать.

Д О Ж Д Ъ.

Мы знаемъ уже, что вода измѣняетъ свой видъ подъ вліяніемъ теплоты: ледъ превращается въ жидкость, а жидкость въ паръ; знаемъ также, что не нужно слишкомъ большого тепла, чтобы вода испарялась: платокъ, намоченный водою, высыхаетъ и на морозѣ; кусокъ льда даже и на морозѣ уменьшается въ вѣсѣ—испаряется, хотя не такъ быстро, какъ на горячей плитѣ. Намъ извѣстно также, почему иногда мы не видимъ испаряющейся воды, и почему зимою видно, какъ паръ валить клубами отъ разгоряченной лошади, а лѣтомъ этого не видать, хотя лошадь погѣетъ лѣтомъ еще болѣе, чѣмъ зимою. Припомнивъ всѣ эти явленія, мы легко объяснимъ себѣ, какъ вода подымается съ земли въ атмосферу въ видѣ пара и испадаетъ оттуда на землю въ видѣ множества капель или дождя.

На рѣкахъ, озерахъ, моряхъ, болотахъ и на влажныхъ лугахъ мы часто видимъ въ холодные вечера испаренія въ видѣ тумана; это происходитъ оттого, что вода, нагрѣтая солнцемъ, охлаждается быстрѣе твердой земли и охлаждаетъ поэтому прикасающійся къ ней слой воздуха, въ которомъ пары спускаются и принимаютъ видъ мельчайшихъ пузырьковъ и капелекъ, которые держатся въ воздухѣ и образуютъ то, что мы называемъ *туманомъ*. Такіе туманы бывають иногда такъ густы, что въ вѣ-

сколькихъ шагахъ нельзя разсмотрѣть человѣка. Но вода испаряется всегда, хотя мы не всегда видимъ эти испаренія, и опытами доказано, что въ воздухѣ всегда, какъ бы онъ сухъ намъ ни казался, находятся пары воды. (Припомните опытъ съ холоднымъ стаканомъ, внесеннымъ въ теплую комнату).

Если пары, сгущающіеся высоко въ воздухѣ, становятся для насъ видимыми, то мы называемъ ихъ *облаками* и тучами. Они отличаются отъ тумана только тѣмъ, что носятся въ высшихъ слояхъ атмосферы. Невидимые внизу, пары, подымаясь вверхъ и сгущаясь тамъ, становятся для насъ видимыми, потому что чѣмъ дальше отъ земли слой воздуха, тѣмъ они холоднѣе. Лучи солнца, проходя черезъ воздухъ и не нагревая его *), нагреваютъ землю. Прикасающійся къ землѣ воздухъ нагревается уже отъ земли и подымается вверхъ; его мѣсто замѣщается снова холоднымъ воздухомъ и т. д. Слѣдовательно, чѣмъ больше нагревается земля, тѣмъ больше нагревается и воздухъ, что и бываетъ лѣтомъ. Но такъ какъ нагрѣтый воздухъ, подымаясь вверхъ, расширяется тамъ, т. е. занимаетъ уже больше мѣста, то и теплота въ немъ должна разойтись на большее пространство, а слѣдовательно, наверху воздухъ долженъ быть и рѣже, и холоднѣе. Если положить нѣсколько листовъ бумаги одну на другую, то нижніе листы будутъ сдавлены гораздо болѣе, чѣмъ верхніе; точно такъ же нижніе слои атмосфернаго воздуха болѣе стиснуты и, слѣдовательно, гуще, чѣмъ верхніе. Извѣстно, что даже въ жаркомъ климатѣ есть такія высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Вотъ почему невидимыя испаренія земли, подымаясь въ верхніе слои воздуха и охлаждаясь тамъ, становятся видимыми, дѣлаются облаками.

Люди, всходившіе на высокія горы, вершины которыхъ выше облаковъ, убѣдились, что облака не болѣе какъ туманъ. Тотъ же

*) Всякое прозрачное тѣло, пропуская сквозь себя лучи свѣта, нагревается ими гораздо менѣе непрозрачнаго. Солнечные лучи проходятъ сквозь стекло въ комнату и, отражаясь отъ ея стѣнъ, сильно нагреваютъ ее, а между тѣмъ само стекло очень мало нагревается.

самый холодъ, который превращаетъ невидимыя пары въ видимыя облака, превращаетъ и облака изъ тумана въ капли дождя. Если на облако, плавающее въ воздухѣ, повѣтъ холоднымъ вѣтромъ, то водяныя пузырьки, составляющіе облако, соединятся между собою и превратятся въ капли и, сбѣлавшись тяжелѣе воздуха, станутъ падать на землю дождемъ.

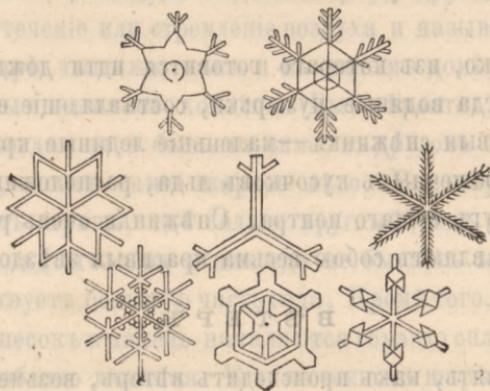
Облака могутъ находиться на различной высотѣ. Самыя высокія, верстахъ въ семи или восьми отъ земли, представляются намъ легкими, серебристыми, будто составленными изъ бѣлыхъ перышекъ, а потому и называются *перистыми* облаками. На такой высотѣ очень холодно, въ чемъ убѣдились люди, всходившіе на высокія горы или подымавшіеся въ воздушныхъ шарахъ, и потому перистыя облака, вѣроятно, состоятъ изъ замерзшихъ пузырьковъ или ледяныхъ кристалликовъ. Такія высокія легкія облака могутъ ходить, долго не превращаясь въ дождь, и вообще замѣчено, что перистыя облака предвѣщаютъ хорошую погоду. Когда же паровъ въ воздухѣ набирается больше, тогда облака становятся тяжелѣе и опускаются ниже, собираются въ большія кучи, похожія на скалы, крѣпости, башни, и бѣгутъ быстро по направленію вѣтра; понятно, что такія *кучевыя* облака предсказываютъ дождь.

Не во всѣхъ странахъ земного шара выпадаетъ одинаковое количество дождя, да и дождь не равенъ дождю. Въ Петербургѣ почти цѣлую треть года бываютъ дождливыя дни: но это еще не значитъ, чтобы Петербургъ былъ самое дождливое мѣсто на земномъ шарѣ. Въ странахъ жаркихъ, но близкихъ къ морю, дождь хотя идетъ рѣдко, да мѣтко, въ нѣсколько минутъ наливаетъ онъ столько воды, сколько не налить нашему мелкому дождику за цѣлую недѣлю. Но есть такія жаркія, сухія, стѣнныя мѣста, вдалекѣ отъ моря и большихъ рѣкъ, гдѣ почти никогда не падаетъ дождь. Растенія въ такихъ мѣстахъ засыхаютъ, почва трескается отъ жары, птицы, звѣри и насѣкомыя или уходятъ, или погибаютъ. Такія мѣста находятся въ срединѣ Африки и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Есть и такія страны на землѣ, гдѣ проливной дождь идетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ его ни капли. Такіе дожди

называются *периодическими* и зависятъ отъ такихъ же періодическихъ вѣтровъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ сряду дуютъ въ одномъ направленіи, принося пары воды, и потомъ столько же времени въ другомъ, унося ихъ прочь.

РОСА, ИНЕЙ, СНѢГЪ И ГРАДЪ.

Ночью, когда солнце зайдетъ, поверхность земли, нагрѣтая за день, начинаетъ холодѣть, потому что теплота ея уходитъ въ воздухъ. Когда же земля станетъ холоднѣе воздуха, то на поверхности ея начинаютъ собираться въ капли тотъ невидимый водяной паръ, который до того времени находился въ воздухѣ, точно такъ же, какъ на стѣнахъ холоднаго стакана собираются капли воды, когда мы вно-

сечь его въ теплую комнату. Капли эти, называемыя росой, появляются на травѣ и на деревьяхъ, обыкновенно, къ утру, когда земля наиболѣе охладѣетъ. Онѣ блестятъ на солнышкѣ и остаются довольно долго, пока, наконецъ, не высохнутъ, т. е. опять не превратятся въ невидимый водяной паръ. Во время засухи, когда земля ждетъ и не дождется дождя, роса, хотя немного, освѣжаетъ растительность, жаждущую влаги.

Осенью, когда земля въ продолженіе ночи становится до того холодна, что небольшія частицы воды, дотропувшись до нея, могутъ превратиться въ ледъ, роса, образовавшаяся на землѣ, на охладѣв-

шей крышѣ дома, на заборѣ или на листьяхъ дерева—превращается въ *иней*; и мы, проснувшись по утру, послѣ холодной долгой сентябрьской или октябрьской ночи, замѣчаемъ, что земля, трава, листья, заборы и крыши побѣлѣли. Но поднявшееся солнышко скоро снова превращаетъ иней въ росу, а росу въ невидимый парь.

Если капли дождя падаютъ на землю сквозь воздухъ, который холоднее облаковъ, то эти капли на пути уже замерзаютъ и превращаются въ кусочки твердаго льда, или градъ; и такъ, мы можемъ сказать, что градъ есть замерзшій дождь. Градъ бываетъ иногда очень крупецъ и идетъ даже посреди самаго жаркаго лѣта, если вѣтеръ вдругъ охладитъ воздухъ, не успѣвъ охладитъ облаковъ. Въ южной Америкѣ выпадаетъ иногда градъ величиною съ порядочное яйцо, но тогда онъ убиваетъ не только птицъ, но даже и большихъ звѣрей.

Если облако, изъ котораго готовится идти дождь, само очень охладѣетъ, тогда водяные пузырьки, составляющіе его, превращаются въ красивыя снѣжинки—маленькіе ледяные кристаллики, состоящіе изъ крошечныхъ кусочковъ льда, расположившихся симметрически вокругъ общаго центра. Снѣжинки очень разнообразны и иногда представляютъ собою весьма красивыя звѣздочки.

ВѢТЕРЪ.

Чтобы понять, какъ происходитъ вѣтеръ, возьмемъ зажженную свѣчу, приотворимъ немного дверь въ холодную переднюю и, поднося свѣчу къ образовавшейся щели вверху и внизу, посмотримъ, что произойдетъ съ пламенемъ свѣчи. Когда мы поднесемъ свѣчу къ низу щели, то пламя свѣчи сильно нагнетется по направленію отъ передней къ комнатѣ; когда же поднесемъ свѣчу къ верху щели—то пламя сильно пошатнется въ противоположную сторону, по направленію изъ комнаты въ переднюю. Это показываетъ, что внизу щели вѣтеръ дуетъ въ комнату, вверху же обратно, изъ комнаты въ переднюю.

Теперь постараемся объяснить себѣ, отчего это дѣлается. Мы читали уже, что воздухъ, какъ и всякое тѣло, отъ холода сжи-

мается, становится гуще и, слѣдовательно, тяжелѣе и, наоборотъ, отъ тепла расширяется, становится рѣже и легче. Мы знаемъ также, что всякое тѣло, которое тяжелѣе воды, тонетъ въ ней, а то, которое легче воды, подымается вверхъ; то же самое дѣлается въ воздухѣ, во всякой жидкости и во всякомъ газѣ. Чѣмъ воздухъ гуще, тѣмъ онъ тяжелѣе и тѣмъ сильнѣе жметъ къ землѣ; чѣмъ воздухъ теплѣе, тѣмъ онъ болѣе стремится подняться вверхъ. Тяжелый же и легкій воздухъ, соединившись, всегда стремятся уравниваться: тяжелый занять мѣсто внизу, а легкій вверху. Это мы видѣли сейчасъ на опытѣ: холодный воздухъ входилъ изъ передней въ комнату внизу, а теплый шелъ изъ компаты въ переднюю вверху. Такимъ образомъ, между теплымъ воздухомъ комнаты и холоднымъ передней установились два *теченія* воздуха: одно вверху, другое—обратное—внизу. Это-то теченіе или стремленіе воздуха и называется вѣтромъ. На земномъ шарѣ такъ же, какъ и въ нашемъ домѣ, не всѣ мѣста одинаково теплы и одинаково холодны. Вы, вѣроятно, слышали, что въ то время, когда у насъ бываетъ зима, въ другомъ мѣстѣ, гораздо южнѣе нашего, стоитъ самое жаркое лѣто. Вы, вѣроятно, знаете также, что есть страны, гдѣ солнце круглый годъ подымается въ полдень почти надъ головою и никогда не бываетъ зимы, и другія, гдѣ зима царствуетъ большую часть года. Кромѣ того, вы, вѣроятно, замѣчали, что песокъ и камень накаляются гораздо сильнѣе и быстрѣе чѣмъ земля, особенно влажная. Есть на земномъ шарѣ страны, почва которыхъ вся состоитъ изъ песка или камня, тогда какъ другія имѣютъ влажную почву, покрыты лѣсами и болотами; понятно, что въ одно и то же время воздухъ въ первыхъ будетъ теплѣе, чѣмъ во вторыхъ. Катаясь по рѣкѣ, вы, можете быть, замѣтили, что надъ водою воздухъ прохладнѣе, чѣмъ надъ землею. Надъ моремъ воздухъ лѣтомъ всегда прохладнѣе, а зимою всегда теплѣе, потому-что вода въ большихъ моряхъ зимою не замерзаетъ и сообщаетъ теплоту воздуху. Слѣдовательно, на земномъ шарѣ, въ одно и то же время, въ различныхъ мѣстностяхъ воздухъ имѣетъ различную *температуру*. (Температурою называется степень тепла или холода какаго-нибудь тѣла). Вотъ почему воздухъ никогда почти не бываетъ въ

спокойномъ состояніи: почти всегда движется съ большею или меньшею силою, а эти движенія воздуха и называются вѣтрами. Въ Петербургѣ морской, западный вѣтеръ влаженъ и тепелъ, приноситъ облака и дождь; южный—сухъ и приноситъ лѣтомъ жарь; восточный — по большей части холодешъ и сухъ; сѣверный дуетъ отъ Ледовитаго моря, наполненнаго плавающими льдинами, и всегда холодешъ. Въ Петербургѣ вѣтры очень переменчивы, потому что Петербургъ окруженъ самыми разнообразными мѣстностями: на сѣверѣ у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдомъ; на западѣ море, хотя замерзающее зимою, но только у береговъ; на югѣ и востокѣ обширныя равнины, по которымъ свободно гуляютъ вѣтрамъ.

Если присмотрѣться къ движенію облаковъ, то легко замѣтить, что облака движутся иногда въ противоположныя стороны. Это случается тогда, когда облака находятся въ различныхъ высотахъ и попадаютъ, поэтому, въ различныя теченія воздуха: одни плывутъ въ низшемъ теченіи, другія—въ верхнемъ. Если пустить перышко вверху дверной щели, то оно полетѣю бы въ переднюю; пустите его внизу — и оно полетитъ въ комнату.

Облака бываютъ различнаго цвѣта отъ различнаго освѣщенія ихъ солнцемъ или луною, отъ различія въ разстояніи, на которомъ находятся отъ насъ облака, и, наконецъ, отъ различной степени густоты.

МАГНИТЪ.

Вотъ маленькая стальная полоска, которая по виду не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго и кажется самую простою стальною полоскою; но въ ней скрывается особенная, чудная сила, которая немедленно обнаружится, если мы поднесемъ эту палочку къ иглѣ или къ какой-нибудь другой небольшой желѣзной или стальной вещи. Еще мы не успѣли дотронуться до иглки, а она уже подпрыгнула и пристала къ палочкѣ. Но возьмемъ иглку, продѣвемъ ее въ небольшую пробку и пустимъ плавать по водѣ, налитой въ тарелку, такъ, чтобы иглка находилась въ горизонтальномъ положеніи на

верху воды. Издали уже будетъ чувствовать такая плавающая иголка приближеніе нашей волшебной палочки.

Но это еще не все. Потремъ иголку нашею стальною палочкою, начиная отъ середины и проводя къ концамъ, и притомъ такъ, чтобы одна половинна иглки была натерта однимъ концомъ палочки, а другая другимъ, и замѣтимъ на самой палочкѣ, какимъ концомъ ея мы терли остріе, и какимъ ушко. Положимъ, что тотъ конецъ, которымъ натерто остріе, мы означимъ буквою *C*, а тотъ, которымъ натерто ушко, означимъ буквою *Ю*; тогда мы увидимъ очень замѣчательное явленіе. Подвесемъ конецъ *Ю* къ острію иглки, и иголка побѣжитъ прочь или обернется къ намъ ушкомъ; поднесемъ конецъ, означенный буквою *C*, и иголка остріемъ поплыветъ къ нашей полскѣ; поднесемъ конецъ *C* къ ушку иглки—иголка отойдетъ; поднесемъ конецъ *Ю*,—и иголка приблизится.

Но этимъ еще не исчерпываются чудеса нашей палочки и иглки, натертой палочкою. Возьмите прочь вашу палочку: иголка получила уже отъ нея силу, которой прежде не имѣла. Привяжите ее посредничѣ къ тонкой ниточкѣ такъ, чтобы она приняла горизонтальное положеніе, и посмотрите, какъ одинъ ея конецъ всегда стремится въ одну и ту же сторону, другой всегда въ противоположную: поверните ее какъ угодно, и она непременно сама станетъ въ прежнее положеніе. Замѣьте же, куда смотритъ остріе иглки, и вы увидите, что оно постоянно смотритъ или на сѣверъ, или на югъ, т. е. туда, гдѣ солнце бываетъ въ полдень. Кромѣ того, вы замѣтите, что ежели остріе иглки смотритъ на югъ, а ушко на сѣверъ, то вы ничѣмъ не заставите смотрѣть остріе на сѣверъ, а ушко на югъ.

Что такое притягиваетъ иголку къ палочкѣ, что отталкиваетъ ее, что заставляетъ ее становиться однимъ концомъ на сѣверъ, а другимъ на югъ—этого никто не знаетъ. Однако же, хотя мы не знаемъ *причины* этого явленія, но можемъ пользоваться имъ весьма хорошо. Положимъ, мы замѣтили, что остріе иглки смотритъ всегда на сѣверъ, а ушко на югъ; взявъ такую иголку съ собою, пошли въ большой темный лѣсъ, находящійся отъ нашего дома къ сѣверу

положимъ, наконецъ, что, пробродивъ въ этомъ лѣсу долго взадъ и впередъ, мы потеряли дорогу и рѣшительно не знаемъ, куда идти и какъ намъ выбраться изъ лѣсу. Мы знаемъ, что домъ нашъ лежитъ на югѣ, но не знаемъ, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ; можно бы узнать это по солнцу, да день, какъ говорится, выдался сѣрый, солнце не показывается, и мы можемъ легко пробродить по лѣсу очень долго. Но вспомнимъ, что у насъ есть спасительная иголка, которая и безъ солнца знаетъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ; положимъ же ее на маленькую щепочку и пустимъ на первую попавшуюся лужу: остріе иголки тотчасъ обернется па сѣверъ, а ушко на югъ.

Но что же это за чудная палочка? Это не болѣе, какъ простая стальная палочка: она и сама получила отъ другого предмета ту силу, которую передала иголѣ. Вы уже знаете, чтъ такое магнитный камень: это желѣзная руда, обладающая магнитными свойствами. У насъ, въ Россіи, магнитнаго камня находятъ много, особенно въ Уральскихъ горахъ. Магнитный камень не только самъ обладаетъ свойствомъ притягивать желѣзныя вещи, но можетъ сообщить его стальнымъ и желѣзнымъ полоскамъ, съ тою только разницею, что въ желѣзѣ магнитныя свойства удерживаются до тѣхъ поръ, пока оно находится съ соприкосновеніемъ съ магнитомъ, а въ твердой стали, натертой такимъ образомъ, какъ мы натирали иголку, сохраняется навсегда.

Давно уже было извѣстно свойство магнита, но еще никто не зналъ въ Европѣ, какую пользу можно изъ него извлечь; только въ XIV вѣкѣ одинъ итальянецъ, по имени Джіойо, вздумалъ примѣнить свойства намагниченной иглы къ морскимъ путешествіямъ. До тѣхъ поръ, плавая по морямъ, моряки узнавали дорогу по солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а въ туманную или облачную погоду рѣшительно не знали куда ѣхать, и потому боялись пускаться въ далекія морскія путешествія. Намагниченную иголку для этой цѣли не пускають на воду, какъ мы дѣлали это съ вами, но, сдѣлавъ особую стальную стрѣлку, съ колпачкомъ посрединѣ, надѣвають ее этимъ колпачкомъ на острый шпенецъ, вдѣланный по срединѣ круглаго ящика, такъ чтобы стрѣлка могла свободно обращаться вокругъ. На томъ концѣ

стрѣлки, который обращается къ сѣверу, пишутъ букву N (Nord — по русски сѣверъ), а на южномъ S (Süd — югъ). По бокамъ отмѣчаютъ востокъ и западъ. Между востокомъ и сѣверомъ, востокомъ и югомъ, югомъ и западомъ и т. д. дѣлаютъ еще нѣсколько дѣлений, указывающихъ направленіе на сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ, юго-востокъ и т. д. И съ такимъ простымъ инструментомъ емѣло пускаются люди въ море, зная, что въ туманную погоду и ночью всегда можно будетъ отыскать ту дорогу, по которой должно ѣхать. Такой инструментъ называется *компасомъ*. Благодаря компасу, португальцы объѣхали Африку и прошли въ Индію; Колумбъ, плывя постоянно на западъ, открылъ Америку, а Магелланъ — первый объѣхалъ вокругъ всю землю.

Такъ полезно намъ знаніе законовъ природы и такія громадныя выгоды можетъ дать намъ маленькая стрѣлка, если мы умѣемъ быть наблюдательными и прилагать наши наблюденія къ дѣлу.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

ПОВЪЗДКА ИЗЪ СТОЛИЦЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Столица и ея окрестности.

Володя и Лиза во всю свою жизнь ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Можно себѣ представить, какъ они обрадовались, когда отецъ сказалъ имъ, что они на цѣлое лѣто поѣдутъ въ деревню, за 600 верстъ.

Въ день, назначенный для отъѣзда, къ крыльцу подъѣхалъ укладистый тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей. Укладка продолжалась часа полтора, такъ что только къ вечеру маленькая семья усѣлась въ экипажъ, и колеса его запрыгали по каменной мостовой.

Улицы черезъ двѣ, тарантасъ выѣхалъ на *набережную* Невы и поѣхалъ по длинному каменному мосту, съ чугунными перилами, сдѣланными точно изъ кружевъ. На широкой величественной рѣкѣ мелькали сотни лодокъ, летѣли одинъ за другимъ дымящіяся пароходы, а вдали, какъ лѣсъ, стояли безчисленные мачты стройныхъ кораблей. Великолѣпная грацизная набережная, уставленная дворцами, величественныя церкви, обширныя, красивыя площади, широкія, богатыя, шумныя улицы, чудесные памятники—все это дѣти видали уже часто, и все это имъ было не въ диковину.

За мостомъ тарантасъ поѣхалъ по одной изъ лучшихъ улицъ *столицы*. Сплошные ряды громадныхъ каменныхъ домовъ подымались высокими стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Тысячи раззолоченныхъ вывѣсокъ пестрѣли на домахъ. За огромными окнами великолѣпныхъ магазиновъ и богатыхъ лавокъ были выставлены и разложены самыя разнообразныя товары. Здѣсь было все, что угодно: золотыя и серебряныя вещи, чудныя издѣлія изъ дорогихъ каменьевъ, роскошныя матеріи для платьевъ, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги,

часы, игрушки, конфеты и пирожки, рѣдкіе, дорогіе фрукты, заманчиво разложенная зелень... Но у крыльца одного ихъ такихъ магазиновъ дѣти замѣтили бѣдняка въ лохмотьяхъ, который робко поглядывалъ вокругъ, не подасть ли ему кто-нибудь гроша, а этотъ грошъ цужень былъ ему для куска хлѣба, одежды и найма квартиры гдѣ-нибудь въ подвалѣ этихъ роскошныхъ домовъ.

Блестящіе экипажи съ грохотомъ неслись по мостовой; разряженные толпы народа двигались по тротуарамъ; безпрестанно попадались на встрѣчу конные и пѣшіе отряды солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ. Но Володѣ и Лизѣ хотѣлось поскорѣе за городъ: въ лѣса, въ поля, въ деревню.

Часа черезъ полтора тарантасъ выѣхалъ за заставу и поѣхалъ по шоссе, гладкому, прямому, какъ стрѣла, съ каменными мостиками, съ каменными верстовыми столбами. По обѣимъ сторонамъ его стояли красивенькія дачи, съ маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здѣсь было меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомѣ, но все еще очень и очень много.

На встрѣчу нашимъ путешественникамъ безпрестанно попадались то громадныя почтовые кареты, съ разодѣтыми кондукторами впереди, которые то и дѣло трубили въ мѣдные рожки; то блестящіе городскіе экипажи; то длинныя, тяжело нагруженные товарами, обозы, даже городскіе легковые извозчики съ номерами на затылкахъ. Всѣ эти предметы были очень хорошо знакомы дѣтямъ и мало напоминали собою деревню. Они даже плохо слышали колокольчикъ, который болтался подъ дугою; а нарядный ящикъ, сидѣвшій у нихъ на козлахъ, походилъ болѣе на кучера, чѣмъ иной бѣдный петербургскій извозчикъ. Близость огромнаго многолюднаго города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечерѣть. Дѣти проснулись сегодня чуть-ли не въ три часа утра, провозились за укладкою цѣлый день, а потому глаза ихъ слипались, головки клонились на подушки, которыхъ было довольно въ тарантасѣ. Скоро наши маленькіе путешественники заснули и спали долго и крѣпко, какъ спать только усталыя дѣти, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, при небольшой, убаюкиваю-

щей качкѣ экипажа, подѣ усыпительные звуки почтоваго колокольчика. Короткая петербургская ночь была свѣтла, и тарантасъ быстро удалялся отъ Петербурга.

Солнце было уже высоко, и тарантасъ успѣлъ уѣхать болѣе ста верстѣ, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшіяся дѣти на-силу могли вспомнить, что съ ними дѣлается, гдѣ они и что это за колокольчикъ звенить передъ ними. Но едва только мелькнула у нихъ мысль, что они въ дорогѣ, на пути въ деревню, ѣдутъ на почтовой тройкѣ и притомъ еще съ колокольчикомъ, какъ спа-будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они, и съ любопытствомъ стали осматриваться кругомъ.

Твердое каменистое шоссе уже исчезло. Экипажъ тихо катился по мягкой, *простой почтовой дорогѣ*, и почтовый колокольчикъ звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжныхъ лошадей: онъ остано-вилъ тройку и слѣзъ съ козелъ. Прежде всего поразила дѣтей глубокая тишина, царствовавшая въ поляхъ. Только гдѣ-то высоко пѣлъ невидимый жаворонокъ. Серебряныя трели его вольной пѣсни звонко раздавались въ прозрачномъ чистомъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіями полей. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленеющими хлѣбами, то черныхъ, *отдыхающихъ подгъ паромъ*. На горизонтѣ, гдѣ небо сходится съ землею, тянулась спящая, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ сторонѣ, между двумя длинными холмами, виднѣлись соломенные крыши большого *села*, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны можно было замѣтить вдали небольшо-ую *деревню*, въ которой не было церкви.

Дѣти молчали: новостъ и прелесть сельской картины глубоко на нихъ подѣйствовала.

Минуть черезъ двадцать тарантасъ застучалъ по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному черезъ глубокой оврагъ. Надъ оврагомъ, въ высокой травѣ, сверкала маленькая рѣчка. Громадныя вѣсковыя сосны протягивали надъ дорогой свои длинные, красноватые,

смолистые сучья, съ колючими, всегда зелеными вѣтвями. Колеса тарантаса вѣзались въ песокъ—и лошади пошли шагомъ.

Лѣсъ былъ большею частію сосновый, но кое-гдѣ виднѣлись пирамиды ели съ своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми къ низу, какъ крыши китайскихъ домиковъ. Тамъ и сямъ бѣлѣли стройныя березы съ кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали вѣчно-дрожащіе листочки осины. Внутри лѣса, между деревьями, царствовали тѣнь, прохлада и тишина. По временамъ густой лѣсъ прерывался полями. На опушкахъ такихъ полянъ, покрытыхъ свѣжей травкою, береза, осина, небольшія елки и тонкій, гибкій орѣшникъ, перемѣшиваясь, составляли красивыя группы. Въ высокой, сочной травѣ видно было много цвѣтовъ; а кое-гдѣ блестяли, какъ коралль, ярко-красныя ягодки вызрѣвшей земляники. Кукушка отзывалась гдѣ-то далеко въ глуши лѣса; по временамъ раздавался звонкій, рѣзкій крикъ иволги.

Высокій лѣсъ тянулся верстѣ на пять, и дѣти не могли имъ любоваться. Но лошадямъ трудно было тащить тарантасъ по глубокому сыпучему песку и, кромѣ того, бѣдныхъ животныхъ беспокоили овода. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть и, вмѣсто большихъ сосенъ, показались кустарники. Опушка лѣса продолжалась еще съ полверсты; потомъ колеса экипажа застучали по болѣе твердому грунту. Опять по обѣимъ сторонамъ дороги пошли безконечныя поля, разстилающіяся по холмамъ до самаго горизонта.

Черезъ полчаса ямщикъ сильно погналъ лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца стояла толпа ямщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ, двѣ или три телѣги и тройка только что воротившихся лошадей. Это была станція. Володя обратилъ вниманіе на большой, полосатый столбъ, на которомъ было крупными буквами написано: *отъ С.-Петербурга 145 верстъ.*

Деревня, уѣздный и губернской городъ.

Мѣняя лошадей на станціяхъ, останавливаясь только выпить чаю и поѣсть, ноуя въ экипажѣ, потому-что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ѣхали наши путешественники два дня или, луч-

ше сказать, двое сутокъ, потому-что они ѣхали день и ночь, уѣзжая въ сутки верстъ по двѣсти и болѣе. Много они проѣхали маленькихъ деревень. Въ иныхъ всего-то было 10 или 15 домовъ, низенькихъ, пошатнувшихся на бокъ, съ почернѣвшими бревенчатыми стѣнами, съ полусгнившими соломенными крышами. Много проѣхали они и большихъ селъ, гдѣ иногда попадались прекрасныя церкви, нѣсколько домовъ почище другихъ и двѣ-три маленькія грязныя лавочки, въ которыхъ деготь и баранки, пряники и колеса продавались вмѣстѣ. Эти лавочки были бѣднѣе товаромъ, меньше и грязнѣе на видъ самой жалкой изъ овощныхъ лавокъ столицы.

Наши путешественники проѣхали также три уѣздные города и даже одинъ губернской. *Губернскій городъ* походить еще на городъ. По главнымъ улицамъ его была каменная мостовая; кое-гдѣ попадались огромные каменные дома; но между ними немного было такихъ, къ какимъ дѣти привыкли въ столицѣ. Только одинъ *губернаторскій домъ*, да новыя *присутственныя мѣста*, высокій прекрасный *соборъ* и нѣсколько старинныхъ церквей могли-бы, какъ казалось дѣтямъ, стоять безъ стыда и на петербургскихъ улицахъ. Но *гостинный дворъ*, посреди огромной, пустой площади, показался имъ и малъ, и бѣденъ, и грязенъ. Тутъ были, правда, два-три магазина; но какое сравненіе съ петербургскими вывѣсками! Народу и экипажей на улицахъ несравненно меньше.

Уѣздные города были еще меньше и бѣднѣе губернскаго: три, четыре немощныя улицы, обставленныя низенькими деревянными домами; длинныя, иногда полуразвалившіеся заборы, огороды и сады посреди города; деревянные столбики вмѣсто тротуаровъ, коровы и свиньи, бродящія по улицамъ; пустота, тишина, отсутствіе движенія! Только пять или шесть каменныхъ домовъ, площадь, на которой помѣщались десятка два лавокъ, каменныя *присутственныя мѣста*, выкрашенныя когда-то желтою охрою, пять-шесть полуистертыхъ вывѣсокъ сапожниковъ и портныхъ, вывѣшенный на палкѣ врендель булочника, да изрѣдка городскія дрожжи доказывали, что это не деревня, а городъ.

На третій день пути, Александръ Сергѣевичъ, очень рано поутру,

когда солнце только что встало, разбудилъ разоспавшихся въ тарантасѣ дѣтей, говоря, что нужно выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Дѣти встали, дрожа отъ свѣжести утренняго воздуха, и начали съ любопытствомъ осматриваться вокругъ. Тарантасъ стоялъ на берегу рѣки, къ которой круто спускалась дорога. На рѣкѣ моста не было: но съ той стороны рѣки два перевозчика, въ синихъ рубахахъ, гнали къ берегу, на шестахъ, небольшой, довольно ветхій паромъ. На этомъ берегу столпилось, въ ожиданіи парома, множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и возовъ до двадцати съ различною кладью. Возы были нагружены сѣномъ, соломой, мѣшками съ мукой, горшками, кирпичемъ, дровами; на иныхъ телѣгахъ мычали телята и бараны или визжали поросята, у другихъ были привязаны сзади крестьянскія лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидѣли и лежали на телѣгахъ и просто на землѣ, хотя трава была покрыта серебристой росой. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кадочки съ масломъ; иные держали куръ, гусей, пучки луку, рыбу въ судкахъ и раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ крапивой.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на торгъ въ уѣздный городъ, который былъ виденъ на противоположномъ, крутомъ и высокомъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ; но ему захотѣлось узнать, что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, который, накрывшись тулупомъ, сидѣлъ на своей телѣгѣ, терпѣливо дожидаясь перевоза. Старикъ съ трудомъ понялъ, о чемъ его спрашивалъ Володя, но, понявши, усмѣхнулся и ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городъ? Какъ что? да вотъ, маленькій баринъ, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь; нуженъ мнѣ и топоръ—мой совсѣмъ иступился; нужно еще двѣ косы—ужъ косовица подходитъ. Женѣ куплю въ городѣ ситцевый платокъ, а дѣтямъ по прянику. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чернаго хлѣба, луку, молока и яицъ, ничего не

найдешь. Кто можетъ, ѣдетъ купить себѣ сапоги; а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятюку моему пондобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли; онъ, вишь, строить себѣ избу; а стеколь-то у насъ въ деревнѣ не дѣлають и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, чай, захватить, потому-что и гвоздей у насъ не найдешь. А тамъ-отъ-ко стоитъ моя сноха съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафанъ; иголки, чай, всѣ вышли; а можетъ, купить она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало-ли чего кому нужно! У насъ же въ деревнѣ, почитай, ничего нѣту. Что есть, то, какъ видишь, и веземъ продавать. Всѣмъ же намъ, баринъ, кромѣ того нужны деньги...

Весело было переѣзжать широкую рѣку на паромѣ. По всей рѣкѣ тянулись барки, нагруженные товаромъ, и медленно двигались по теченію длинные неуклюжіе плоты. На другомъ берегу, съ горы, спускался длинный обозъ. По всему было видно, что было мѣсто бойкое, *торговое*, гдѣ сходились судоходная рѣка и большая проѣзжая дорога. На высокомъ и крутомъ берегу былъ живописно раскинутъ небольшой, но промышленный городъ; красныя, зеленыя и сѣрыя крыши его пестрѣли посреди зеленѣющихъ садовъ: позолоченные кресты и главы церквей весело играли на солнышкѣ.

Проселочная дорога.

На четвертый день пути наши путники должны были переѣхать *почтовыхъ* лошадей на *долгихъ* и свернуть съ большой *почтовой дороги* на *проселочную*.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо безпокойнѣе. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колеи, прорѣзанныя узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ, и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большого вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла

высокая, густая рожь. Она уже отцвѣла, налилась и начинала желтѣть. Золотистыми, колеблющимися волнами разливалась она по обѣ стороны на необозримое пространство. Во ржи синѣло такое множество васильковъ, что дѣти, выйдя изъ экипажа, мигомъ на-рвали два огромные пучка. Скоро два вѣнка, сплетенные искусными ручками Лизы, свѣжіе, синіе и блестящіе, перевитые съ колосьями ржи, украсили русыя головки дѣтей.

На дорогѣ почти никто не попадался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ съ тяжелой сохой, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. Здѣсь деревни были ужъ настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами. Подѣзжая къ деревнѣ, извозчикъ долженъ былъ всякій разъ вставать съ козелъ и отпирать скрипучія ворота околицы. Утлая огорожа, сдѣланная изъ жердей и кольевъ для того, чтобы скотъ, выходя изъ деревни, не вытапывалъ полей, задолго еще предупреждала нашихъ путешественниковъ, что они приближаются къ деревнѣ.

Наступила рабочая лѣтняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Всѣ крестьяне были въ полѣ, на работѣ; только ребятишки играли на улицахъ, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды въ колодцѣ и немилосердно скрипѣла длиннымъ шестомъ, опуская бадью въ воду.

Крестьянская изба.

Извозчикъ остановился кормить лошадей у знакомаго крестьянина, изба котораго была побольше и почище другихъ. Приходилось постоять часа три, и путешественники наши вздумали, что недурно было бы напиться чаю; но на вопросъ о самоварѣ, старушка усмѣхнулась.

— Какіе у насъ, батюшка, самовары! сказала она:—мы и чаюто, почитай что, отродясь не пивали; а вотъ, когда сливочекъ или яичекъ милости вашей угодно, такъ это у насъ есть.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, и дѣти съ удовольствіемъ съѣли даже засохшую булку, которая одна только и оста-

лась у нихъ отъ послѣдняго города. Старуха, правда, вынесла краюху чернаго хлѣба; но онъ было такъ черствъ, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здѣсь въ первый разъ дѣти были въ настоящей крестьянской избѣ. Нечего грѣха таить, она показалась имъ и грязна, и тѣсна, и душна. Въ углу стояла огромная печь; наверху половину избы занимали полаты, закоптѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ. По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало множество таракановъ. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большого деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцемъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла неприглядная постель.

Дома, кромѣ старухи и двухъ маленькихъ ребятишекъ, русыя всклокоченныя головки которыхъ виднѣлись съ полатей, не было никого; а, по словамъ старухи, семья у нея было большая; старикъ — мужъ ея, двое женатыхъ сыновей, двѣ взрослые, еще незамужнія, дочери и даже внукъ, мальчишка лѣтъ 10-ти, съ ранней зарю ушли на косовицу. Тамъ они останутся цѣлый день и воротятся только поздно вечеромъ, а можетъ быть, и заночуютъ въ полѣ...

Версть черезъ семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной рѣчки; она извивалась, какъ огромная блестящая змѣя, на двѣ глубокой лощины, посреди кустовъ лозы и орѣшника. По ту сторону рѣчки разстилались далеко луга; на нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, видны были косари, сверкающіе своими стальными косами. Извозчикъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти обширные зеленые луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ онъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца усѣлся возлѣ ямщика на козлахъ:—

какая бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава, и покось всегда хорошій.

— Отчего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, маленький баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, — что всякую весну эта рѣченка разливается куда-какъ широко — вонъ подь тѣ самыя лозы, вереть, чай, на семь! Какъ же вода потомъ сбудеть, то и трава пойдетъ расти шибко да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, баринъ ты мой милый, поемные, дорогие луга, славные луга! Много они, сердешные, кормятъ лошадушекъ, а лошадушки, баринъ, кормилицы наши. Что-бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Онѣ насъ и возятъ, милыя; онѣ намъ и пашенку пахнутъ и боронятъ; а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привезти — онатъ таки за лошадушку. Онѣ намъ навозъ даютъ: безъ навоза же наши поля родятъ плохо. Вотъ и выходитъ, баринъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поемные. Поле вездѣ распахать можно, хотя бы изъ-подь самага глухого лѣсу: выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землицу-то; а поемнаго луга ужъ не распашешь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты... Эй, вы, сердешныя, трогай! — прибавилъ ямщикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

Начинало вечерѣть. Поверхность рѣчки блестѣла розовымъ цвѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перепархивалъ съ одного берега на другой, а бѣлыя чайки, блестя въ воздухѣ крыльями, съ печальнымъ крикомъ носились надъ водою: зорко высматривали онѣ, не выкажется ли гдѣ-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — такъ называютъ этихъ чаекъ — большіе охотники до рыбы, и въ этотъ вечеръ, навѣрно, охотились удачно. Рыба то и дѣло всплескивалась тамъ-и-сямъ по рѣкѣ, ловя комаровъ и мошекъ, которые, ища сырости и не находя ея вверху, кучами толклись надъ водою, предсказывая, что и завтра будетъ такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цвѣтами, золотымъ, розовымъ и пурпуровымъ, серебряныя облака, столпившіяся

къ западу. Отражая косвенные вечерніе лучи, рѣчка сверкала, какъ растопленное золото. Становилось прохладнѣе; а подѣ ивами, свѣсившимися надѣ водою, было уже совершенно темно. Утомленная длинною дорогою, дѣти чувствовали усталось; но до деревни, составившей цѣль ихъ поѣздки, было уже недалеко.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО.

Наше *отечество*, ваша родина—*матушка* Россія. *Отечествомъ* мы зовемъ Россію потому, что въ ней жили испоконѣ вѣку отцы и дѣды наши. *Родиной* мы зовемъ ее потому, что въ ней мы родились, въ ней говорятъ роднымъ намъ языкомъ и все въ ней для насъ родное; *матерью*—потому, что она вскормила насъ своимъ хлѣбомъ, вспоила своими водами, выучила своему языку; какъ мать защищаетъ и бережетъ насъ отъ всякихъ враговъ, и, когда мы уснемъ на вѣки, она же прикроетъ и кости наши.

Велика наша родина—*мать-свято-Русская земля!* Отъ запада къ востоку тянется она почти на *одиннадцать* тысячъ верстъ; а отъ сѣвера къ югу на *шесть* тысячъ. Не въ одной, а въ двухъ частяхъ свѣта раскинулась Русь: *въ Европѣ и Азій.*

Самая большая часть Россіи въ Азій; часть эту зовутъ *Сибирью*. Въ Сибири населеніе не велико; бродятъ русскіе инородцы; но есть уже теперь въ ней довольно хорошихъ русскихъ городовъ и богатыхъ сель. Сибирь—сторона богатая. Въ ея горахъ я по ея рѣкамъ много простыхъ и драгоцѣнныхъ металловъ, а въ ея темныхъ лѣсахъ много пушныхъ звѣрей съ дорогими мѣхами.

Самая населенная и образованная часть Россіи—въ Европѣ. Въ *Европейской Россіи* двѣ столицы: Санктпетербургъ и Москва, да въ Царствѣ Польскомъ еще Варшава; множество *губернскихъ* и *уѣздныхъ* городовъ, а селамъ и деревнямъ такъ и счету нѣтъ.

Въ Россіи болѣе *восемидесяти* губерній и областей, много различныхъ племенъ и народовъ, и кормитъ она болѣе девяноста пяти милліоновъ людей. Всѣ эти губерніи, всѣ эти милліоны лю-

дей повинуются одному государю—*Православному Русскому Царю*.

Много есть на свѣтѣ, и кромѣ Россіи, всякихъ хорошихъ государствъ и земель; но одна у человѣка родная мать—одна у него и родина.

ЧТО ВЫЛО ВЪ РОССІИ ЗА ТЫСЯЧУ ЛѢТЬ.

Теперь поѣзжай по Россіи, куда хочешь,—вездѣ услышишь русскій языкъ, найдешь городъ или село, православную церковь, порядокъ и управу: никто тебя обидѣть не смѣетъ. Промышленные люди ѣздятъ съ товарами и по глухимъ лѣсамъ, и по пустыннымъ степямъ—вездѣ, гдѣ только проложена дорога или течетъ сухоходная рѣка. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, чуть не въ полсвѣта—живетъ народъ мирно, трудится и промышленяетъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Есть, правда, въ Россіи еще такіе народы, что не живутъ осѣдло на мѣстахъ, *кочуютъ*; на примѣръ, калмыки между Волгою и Дономъ, киргизы за Волгою и Ураломъ, самоѣды и лапландцы по сѣвернымъ *тундрамъ*; но они кочуютъ только тамъ, гдѣ имъ указано мѣсто, и мирно пасутъ свои стада. Есть и такіе народы, что не пахутъ, не сѣютъ, ни домашняго скота не держатъ, а бродятъ по лѣсамъ и стрѣляютъ всякаго звѣря, или ловятъ рыбу по берегамъ рѣкъ и морей; но и эти платятъ подать и рады-радехоньки, если ихъ самихъ не обижаютъ.

Не то было за тысячу лѣтъ тому назадъ! Непроглядные болотистые лѣса, что остались теперь только на сѣверовостокѣ Европейской Россіи да въ Сибири, занимали тогда всю среднюю Русь, тянулись по берегамъ Волги и Оки. По лѣсамъ этимъ бродили дикіе языческіе народы—чудь. Чудь больше жили въ разбродѣ, занимались звѣриною ловлею и только кое-гдѣ построили себѣ городки. Въ степяхъ тогда кочевали дикія, злыя орды. Безпрестанно приходили онѣ въ южную Россію изъ азійскихъ степей, мимо Каспійскаго моря, грабили и жгли села и города, если ка-

кіе имъ попадались, и не давали ни проѣзду, ни проходу мирнымъ людямъ.

Правда, по Дунаю, по Днѣстру, по Западной Двинѣ, по Волхову, у Ильменя-озера жили уже осѣдло славянскія племена, обрабатывали землю и торговали; но эти племена были еще грубыми язычниками, ссорились между собою и жили бѣдно.

Двое изъ славянскихъ племенъ были получше и пообразованнѣе другихъ: *поляне* и просто *славяне*. *Поляне* жили по среднему Днѣпру, занимались болѣе земледѣліемъ, и у нихъ уже былъ выстроенъ городъ Кіевъ. *Славяне* жили по Ильменю и Волхову, занимались больше торговлей, плавая по рѣкамъ и озерамъ, и у нихъ также былъ городъ—Новгородъ-Великій. Были и у другихъ племенъ города, но ихъ всѣхъ немного было.

Каждое славянское племя жило и управлялось особо; общія дѣла рѣшались на вѣчѣ. Но порядку было мало, и сосѣди сильно обижали славянъ: такъ хозары пришли съ юга, изъ степей, и брали дань съ полянъ и сосѣдей ихъ, сѣверянъ и вятичей; а варяги пришли съ сѣвера, изъ за Балтійскаго моря, и наложили дань на Новгородскихъ славянъ, кривичей, жившихъ по верховьямъ Западной Двины, Днѣпра и Волги, и на чудскіе народы.

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ.

(862).

Въ 862 году Новгородскіе славяне, кривичи и чудь прогнали варяговъ за море, перестали платить имъ дань и начали опять управляться сами собою. Однако же имъ стало хуже еще, чѣмъ при варягахъ: родъ возсталъ на родъ, племя на племя, и не было конца междоусобіямъ. Тогда стали они говорить между собою: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и давалъ намъ правый судъ“. Согласились и отправили пословъ за море, къ варяжскому племени, — по названію *Русь*. Пришли послы къ Руси и сказали: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: прійдите княжить и владѣть нами“. Собрались три русскіе князя.

три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ родственниками своими, взяли съ собою все племя Русь и пришли. Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, поселился въ Новгородѣ, второй, Синеусъ — на Бѣло-озерѣ, а третій, Труворъ — въ Изборскѣ. Съ тѣхъ поръ и стала наша земля называться Русскою.

Вотъ почему начало русскаго государства считаютъ съ 862 года; въ 1862 году поставили памятникъ *тысячелетія* Россіи, именно въ Великомъ-Новгородѣ.

Черезъ два года Синеусъ и Труворъ померли, а Рюрикъ сталъ княжить одинъ и раздавалъ города своимъ приближеннымъ людямъ.

Два Рюрикова боярина, Аскольдъ и Диръ, отпросились у князя въ Царь-городъ: взяли съ собою своихъ родственниковъ и поплыли внизъ по Днѣпру.

Блудчи по Днѣпру, увидали они на горѣ городокъ и спросили у жителей: „чей этотъ городокъ?“ Отвѣчали имъ жители: „Были здѣсь три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они построили этотъ городокъ, а потомъ и сгибли; мы же вотъ сидимъ здѣсь и платимъ дань Хозарамъ“. Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали къ себѣ много варяговъ и стали владѣть полянами, тогда какъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на грековъ, у которыхъ тогда царствовалъ царь Михаилъ. Михаилъ былъ на войнѣ; но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царь-городъ, воротился; а русскіе между тѣмъ вошли уже въ Цареградскую гавань и облегли городъ двумя стами большихъ ладей, такъ что Царь едва могъ пробраться въ свою столицу. Всю ночь молился онъ съ патриархомъ въ церкви Влахернской Богородицы, а потомъ вынесли съ пѣніемъ ризу Богородицы изъ церкви и погрузили въ воду. Тихое море вдругъ заволновалось, поднялась буря, и волны выбросили на берегъ ладьи язычниковъ. Тогда греки кинулись на Аскольдовыхъ воиновъ и такъ перебили ихъ, что мало кто воротился домой. Съ тѣхъ поръ сложена церковная пѣснь: „*Взбранной Воеводѣ*“, которую и теперь поютъ православные всякій разъ, какъ Богъ поможетъ имъ одолѣть враговъ.

О Л Е Г Ъ.
(879—912).

Умирая, Рюрикъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику; ему же поручилъ и сына своего Игоря, потому что Игорь былъ еще младенецъ. Олегъ, собравши много войска, пошелъ къ югу и поплылъ по Днѣпру. Взялъ сначала городъ кривичей, Смоленскъ, а потомъ Любечъ, и посадилъ тамъ своихъ правителей. Подплывая къ Кіеву, Олегъ оставилъ однихъ воиновъ позади, а другимъ приказалъ спрятаться въ лодкахъ. Приплывъ же къ самому городу, Олегъ вышелъ на берегъ съ Игоремъ и послалъ сказать Аскольду и Диру: „Мы купцы, идемъ въ Грецію, посланы отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами“. Когда же Аскольдъ и Диръ съ своими родными пришли, то воины Олеговы выскочили и окружили ихъ. И сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго роду, я же княжескаго роду, а вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольда и Дира убили, понесли на гору и тамъ погребли.

Олегу очень понравилось въ Кіевѣ; онъ остался княжить тамъ и сказалъ: „Пусть этотъ городъ будетъ матерью городамъ русскимъ!“

Изъ Кіева Олегъ расхаживалъ со своими варягами и славянами, покорялъ разныя славянскіе и чудскіе народы и заставлялъ ихъ платить себѣ дань; Новгороду же приказалъ платить варягамъ каждый годъ по 300 гривенъ. При Олегѣ прошелъ мимо Кіева кочевой народъ угры или венгры, который, къ счастью для насъ, ушелъ за Карпатскія горы.

Въ 907 году собралъ Олегъ множество воиновъ и пошелъ къ Царь-городу на коняхъ и на лодкахъ, и было этихъ лодокъ до 2000. Греки замкнули гавань цѣпью и затворили городъ. Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ и сталъ воевать около города; разорялъ дворцы, жегъ церкви, бралъ въ плѣнъ или убивалъ жителей и все приближался къ городу. Испугались греки и выслали сказать Олегу: „не губи города, а возьми лучше дани, сколько хочешь!“

Олегу согласился на миръ, и греки выслали ему много разныхъ кушаній и вина; но онъ не принялъ ни того, ни другого, зная, что хитрые греки приготовили все съ отравою. Тогда еще пуще испугались греки и дали Олегу все, что онъ требовалъ; дали много серебра, золота, драгоценныхъ тканей, плодовъ и вина, на Олега и на всѣхъ его воиновъ. Тогда Олегъ заключилъ съ греками миръ и утвердилъ его клятвою: русскіе клялись своимъ оружіемъ, своимъ старшимъ богомъ Перуномъ и богомъ стады Волосомъ, а греки — по своему христіанскому закону.

Обогащенный добычею, возвратился Олегъ въ Кіевъ, и народъ прозвалъ своего умнаго и удачливаго князя—*вѣщимъ*, т. е. волшебникомъ.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ отмстить неразумнымъ хозарямъ; ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ, обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ. Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ, князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему, идетъ вдохновенный кудесникъ, покорный Перуну старикъ одному, завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ. И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ:

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, что сбудется въ жизни со мною? И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ, могильной засыплюсь землю? Открой мнѣ всю правду, не бойся меня; въ награду любого возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, а княжескій даръ имъ не нуженъ: правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ; но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ. Запомни же нынѣ ты слово мое: воителю слава—отрада; побѣдой прославлено имя твое, твой щитъ на вратахъ Цареграда; и волвы, и суша покорны тебѣ, завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ. И сянго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды, и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ

падають побѣдителя годы... Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ; незримый хранитель могучему данъ. Твой конь не боится опасныхъ трудовъ; онъ, чуя господскую волю, то смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ, то мчится по бранному полю; и холодъ, и сѣча ему ничего, — но примешь ты смерть отъ коня своего“.

Олегъ усмѣхнулся; однако чело и взоръ омрачились думой. Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло, съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый, и вѣрнаго друга прощальной рукой и гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга; разстаться настало намъ время; теперъ отдыхай: ужъ не ступитъ нога въ твое позлащенное стремя. Прощай, утѣшайся, да помни меня. Вы, отроки-друзи, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ. въ мой лугъ подъ уздцы отведите; купайте, кормите отборнымъ зерномъ, водой ключевою поите“.

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, а князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ при звонѣ веселомъ стакана. И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ надъ славной главою кургана... Они поминають минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ, скажите, гдѣ конь мой ретивый? Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ? Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?“

И вземлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ. Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: „что же гаданье? Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ! Презрѣть бы твое предсказанье: мой конь и донынѣ носилъ бы меня!“ И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора, съ нимъ Игорь и старые гости, и видитъ: на холмѣ, у берега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ моютъ дожди, засыпаютъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуеть надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ и молвилъ: „спи, другъ

одинокій! твой старшій хозяинъ тебя пережилъ: на тризнѣ*), уже недалеко, не ты подъ сѣвкой ковыль обagriшь и жаркою кровью мой прахъ напоишь! Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Мнѣ смертію кость угрожала!“ Изъ мертвой главы гробовая змѣя, шипя, между тѣмъ выползала; какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась, и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, зашѣнясь, шипятъ на тризнѣ плачевной Олега. Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ; дружина пируетъ у берега. Бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ИГОРЬ.

(912—945).

По смерти Олега сталъ княжить сынъ Рюриковъ—Игорь. Онъ также ходилъ по морю на грековъ; но первый походъ его былъ неудаченъ. Когда русскіе вышли на берегъ, то греческое войско окружило ихъ отовсюду. Была сильная сѣча, и русскіе уже посадились въ свои лодки, чтобы бѣжать, но другой греческій воевода встрѣтилъ ихъ на морѣ въ лодкахъ и началъ пускать на нихъ трубами огонь, такъ что страшно было смотрѣть; многіе бросались въ воду, чтобы только уйти отъ огня. Кто изъ русскихъ избѣжалъ смерти и воротился домой, рассказывалъ потомъ, что „у грековъ молнія въ рукахъ, и потому нельзя было одолѣть ихъ“.

Возвратясь въ Кіевъ, Игорь началъ собирать еще большее войско: призвалъ изъ-за моря варяговъ, нанялъ степную орду печенѣговъ и снова отправился къ Цареграду въ лодкахъ по морю и на коняхъ по берегу. Корсунцы (греки, жившіе въ нынѣшнемъ Крыму) послали сказать императору: „Идетъ Русь на тебя, все море покрыла кораблями“. Болгары, жившіе по Дунаю, также послали сказать: „Идутъ русскіе, наняли и печенѣговъ“.

Услышавъ это, царь послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ

*) Тризна—языческіе поминки; на могилѣ воина обыкновенно приносили въ жертву его лошадь.

сказать ему: „Не ходи дальше, но возьми дань, какую взял Олегъ; я прибавлю и еще“. Прислалъ и печенѣгамъ дорогія ткани и много золота. Тогда Игорь созвалъ дружину и передалъ ей слова царскія. „Если такъ говоритъ царь, сказала дружина Игорева, то чего же намъ больше? Возьмемъ безъ битвы и золото, и серебро, и дорогія ткани и пойдемъ домой; еще неизвѣстно, кто изъ насъ одолѣеть; а съ моремъ заранѣе не уговоришься“. Послушалъ Игорь дружины, оставилъ печенѣговъ грабить болгарскую землю, а самъ взялъ у грековъ много золота и дорогихъ тканей и воротился въ Кіевъ.

Осенью Игорь съ дружиною пошелъ собирать дань съ древянъ, народа славянскаго же племени, жившаго въ густыхъ лѣсахъ, по болотистымъ берегамъ Припечи. Игорь собралъ дани больше, чѣмъ было установлено, и пошелъ было назадъ въ Кіевъ; но на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ: „идите съ данью домой, а я ворочусь и еще похожу“, и, отпустивъ дружину свою домой, съ небольшимъ числомъ людей воротился. Услыхавъ, что Игорь воротился, древяне стали думать съ княземъ своимъ Маломъ: „Если повадится волкъ къ овцамъ, то перетаскаетъ все стадо; такъ и Игорь, если не убьемъ его, то изгубитъ онъ всѣхъ насъ“. И послали къ Игорю спросить: „Ты взялъ уже всю дань, зачѣмъ же опять идешь?“ Но Игорь не послушался. Тогда жители древянскаго города Искоростеня вышли на Игоря, перебили всю его небольшую дружину и убили его самого, вырыли яму и тутъ же, недалеко отъ города, похоронили. Такъ поплатился Игорь за свою чрезмѣрную жадность.

О Л Ъ Г А П Р А В И Т Е Л Ъ Н И Ц А .

(Съ 945 по 964).

Убивши Игоря, древяне сказали: „Вотъ мы убили князя русскаго; возьмемъ же и жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмемъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ“. И послали древяне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ

Ольгѣ. Тѣ въ ладьѣ спустились по Припети и Днѣпру къ Кіеву, стали подѣ кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: что имъ нужно? Древляне отвѣчали: „послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа-де мы твоего убили за то, что онъ былъ хищень, какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землею,— выйди замужъ за князя нашего Мала“. — „Ваша рѣчь мнѣ нравится, отвѣчала Ольга, и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почитать передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: не хотимъ-де ни на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, а несите насъ въ ладьѣ“.

Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего терема, и утромъ послала за гостями, сказать имъ: „зоветь-де васъ Ольга на честь великую“. Они же отвѣчали: „не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идемъ,—но несите насъ въ ладьѣ“. — „Что-жъ дѣлать? отвѣчали кіевляне, приходится намъ васъ слушаться: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя“,—и понесли ихъ въ ладьѣ; а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладьей. „Хороша ли вамъ честь?“ спросила Ольга у древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землею.

Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы поистинѣ хотите, чтобъ я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ идти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ“. Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землею, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла жарко вытопить баню и сказала: „пусть сначала вымоются въ банѣ и придутъ ко мнѣ“. Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли.

Послѣ этого послала Ольга сказать древлянамъ: „Вотъ ужъ я иду къ вамъ: наварите же побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде поплакаться надъ его могилой и сотворить тризну“. Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла къ древлянскую землю. Поплакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать древлянамъ.

Когда же древляне спросили: „гдѣ дружина ваша, которую мы за тобою послали“, то Ольга отвѣчала: „идуть за мною, съ дружиною мужа моего“. Древляне перепились на тризнѣ, — и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5000 человекъ, а Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много войска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на древлянъ. Древляне вышли противъ нея, и когда оба полка сошлись, то Святославъ бросилъ въ древлянъ копье; копье пролетѣло между ушей лошади и ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя. Тогда воеводы сказали: „князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ!“ Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея.

Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: „До чего вы хотите досидѣться въ городѣ?—Всѣ ваши города уже отдались мнѣ, взяли платить дань и спокойно пашутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дани“. Древляне отвѣчали: „Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь мстить намъ за мужа своего“. Отвѣчала имъ Ольга: „Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ тризну; не хочу болѣе мстить — давайте мнѣ небольшую дань, и я, помирившись съ вами, пойду домой“. И спросили ее древляне: „Чего хочешь отъ насъ? рады дать тебѣ дань и медомъ, и шкурами звѣриными“. (Древлянская земля была вся въ лѣсахъ, и много

было въ ней пчелиныхъ бортей и звѣря всякаго). Отвѣчала древлянамъ Ольга: „Не нужно мнѣ ни меду, ни звѣриныхъ шкурт; не хочу на васъ класть дани, какъ мужъ мой, — вы же теперь изнемогли въ осадѣ; а потому и прошу у васъ немногаго: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома“. Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. „Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну“, сказала Ольга, „идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой“.

Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ рассчитывала Ольга: голуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои стрѣхи, и разомъ загорѣлись все дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали все люди изъ города; а Ольга велѣла убивать ихъ, или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжелую дань.

Такъ мстила язычница Ольга, по языческимъ обычаямъ, за смерть мужа. Но съ тѣхъ поръ княжила она въ Кіевѣ спокойно и мудро. Въ это время, вѣроятно, узнала Ольга христіанскую религію. Еще со временъ Аскольда и Диры въ Кіевѣ были уже христіане. Сжалился Богъ надъ русской землей и внушилъ Ольгѣ — отбросить язычество и принять христіанскую вѣру, не смотря на то, что княгиня была уже преклонныхъ лѣтъ, когда человекъ охотнѣе держится стараго. Ольгѣ было уже болѣе 60 лѣтъ, когда она, въ 955 году, отправилась въ Грецію, въ Царь-городъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а царь греческій былъ крестнымъ отцомъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала преклонить и сына своего Святослава принять христіанство. „Я познала истиннаго Бога, сынъ мой, говорила она ему, и радуюся; узнай и ты, и

будешь радоваться“. Святославъ же отвѣчалъ: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станетъ смѣяться надо мной!“ Ольга молилась за сына, но принуждать его не хотѣла, говоря: „да будетъ воля Божія! Если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю русскую, то обратитъ ихъ къ себѣ, какъ обратилъ меня“. Желаніе Ольги скоро сбылось; и вотъ почему лѣтописецъ называлъ ее *зарейю* христіанства въ Россіи, а церковь причислила къ лику святыхъ.

Однако, принявъ христіанскую вѣру отъ грековъ, Ольга показала, что не даетъ этому хитрому народу никакого первенства надъ собою, и когда царь греческій прислалъ просить у нея вспомога-тельнаго войска и богатыхъ даровъ, то Ольга отвѣчала: „Пусть царь постоитъ у меня на рѣкѣ Почайнѣ столько, сколько я стояла и ждала у цареградской гавани, то тогда дамъ ему и войско, и дары“. Видно, гордые греки оскорбили Ольгу небрежнымъ приѣмомъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(964—972).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать много храбрыхъ воиновъ и, ходя легко, какъ барсъ, только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не бралъ съ собою ни воевъ, ни котловъ и не варилъ мясо, а, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или какое другое мясо, пекъ его самъ на угляхъ. Шатра у него не было, а спалъ всегда подъ открытымъ небомъ, положивъ сѣдло подъ голову. Такъ же жили всѣ его воины. Когда же Святославъ хотѣлъ идти на кого-нибудь войною, то посылалъ сказать: „Иду на васъ!“ Святославъ воевалъ безпрестанно; ходилъ на Оку и на Волгу; на Оку нашелъ вятичей и спросилъ у нихъ: „Кому вы дань даете?“ Они отвѣчали: „хозарамъ, по шелегу отъ каждой сохи“.

Тогда пошелъ Святославъ на хозаръ и побѣдилъ ихъ, а вятичей обложилъ данью. Потомъ пошелъ на Дунай, на болгаръ, и

побѣдилъ ихъ, взявъ главный ихъ городъ Переяславецъ, куда сходились много товаровъ изъ Греціи и Россіи, и сталъ тутъ княжить.

Узнавъ, что Святославъ далеко, въ Переяславцѣ, печенѣги (степная орда) подошли къ Кіеву и облегли его со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было никому выйти изъ города, ни вѣсти послать, и кіевляне изнемогали отъ голода и жажды. Въ Кіевѣ въ это время была Ольга съ внуками своими, дѣтьми Святослава: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. На другой сторонѣ Днѣпра собралось немного русскаго войска, но нельзя ему было пройти въ Кіевъ. Сильно опечалились жители Кіева и говорили: „нѣтъ-ли кого-нибудь, кто бы могъ перейти на ту сторону и сказать имъ: если къ утру никто насъ не выручитъ, то мы должны будемъ сдаться печенѣгамъ. Вызвался одинъ мальчикъ; „я перейду“, говоритъ. Взявъ узду и, ходя по печенѣжскому стану, сталъ спрашивать на печенѣжскомъ языкѣ: не видалъ ли кто его лошади? Печенѣги приняли его за своего. Когда же мальчикъ подошелъ къ Днѣпру, то кинулъ платье и бросился вплавь. Тутъ печенѣги догадались, кинулись за нимъ и стали пускать въ него стрѣлами, но не могли уже ничего сдѣлать. Люди съ той стороны Днѣпра подѣхали въ лодкѣ и взяли мальчика. Когда мальчикъ передалъ слова кіевлянъ, тогда воевода Претичъ сказалъ: „поѣдемъ завтра утромъ въ лодкѣ, возьмемъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на эту сторону. Если же этого не сдѣлаемъ, то Святославъ насъ погубитъ“. На другой день, на разсвѣтѣ, Претичъ съ воинами сѣлъ въ лодку, и начали они громко трубить, а кіевляне отвѣчали на это радостными криками. Печенѣги подумали, что пришелъ самъ Святославъ, и побѣжали отъ города, а Ольга съ внуками вышла къ лодкѣ. Князь печенѣжскій воротился одинокъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: „Кто это пришелъ?“ „Лодка съ той стороны“, отвѣчалъ Претичъ. „А ты князь-ли?“ спросилъ печенѣгъ. „Нѣтъ, я не князь, отвѣчалъ Претичъ, я воевода его, пришелъ въ передовыхъ, а за мной идетъ войско съ княземъ,—народу и не перечесть!“ Испугался печенѣжскій князь и сказалъ

Претичу: „будь мнѣ другомъ!“ „Пожалуй“, отвѣчалъ Претичъ. Подали другъ другу руки и помѣнялись оружіемъ: печенѣгъ далъ коня, саблю, стрѣлы, а Претичъ—броню, щитъ и мечъ.

Когда печенѣги отступили отъ Кіева, то кіевляне послали сказать Святославу: „ты, князь, ищешь чужой земли, а о своей не заботишься: чуть было не взяли насъ печенѣги, мать твою и дѣтей твоихъ; а если не воротишься, то придутъ опять и возьмутъ. Развѣ тебѣ не жаль ни родины своей, ни старухи-матери, ни дѣтей?“ Услышавъ это, Святославъ тотчасъ съѣлъ съ дружиною на коней и воротился въ Кіевъ. Пожалѣлъ онъ, что натерпѣлась мать его такого страха; потомъ собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь.

Но на другой же годъ соскучился Святославъ въ Кіевѣ и сказалъ матери и боярамъ: „не нравится мнѣ здѣсь жить и хочу я переселиться въ Переяславецъ, на Дунай; тамъ должна быть середина земли моей, потому что тамъ сходится много всякихъ богатствъ: отъ грековъ идетъ золото, ткани драгоценныя, вина, плоды южные; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и дорогіе камни, а изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рабы“. На это сказала ему Ольга: „ты видишь, что я больна, какъ же ты хочешь меня покинуть,—похорони меня прежде, а потомъ иди, куда вздумается“. Черезъ три дня Ольга умерла. Сынъ и внуки, и всѣ люди съ плачемъ провожали ее до могилы. Похоронилъ ее христіанскій священникъ, и не дѣлали надъ ней языческой тризны.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега—въ древлянской землѣ, Владиміра далъ новгородцамъ, самъ же опять отправился на Дунай, въ Переяславецъ. Но болгары затворились и не хотѣли пускать Святослава. Святославъ сталъ подъ городомъ, а болгары вышли и напали на него. Началась сѣча и продолжалась цѣлый день; къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ и послалъ сказать грекамъ: „хочу на васъ идти, взять вашъ городъ, какъ взялъ Переяславецъ!“ Греки отвѣчали: „мы не можемъ вамъ противиться; возьми дань на себя и на дружину; скажи намъ только, сколько васъ, чтобы мы могли разсчитать дань по

числу людей“. Хитрые греки желали только выведать: сколько народу у Святослава. „Насъ двадцать тысячъ“, отвѣчалъ Святославъ, и десять тысячъ прибавилъ: русскихъ было всего десять тысячъ. Тогда греки собрали сто тысячъ войска на Святослава и окружили его. Видя множество греческаго войска, русскіе было испугались, но Святославъ сказалъ: „уже намъ некуда дѣться! волею ли, или неволею, а должны биться. Не посрадимъ же земли Русской, но ляжемъ здѣсь костями! Мертвымъ срама нѣтъ: а если побѣдимъ, то падеть на насъ стыдъ; а отъ стыда же убѣжать некуда. Станемъ крѣпко, я пойду впередъ. Если сложу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите“.—Отвѣчали воины: „гдѣ твоя голова ляжетъ, князь, тамъ и мы свои сложимъ“.—Началась страшная сѣча: Святославъ одолѣлъ—греки бѣжали. Тогда пошелъ Святославъ къ Царь-городу, грабя и разоряя все на дорогѣ.

Сильно испугался греческій царь, созвалъ бояръ во дворецъ и сталъ говорить имъ: „что намъ дѣлать? — не можемъ никакъ одолѣть Святослава“. Отвѣчали бояре царю: „Пошли къ нему дары и испытай, что онъ больше любитъ: золото или драгоцѣнныя ткани?“ Такъ и сдѣлали.

Когда сказали Святославу, что пришли греки съ поклономъ, онъ приказалъ ввести ихъ. Пришли послы, поклонились князю Святославу и разложили передъ нимъ золото и драгоцѣнныя ткани. Святославъ и не взглянулъ на то, что принесли, а только небрежно сказалъ отровамъ: „спрячьте!“

Когда возвратились послы къ царю и рассказали, что Святославъ и не взглянулъ даже на золото и на драгоцѣнныя ткани, то одинъ бояринъ посовѣтовалъ царю: „попробуй послать ему оружіе.“ Царь послушалъ совѣта и послалъ Святославу мечъ и другое оружіе. Увидавъ оружіе, Святославъ обрадовался, сталъ разсматривать, хвалить и приказалъ благодарить царя за подарокъ.

Узнавъ объ этомъ, греческіе бояре сказали царю: „Лютъ долженъ быть человекъ этотъ: пренебрегаетъ золотомъ, а хватается за оружіе. Соглашайся скорѣе на дань!“

Послалъ царь къ Святославу, который уже былъ недалеко отъ

Царь-города, и велѣлъ ему сказать: „Не ходи къ городу, а возьми дани, сколько хочешь!“ Взялъ Святославъ дань, взялъ на живыхъ и на убитыхъ, взялъ, кромѣ того, много даровъ и воротился въ Переяславецъ съ великою славою.

Однако же дружины осталось у Святослава мало, и сталъ онъ съ ней совѣтоваться: „Насъ осталось мало, сказалъ онъ, русская земля далеко, а печенѣги съ нами въ войнѣ. Если провѣдаютъ греки, что насъ немного, и обступятъ насъ въ городѣ, то неоткуда ждать намъ помощи. Заключимъ же миръ съ царемъ. Онъ взялся платить дань—довольно и этого. Если же перестанетъ платить, то соберемъ войско въ Руси и пойдемъ на Царь-городъ“. Понравилась рѣчь эта дружинѣ, и миръ съ царемъ былъ заключенъ, записанъ и подтвержденъ клятвами съ обѣихъ сторонъ.

По заключеніи мира, Святославъ хотѣлъ повидаться съ царемъ, и царю также хотѣлось видѣть русскаго героя. Рѣшено было устроить свиданіе на берегу Дуная.

Царь греческій Іоаннь, въ блестящихъ латахъ, подѣхалъ на конѣ къ берегу. Царя окружало множество всадниковъ въ богатыхъ доспѣхахъ, покрытыхъ золотомъ. Святославъ съ другого берега сѣлъ въ лодку и поплылъ, работая самъ весломъ, наравнѣ съ прочими гребцами. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, съ голубыми глазами и длинными усами. Волосы его были подстрижены, а внизу спускался только длинный чубъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто: въ бѣлой рубахѣ, такой же, какъ и у другихъ воиновъ, только почище. Въ одномъ ухѣ у него блестѣла серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Глядѣлъ онъ мужественно и сурово. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ царемъ и отправился назадъ.

Тогда начали русскіе совѣтоваться, какъ имъ ворститься домой. Старый воевода Игоря, Свѣнельдъ, совѣтовалъ идти на коняхъ, потому что на днѣпровскихъ порогахъ стояли печенѣги; но Святославъ не послушался и поплылъ въ лодкахъ.

Узнавъ объ этомъ, переяславцы послали сказать печенѣгамъ: „Святославъ возвращается въ Русь со множествомъ богатствъ и

небольшой дружиной; стерегите его!“ Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то нельзя уже было обойти пороги. Русскіе перезимовали въ Бѣлобережьи, много страдая отъ голоду. Весною тронулись было опять въ путь, но печенѣги напали и одолѣли русскихъ, а Святослава убили. Воевода же Свѣнелдъ воротился въ Кіевъ и принесъ вѣсть о гибели князя.

ПЕРВЫЕ УДѢЛЫ И МЕЖДУОСОВІЯ.

(972—980).

По смерти Святослава, Ярополкъ сидѣлъ въ Кіевѣ, Олегъ въ древлянской землѣ, а Владиміръ въ Новгородѣ.

Но не долго они пробыли въ мирѣ. На третій же годъ перессорились братья, и вотъ по какому случаю: сынъ кіевского воеводы Свѣнелда, Лютъ, поѣхалъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту и заѣхалъ въ лѣса князя древлянскаго, Олега. Здѣсь встрѣтилъ его самъ Олегъ, который также былъ на охотѣ, и, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнелда, убилъ его. Съ тѣхъ поръ отецъ убитаго все подбивалъ Ярополка на месть, говоря: „пойди на брата своего и возьми себѣ древлянскую землю“.

На третій годъ Ярополкъ пошелъ на Олега и разбилъ его. Убѣгая въ городъ Овручъ, по мосту, перекинутому черезъ городской ровъ, воины Олега толпились и спихивали съ мосту другъ друга. Такаа была свалка, что спихнули нечаянно самого Олега, а за нимъ попадало еще много людей и лошадей. Войдя въ Овручъ, Ярополкъ послалъ искать своего брата и услышалъ, что одинъ древлянинъ видѣлъ, какъ Олега спихнули съ моста. Стали вытаскивать трупы изо рва, вытаскивалъ съ утра до полудня, и наконецъ, въ самомъ низу, нашли трупъ Олега. Внесли его во дворецъ и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, сталъ плакать надъ трупомъ брата и сказалъ Свѣнелду: „посмотри, этого ли ты хотѣлъ?“

Когда Владиміръ услышалъ въ Новгородѣ, какъ Ярополкъ убилъ Олега, то испугался и убѣжалъ за море. Ярополкъ послалъ

своихъ посадниковъ въ Новгородъ и владѣлъ одинъ на Руси, но не долго.

На третій годъ Владиміръ воротился въ Новгородъ съ варягами и сказалъ посадникамъ Ярополковымъ: „идите къ брату моему и скажите: Владиміръ идетъ на тебя, — приготовься!“

Подошелъ Владиміръ къ Кіеву со множествомъ войска. Ярополкъ заперся въ городѣ съ воеводою Блудомъ, которому довѣрялъ много. Владиміръ задумалъ хитростью взять городъ и подслалъ сказать Блуду: „помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца. Вѣдь не я началъ избивать братьевъ, а Ярополкъ: я же изъ страху пришелъ на него“. Забылъ Блудъ, чей хлѣбъ онъ ѣлъ и сколько Ярополкъ осыпалъ его дарами и честью, и передался на сторону Владиміра.

Замысливъ погубить Ярополка, Блудъ сталъ говорить ему: „Кіевляне пересылаются со Владиміромъ, хотятъ ему отдаться. Бѣги же изъ Кіева!“ Ярополкъ, повѣривъ Блуду, убѣжалъ изъ Кіева и затворился въ маленькомъ городкѣ Роднѣ. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, а потомъ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ. Тогда Блудъ сталъ опять говорить Ярополку: „видишь, сколько войска у брата, намъ ихъ не одолѣть; заключай скорѣй миръ!“ Ярополкъ на это согласился. Тогда Блудъ послалъ Владиміру сказать: „Я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его“. Ярополкъ собрался идти къ Владиміру, но вѣрный слуга, Варяжко, сказалъ ему: „не ходи, князь, убьютъ тебя! Убѣжимъ лучше къ печенѣгамъ и приведемъ оттуда войско“. Однако же Ярополкъ не послушалъ совѣта вѣрнаго слуги и пошелъ къ Владиміру. Какъ только Ярополкъ вошелъ въ теремъ, Блудъ захлопнулъ за нимъ дверь, а два варяга убили князя мечами. Увидѣвъ, что князь погибъ, Варяжко бѣжалъ къ печенѣгамъ и долго съ ними воевалъ противъ Владиміра, мстя за своего князя.

ВЛАДИМІРЪ ЯЗЫЧНИКЪ.

(980—938).

Началъ Владиміръ одинъ княжить на Руси и поставилъ въ Кіевѣ на холмѣ, за своимъ дворцомъ, много кумировъ языческихъ: Перуна деревяннаго съ серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажь-бога и другихъ. Кіевляне приносили имъ богатыя жертвы, даже, чего прежде не бывало, приносили въ жертву сыновей своихъ и дочерей: такъ осквернилась кровью земля русская!

Разъ, возвратившись въ Кіевъ, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ сосѣдними народами, Владиміръ захотѣлъ отблагодарить боговъ своихъ. И сказали старцы и бояре: „Бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ, и на кого падетъ жребій, того и принесемъ въ жертву богамъ“.

Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Греціи и исповѣдывалъ христіанскую вѣру; у этого варяга былъ сынъ—прекрасный лицомъ и душою. На него-то и палъ страшный жребій.

Посланные къ варягу пришли и сказали ему: „боги выбрали твоего сына, отдай его намъ, и мы принесемъ его въ жертву богамъ“. Отвѣчалъ имъ варягъ: „Не боги то, а дерево; сегодня они есть, а завтра сгниютъ, и сдѣланы они вашими же руками. Богъ же одинъ Тотъ, которому поклоняются греки. Онъ все сотворилъ: и небо, и землю, и человѣка; а ваши боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы. Не отдамъ сына своего бѣсамъ“.

Узнавъ объ отказѣ варяга, народъ бросился съ оружіемъ и разломалъ заборъ около варяжскаго дома. Варягъ стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ и говорилъ оттуда народу: „Если ваши боги—точно боги, то пусть пошлютъ одного бога, чтобы взять моего сына. А вы о чемъ хлопчете?“ Народъ завопилъ отъ ярости, схватился за топоры, подрубилъ сѣни и убилъ обоихъ варяговъ. Никто не знаетъ, гдѣ похоронили этихъ первыхъ мучениковъ русскихъ.

Такъ царствовало въ Россіи язычество; но уже приближался конецъ его.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

(988).

Когда слухъ разнесся о томъ, что Владиміръ очень любитъ разсуждать о различіи вѣръ, чья лучше, то стали къ нему приходять люди разныхъ вѣръ и каждый уговаривалъ принять свою вѣру. Пришли болгары съ Волги и разсказали Владиміру, въ чемъ состоитъ ихъ магометанская вѣра. Но не понравились Владиміру магометанскіе обряды и запрещеніе пить вино, „Русь любить выпить, сказалъ Владиміръ,—не можетъ быть безъ этого“. Пришли потомъ нѣмцы отъ папы.—Выслушалъ и ихъ Владиміръ, но видно не понравились ему нѣмцы, и сказалъ онъ имъ: „никто изъ отцевъ нашихъ не принималъ вашей вѣры, идите себѣ!“ Прислали потомъ пословъ жида хозарскіе, и разсказали эти послы Владиміру, въ чемъ состоитъ еврейская вѣра. Выслушалъ Владиміръ евреевъ и спросилъ ихъ: „а гдѣ земля ваша?“—Они отвѣчали: „Въ Іерусалимѣ“. „Такъ ли, полно?“ спросилъ Владиміръ. Тогда евреи отвѣчали: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ христіанамъ“.—„Чего же вы хотите? сказалъ Владиміръ: не того-ли, чтобы и съ нами случилось то же?“

Послѣ всѣхъ прислали греки къ Владиміру своего мудреца. И разсказалъ онъ князю, въ чемъ состоитъ истинная христіанская вѣра. Выслушалъ Владиміръ внимательно греческаго мудреца и отпустилъ его съ большою честью.

Созвалъ потомъ Владиміръ бояръ, городскихъ старцевъ и разсказалъ имъ, какъ приходили послы отъ болгаръ, жидовъ, грековъ и нѣмцевъ, и какъ уговаривали его принять каждый свою вѣру. „Всякій хвалить свою вѣру, сказали бояре и старцы; если же хочешь узнать правду, то выбери лучшихъ людей и пошли ихъ къ разнымъ народамъ посмотрѣть, какъ они служатъ своему Богу?“ Владиміръ такъ и сдѣлалъ.

Когда послы воротились назадъ, то князь собралъ опять бояръ и старѣйшинъ и приказалъ посламъ передъ всей дружиной разсказать, что они гдѣ видѣли. Разсказали послы, какъ были они у

болгарь и у нѣмцевъ, но что ни то, ни другое богослуженіе имъ не нравилось. „Когда же мы приплы къ грекамъ, продолжали послы, и ввели они насъ въ то мѣсто, гдѣ служатъ Богу своему, то мы не знали, на небѣ ли мы, или на землѣ, и не можемъ позабыть этой красоты. Знаемъ только одно, что тамъ, поистинѣ, пребываетъ Богъ, и что мы здѣсь не останемся: всякій человекъ, попробовавъ сладкаго, отворачивается отъ горькаго“.

Выслушали бояре и сказали князю: „Если бы былъ дурень законъ греческій, то и бабка твоя, мудрѣйшая изъ людей, не приняла бы его“.

Владиміръ рѣшился принять православную христіанскую вѣру; но ему казалось стыдно просить вѣры у грековъ; не хотѣлъ онъ, чтобы коварные греки надъ нимъ возгордились. И рѣшился онъ сначала показать грекамъ свою силу, а потомъ уже креститься.

Въ 988 году пошелъ Владиміръ на Корсунь (греческій городъ въ нынѣшнемъ Крыму, около того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Севастополь). Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ велѣлъ насыпать валъ вокругъ города; но корсунцы подкопали городскую стѣну и уносили по ночамъ землю съ вала къ себѣ въ городъ, такъ что валъ не увеличивался. Въ это время одинъ корсунянинъ пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „на востокъ отъ тебя колодцы, изъ нихъ по трубамъ идетъ вода въ городъ; вели копать и перейми воду“. Когда переняли воду, то корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Войдя въ городъ, Владиміръ послалъ сказать греческимъ царямъ Василию и Константину: „Вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу же я, что у васъ есть сестра дѣвица; если не отдадите ее за меня, то сдѣлаю съ Царьградомъ то же, что и съ Корсунью“.

Услышавъ это, цари опечалились и послали сказать Владиміру: „нельзя христіанокъ отдавать за язычниковъ. Если же крестишься, то сестру нашу получишь и царство небесное; безъ этого же не можемъ выдать за тебя сестры нашей“. И отвѣчалъ Владиміръ посламъ царскимъ: „скажите царямъ, что я готовъ креститься, что прежде уже испыталъ законъ вашъ и что нравится мнѣ ваша вѣра

и ваше богослуженіе. Пусть священники придуть съ сестрою вашею и крестятъ меня“.

Насилу уговорили цари свою сестру Анну идти за Владиміра. „Какъ въ плѣнъ иду, говорила она, лучше бы мнѣ умереть здѣсь“. Съ плачемъ провожали ее родственники, какъ на смерть.

Когда греческій корабль съ царевною, священниками и греческими боярами прибылъ въ Корсунь, корсунцы вышли на встрѣчу, ввели царевну въ городъ и посадили ее во дворцѣ. Въ это самое время разболѣлись у Владиміра глаза. И послала ему царевна сказать: „Если хочешь выздоровѣть, то крестись скорѣй“. Владиміръ согласился. И епископъ корсунскій съ священниками крестилъ Владиміра. Послѣ же крещенія Владиміръ скоро обвѣнчался съ царевной и пошелъ въ Кіевъ, взявъ съ собою священниковъ, мощи, сосуды церковныя и иконы.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ повалить кумировъ: однихъ изрубить, а другихъ бросить въ огонь. Перуна же привязать къ лошадиному хвосту и стащить въ рѣку. Потомъ Владиміръ приказалъ оповѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый ли, бѣдный ли—будетъ мнѣ врагомъ“. И люди шли съ радостію, говоря: „если-бъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее“. На другой день Владиміръ вышелъ съ священниками на Днѣпръ, и сошло людей много множество. Всѣ вошли въ воду, и кто стоялъ въ ней по шею, кто по грудь: малолѣтніе у берега, взрослые подалеже, иные держали младенцовъ на рукахъ; а священникъ на берегу совершалъ обряды крещенія. И была въ этотъ день великая радость и на землѣ, и на небѣ.

Такъ русскіе приняли христіанскую вѣру; но не скоро еще она распространилась по всей Россіи, и долго держались языческія суевѣрія, въ особенности тамъ, гдѣ волхвы и кудесники, не желая утратить прежней своей власти, сбивали народъ съ толку.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

(988—1014).

Принявъ крещеніе. Владиміръ сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ; строилъ церкви, ставилъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не-

давно стояли кумиры языческіе и приносились кровавыя жертвы; разсылалъ священниковъ по городамъ и селамъ крестить людей; устраивалъ школы и бралъ въ нихъ дѣтей лучшихъ гражданъ,— причеиъ матери плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвецамъ, не понимая еще пользы ученія.

Владиміръ любилъ свою дружину, разсуждалъ съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, награждалъ щедро. Онъ любилъ жить весело, и на дворѣ княжескомъ безпрестанно давались пиры, при князѣ и безъ князя. На пирахъ этихъ было большое обиліе всего, и гости требовали, чего хотѣли. Такъ однажды, подгулявши, начали они роптать на князя, говоря: „худо намъ жить у него: даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными“. Услыхалъ это Владиміръ и велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки. „Серебромъ и золотомъ, говорилъ онъ, я не найду дружины; а съ дружиной добу и серебра, и золота“.

Помня слова евангельскія: „Блаженни милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ“, Владиміръ не забывалъ нищихъ и убогихъ, приказывалъ имъ приходить на княжескій дворъ, одѣлалъ ихъ пищею, питьемъ и деньгами. „Но, подумалъ Владиміръ, больные и калѣки не могутъ сами дойти до двора моего“, и приказалъ устроить большіе возы, нагрязить ихъ мясомъ, овощами, рыбой, боченками съ медомъ и квасомъ и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, что не могутъ ходить?“ и раздавать, кому что нужно.

На пиры княжескіе, къ свѣтлому солнышку—князю Владиміру, какъ прозвалъ его русскій народъ, съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи. Бывало тутъ много умныхъ, старыхъ людей, умныя рѣчи которыхъ любилъ слушать Владиміръ, бывало много и сильныхъ, могучихъ богатырей, сослужившихъ не одну службу ласковому князю. Народъ нашъ ни про кого не сложилъ столько пѣсень, какъ про князя Владиміра и про его могучихъ богатырей.

Съ сосѣдними государями: Польскимъ, Венгерскимъ, Чешскимъ, жилъ Владиміръ въ любви и согласіи; но часто приходилось ему воевать съ кочевыми степными варварами.

Разъ напали на Русь печенѣги, и Владиміръ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ; и стоялъ Владиміръ по сю сторону рѣки, а печенѣги — по другую, и не смѣли перейти рѣку ни печенѣги, ни наши. Тогда князь печенѣжскій подѣхалъ къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: „Вышли ты своего богатыря, а я своего, — и пусть поборются. Если твой одолѣетъ, мы не будемъ воевать три года; — если же нашъ, — то три года будемъ опустошать твою землю“.

Воротившись къ себѣ въ станъ, Владиміръ велѣлъ кличь кликать по палаткамъ; „Нѣтъ ли такого богатыря, чтобы поборолся съ печенѣгомъ?“ И не нашлось никого.

На другой день пріѣхали печенѣги и привели своего богатыря, а у насъ никого не было. Сильно опечалился Владиміръ и не зналъ что дѣлать. Приходить къ нему одинъ старикъ и говорить: „Княже, вышелъ я на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, младшій, остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ побороть этого моего младшаго сына; а разъ когда я бранилъ его, а онъ сидѣлъ и мялъ руками воловью кожу, то разсердился на меня и разорвалъ кожу руками“.

Обрадовался князь и послалъ за младшимъ сыномъ старика. Когда молодой богатырь пришелъ, то князь рассказалъ ему въ чѣмъ дѣло. „Не знаю, князь, отвѣчалъ юноша, могу ли я бороться съ печенѣгомъ. Пусть прежде испытаютъ меня. Нѣтъ ли здѣсь быка большого и сильнаго?“ Нашли такого быка, раздражили его каленымъ желѣзомъ и пустили. Когда быкъ бѣжалъ мимо, то богатырь схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ у него кожу, и съ мясомъ, сколько рука захватила. Сказалъ тогда Владиміръ: „можешь бороться съ печенѣгомъ“.

На другое утро пришли опять печенѣги со своимъ богатыремъ; пришелъ и нашъ. Печенѣжскій богатырь былъ очень великъ ростомъ и страшенъ видомъ, а нашъ гораздо поменьше. И сталъ печенѣгъ надъ нимъ издѣваться.

Размѣрили мѣсто между обоими войсками и пустили борцовъ. Схватились борцы и начали давить другъ друга руками. Нашъ

сдавилъ печенѣга до смерти и ударилъ о землю. Увидя это, печенѣги кинулись бѣжать, а русскіе погнались за ними: многихъ порубили, а другихъ прогнали въ степь. Радъ былъ Владиміръ, и заложилъ на этомъ мѣстѣ городъ Переяславль, а молодого богатыря и старика отца его сдѣлалъ большими людьми.

Стараясь оградить Русь отъ нападенія степныхъ дикарей, Владиміръ выстроилъ много городовъ по нашей степной границѣ, населяя ихъ жителями другихъ мѣстъ.

У Владиміра отъ разныхъ женъ было 12 человекъ дѣтей, и онъ раздѣлилъ между ними Русскую землю на 12 удѣловъ. Но и самъ Владиміръ еще при жизни своей испыталъ, какъ дурно было такое дѣленіе единой Русской земли. Ярославъ, сидѣвшій въ Великомъ Новгородѣ, отказался платить дань отцу. Владиміръ сталъ собираться войною на непокорнаго сына: велѣлъ рубить просѣки по лѣсамъ и стлать мосты по болотамъ для прохода войска; но самъ захворалъ. Въ это самое время печенѣги опять напали на Русь. Владиміръ послалъ противъ нихъ своего любимаго сына, Бориса; но самъ еще больше разболѣлся и померъ въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева.

Приближенные скрыли его смерть, а ночью обернули тѣло князя въ коверъ и, проломавъ въ теремѣ полъ, спустили на землю; положивши въ сани, тайно ночью провезли въ Кіевъ и поставили въ церковь Святой Богородицы; но старшій сынъ Владиміровъ, Святополкъ, котораго кіевляне не любили, все же узналъ ранѣе другихъ о смерти отца и послѣшилъ въ Кіевъ, чтобъ занять великокняжескій престолъ: боялся Святополкъ, что кіевляне, любя Бориса больше всѣхъ другихъ князей, выберутъ его кіевскимъ княземъ.

СВЯТОПОЛКЪ ВРАТОУВІЙЦА.

(1015—1019).

Не найдя печенѣговъ, Борисъ возвращался съ войскомъ назадъ, — когда пришла къ нему вѣсть о смерти отца. Горько плакалъ Борисъ по отцѣ, а дружина отцовская говорила ему: „У тебя и дружина отцовская, и войско; пойдѣ въ Кіевъ и сядь на

мѣстѣ твоего отца! — Нѣтъ, отвѣчалъ Борисъ, не подыму я руки на брата старѣйшаго. Пусть онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Тогда воины ушли отъ Бориса, и онъ остался одинъ на рѣкѣ Альтѣ съ немногими отроками своими. Святополкъ же, задумавъ погубить Бориса, послалъ къ нему сказать: „хочу жить съ тобою въ любви и прибавлю еще къ тому, что далъ тебѣ отецъ“. А между тѣмъ, самъ ночью отправился въ Вышгородъ, призвалъ къ себѣ какого-то злодѣя, Пушту, и вышгородскихъ старшинъ и спросилъ ихъ: „преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ — „Головы свои за тебя сложимъ“, отвѣчали Пушта и вышгородцы. Тогда Святополкъ сказалъ имъ: „ступайте же тайно и убейте брата моего Бориса“. Они обѣщали сдѣлать все, что онъ хотѣлъ.

Ночью пришли убійцы къ рѣкѣ Альтѣ, гдѣ стоялъ станъ Бориса, и когда стали подходить къ его палаткѣ, то услышали, что Борисъ поетъ заутреню; къ нему уже пришла вѣсть, что хотятъ погубить его.

Помолившись, легъ Борисъ на постель, а убійцы, какъ дикіе звѣри, бросились на шатеръ и закололи копьями Бориса и любимаго отрока его Георгія, который собою хотѣлъ закрыть князя. Убійцы завернули Бориса, который еще дышалъ, въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли. Узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, Святополкъ послалъ двухъ варяговъ, и тѣ покончили князя.

Убивъ Бориса, окаянный Святополкъ сталъ думать, какъ бы ему убить и Глѣба, и послалъ сказать въ Муромъ къ Глѣбу, который еще не зналъ о смерти отца: „Отецъ заболѣлъ и зоветъ тебя: пріѣзжай поскорѣе“. Глѣбъ немедленно выѣхалъ къ Кіеву съ малой дружиной. Но еще на дорогѣ пришла ему вѣсть изъ Новгорода, отъ Ярослава, объ отцовской смерти. „Не ходи въ Кіевъ, извѣщаль Ярославъ, отецъ померъ, а братъ твой Борисъ убитъ Святополкомъ“. Услыхавъ о смерти отца и брата, Глѣбъ сталъ плакать и молиться; а въ это самое время пришли убійцы, подосланные Святополкомъ, и по ихъ приказанію поваръ Глѣбовъ зарѣзалъ князя.

Окаянный Святополкъ убиль и третьяго брата, Святослава. Святославъ бѣжалъ было въ Венгрію, но убійцы догнали его. Послѣ этого сталъ Святополкъ думать: „перевѣю всѣхъ братьевъ и стану одинъ владѣть въ Русской землѣ“. Но гроза на него приближалась изъ Новгорода.

Новгородцы дали Ярославу войско, и онъ пошелъ на Святополка. Святополкъ тоже собралъ много войска—руси и печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брата стали другъ противъ друга на берегахъ Днѣпра, и ни тотъ, ни другой не смѣли начать битвы. И стояли они такъ три мѣсяца. Однажды воевода Святополковъ, вѣдя по берегу, сталъ корить новгородцевъ: „зачѣмъ вы, плотвики, пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ, мы заставимъ васъ строить намъ дома“. Разсердились новгородцы и сказали Ярославу: „Завтра же перейдемъ на ту сторону; а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ“. Начались уже заморозки. Святополкъ стоялъ съ войскомъ между двумя озерами и шилъ всю ночь съ своею дружиною. На разсвѣтѣ перешелъ Ярославъ съ войскомъ на другой берегъ. Новгородцы оттолкнули лодки отъ берега, чтобы никому нельзя было воротиться назадъ, и пошли на враговъ. Началась злая сѣча. Печенѣгамъ изъ-за озера нельзя было помочь Святополку, и новгородцы притиснули Святополка съ дружиною къ озеру и заставили ихъ отступать по льду; ледъ же обломился. Видя, что все пропало, Святополкъ бѣжалъ и скрылся въ Польшѣ, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

На слѣдующій же годъ Святополкъ пришелъ опять на Ярослава съ Болеславомъ, королемъ польскимъ. Ярославъ съ варягами и русью встрѣтилъ поляковъ на рѣкѣ Вугѣ. Ярославовъ воевода и воспитатель Будый началъ издѣваться надъ королемъ Болеславомъ, говоря: „вотъ, мы проткнемъ щепкой брюхо твое толстое!“ Болеславъ былъ такъ толстъ, что едва могъ взлѣзть на лошадь, но былъ уменъ и сказалъ дружинѣ: „если вамъ не жаль, что такъ издѣваются надо мною, то я одинъ пойду на враговъ!“ Сѣлъ на лошадь и поѣхалъ черезъ рѣку вбродъ; а за нимъ кинулось войско его. Нападеніе было такъ сильно, что Ярославъ не успѣлъ приготовиться къ отпору,

былъ разбить и убѣжалъ въ Новгородъ только съ четырьмя челоуѣками; а Болеславъ съ Святополкомъ заняли Кіевъ. Польское войско разбѣстали по городамъ. Святополку скоро показались тяжелы такіе гости, и онъ велѣлъ избивать поляковъ. Тогда Болеславъ, ограбивши Кіевъ, ушелъ въ Польшу.

Прибѣжавъ въ Новгородъ, Ярославъ хотѣлъ уже уйти за море, но новгородцы его не пустили, говоря: „хотимъ еще биться съ Святополкомъ“. Стали собирать деньги, войско, призвали варяговъ. Святополкъ, оставленный Болеславомъ, узнавъ, что братъ опять идетъ на него, бѣжалъ къ печенѣгамъ, собралъ тамъ множество войска и пошелъ на Ярослава. Братья встрѣтились на берегу рѣки Альты. И только что показалось солнце, началась сѣча, да такая, какой еще не видали на Руси! Рубились мечами, схватывая другъ друга за руки; кровь по удольямъ текла ручьями. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ.

Святополкъ бѣжалъ; на него напалъ такой страхъ, что онъ, какъ Каинъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ идти; отроки взяли его на посылки и повесли. Но какъ только хотѣли гдѣ нибудь остановиться для отдыха, то убійца кричалъ: „Бѣгите со мною, за нами гонятся!“ хотя не видно было никого, кто бы гнался за ними. Братоубійца не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Пробѣжалъ онъ черезъ всю Польшу и погибъ гдѣ-то въ пустынѣ, между польской и чешской землями.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ, но не долго былъ миръ на Русской землѣ. На пятый же годъ другой братъ Ярослава, Мстиславъ, князь тмутараканскій, пошелъ на Ярослава войной. Это былъ князь воинственный, храбрый и искусный въ битвахъ, не разъ побѣждавшій народовъ прикавказскихъ. Ярославъ въ это время былъ въ Новгородѣ, призвалъ варяговъ и пошелъ на брата. Братья встрѣтились у Листвена. Началась страшная битва, а въ это время была и страшная гроза; блистала и молнія, и оружіе. Мстиславъ одолѣлъ ярославовыхъ варяговъ, и Ярославъ бѣжалъ. Однако-же, послѣ битвы, Мстиславъ послалъ сказать брату: „Ты мнѣ старшій братъ, седи въ своемъ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ эга земля по

ту сторону Двѣпра“. И остался княжить въ Черниговѣ. Съ тѣхъ поръ былъ миръ между братьями въ Русской землѣ. Когда же, въ 1036 году, Мстиславъ умеръ, то Ярославъ сдѣлался единодержавнымъ княземъ Руси.

ЯРОСЛАВЪ И ПЕРВЫЕ ЕГО ПРЕЕМНИКИ.

(1035—1054).

По смерти брата своего Мстислава, Ярославъ сталъ княжить одинъ въ Русской землѣ; только въ Полоцкѣ былъ свой особый князь, Вячиславъ Изяславичъ, отъ старшаго сына Владимірова, Изяслава. Въ княженіе Ярослава была тишина въ Русской землѣ, и сосѣди ее не смѣли трогать.

Ярославъ любилъ церковь и ученье, устраивалъ школы, приказывалъ переводить церковныя книги съ греческаго языка на славянскій, строилъ церкви, украшалъ ихъ золотомъ, серебромъ, дорогими иконами. Такъ, онъ построилъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ и такой же въ Новгородѣ. Строилъ города на отдаленныхъ предѣлахъ Россіи, для защиты отъ враговъ: Ярославль—на Волгѣ, Юрьевъ—нынѣшній Дергтъ—въ чудской землѣ.

Ярославъ первый далъ письменные законы, извѣстные подъ именемъ „Русской правды“, которые впослѣдствіи добавлялись другими князьями. Помня великія услуги новгородцевъ, не разъ спасавшихъ его въ борьбѣ съ Святополкомъ, Ярославъ далъ Новгороду *льготныя грамоты*, и, ссылаясь на эти грамоты, новгородцы долго управлялись сами собою. Собирая по звуку колокола вѣче на *Ярославовомъ дворѣ*, рѣшали они сами всѣ важнѣйшія дѣла: объявляли войну и заключали миръ; призывали князей, а поссорившись съ ними, изгоняли; избирали посадниковъ, тысяцкихъ и другія земскія власти,—тогда какъ въ прочихъ городахъ все почти зависѣло отъ князя.

Передъ смертью Ярославъ призывалъ дѣтей своихъ; завѣщалъ имъ жить мирно, не ссориться, слушаться старшаго брата, какъ слушались отца, и раздѣлялъ между ними всю Русскую землю на пять

областей: Изяславу отдалъ Кіевъ и Великій Новгородъ; Святославу—Черниговъ; Всеволоду—Переяславль; Вячеславу—Смоленскъ; а Игорю—Владиміръ на Волыни. „Ты-же“, сказалъ онъ Изяславу, „если кто захочетъ обидѣть брата, помогай обиженному“. Вскорѣ Ярославъ разболѣлся и померъ. Тѣло его положили въ мраморномъ гробѣ, въ церкви Святой Софіи.

Не долго дѣти Ярослава соблюдали завѣтъ отца своего—жить въ любви и мирѣ. Начались ссоры изъ-за того, что Ярославъ, назначивъ удѣлы сыновьямъ своимъ, не далъ ничего ни родному внуку своему Ростиславу, сыну своего старшаго сына Владиміра, умершаго еще при отцѣ, ни двоюродному, Всеславу, сыну Брючислава полоцкаго. Потомъ Святославъ черниговскій, уже безъ всякаго права, захотѣлъ отнять Кіевъ у старшаго брата, такъ что Изяславу нѣсколько разъ приходилось бѣжать изъ Кіева и искать себѣ помощи у чужеземцевъ.

Послѣ Изяслава великимъ княземъ кіевскимъ сдѣлался Всеволодъ Ярославовичъ, такъ какъ Святославъ черниговскій уже померъ. Всеволодъ былъ тоже князь слабый, котораго поддерживалъ только храбрый, мужественный сынъ его Владиміръ, прозванный Мономахомъ.

По смерти Всеволода уже не осталось въ живыхъ никого изъ дѣтей Ярослава, а были только внуки и правнуки, и великимъ княземъ былъ признанъ старшій изъ внуковъ, сынъ Изяслава,—Святополкъ.

По обычаю того времени, не сынъ наследовалъ отцу въ его удѣлѣ и въ великомъ княженіи, а старшій въ родѣ, чаще всего братъ покойнаго. Но дѣти не хотѣли уступать дядямъ отцовскаго наследства, и оттого возникали непрерывныя распри и междоусобія между князьями. Одинъ князь губилъ другого, захватывалъ въ плѣнъ или выгонялъ изъ удѣла, а изгнанные искали часто защиты и помощи у чужеземцевъ и приводили на Русскую землю то венгровъ, то варваровъ половцевъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе размножались княжескіе роды: Русская земля дробилась, и при каждомъ новомъ передѣлѣ не обходилось безъ распрей и между-

усобныхъ войнъ. Народъ бѣдствовалъ, духовенство громко обвиняло князей; но дружина, для которой война была ремесломъ, часто ссорила ихъ, а князья наши и безъ того любили войну.

ОСНОВАНІЕ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

При Ярославѣ основалась Кіево-печерская лавра. И вотъ каково было ея начало.

Въ Берестовѣ, близъ Кіева, гдѣ любилъ проживать Ярославъ, былъ священникъ по имени Иларіонъ, человѣкъ добродѣтельный, книжникъ и постникъ. Съ Берестова онъ часто ходилъ на холмъ, на берегу Днѣпра, и молился тамъ Богу въ густомъ лѣсу. Здѣсь выкопалъ онъ для молитвы небольшую пещерку, сажени въ двѣ, и въ ней часто отпѣвалъ часы и молился тайно.

Ярославъ зналъ Иларіона, любилъ его и сдѣлалъ потомъ митрополитомъ кіевскимъ; а пещерка такъ и осталась.

Черезъ нѣсколько времени, одинъ человѣкъ изъ города Любеча пошелъ въ Грецію и въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей, на „Святой горѣ“, постригся въ монахи подъ именемъ Антонія. Игумень монастыря сказалъ Антонію: „Ступай въ Русь опять: надъ тобой будетъ благословеніе Святой горы и размножатся отъ тебя на Руси монахи“.

Антоній пришелъ въ Кіевъ, долго искалъ мѣста, гдѣ бы поселиться, нашель наконецъ пещеру, вырытую Иларіономъ, и поселился въ ней. Здѣсь велъ онъ строгую монашескую жизнь: молился Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день; самую воду цилъ умѣренно и все раскапывалъ пещерку дальше и дальше, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

Когда Ярославъ умеръ, то Антоній сдѣлался уже такъ извѣстенъ, что сынъ Ярослава, великій князь кіевскій Изяславъ, приходилъ къ нему съ дружиною, прося молитвы и благословенія. Собралось къ Антонію 12 человѣкъ братіи, выкопали большую пещеру, устроили въ ней кельи и церковь. Антоній поставилъ надъ братією игуменомъ—Варлаама, а самъ сказалъ: „Вотъ вамъ игумень, я же привыкъ къ уединенію и пойду искать себѣ дру-

гого мѣста“. Выкопалъ себѣ въ горѣ новую пещеру и сталъ въ ней жить.

Число монаховъ размножилось, и они спросили совѣта у Антонія, какъ бы имъ устроить монастырь. Антоній послалъ одного изъ монаховъ къ князю Изяславу сказать: „Князь, Богъ умножаетъ братію, а мѣста ей мало; далъ бы ты намъ гору, что надъ пещерой“. Изяславъ далъ съ радостію. Игуменъ и братія заложили большую церковь, обнесли монастырь стѣною, поставили много келій. И такимъ-то образомъ начался пещерскій монастырь.

Когда Варлаамъ былъ переведенъ въ другой монастырь, то Антоній выбралъ игуменомъ Феодосіа. При Феодосіи число монаховъ возросло до 100 человѣкъ. Монастырь принялъ уставъ греческаго Студійскаго монастыря, и этотъ уставъ распространился потомъ и по другимъ монастырямъ русскимъ. Антоній же, проживъ безвыходно 40 лѣтъ въ своей пещерѣ, въ пей и скончался; тамъ и теперь покоятся его мощи.

При Феодосіи пришелъ въ монастырь 17-ти лѣтній юноша и постригся въ монахи подъ именемъ Нестора. Этотъ то Несторъ и описалъ намъ, какъ устроилось русское государство, какъ жили наши предки, и что дѣлали наши первые князья. Мощи лѣтописца Нестора и теперь почіютъ въ кievскихъ пещерахъ. Лѣтопись Нестора переписывалась потомъ много разъ и разошлась по другимъ монастырямъ, а другіе лѣтописцы, — такіе же монахи, какъ и Несторъ, — прибавляли къ ней годъ за годъ то, что случалось въ ихъ время; такъ и дошло до насъ преданіе о томъ, какъ жили и что дѣлали наши предки.

Все, что вы до сихъ поръ прочитали изъ русской исторіи, взято почти слово въ слово, съ небольшими измѣненіями, изъ лѣтописи преподобнаго Нестора.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БАСНИ И РАЗСКАЗЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ИГРАЮЩІЯ СОБАКИ.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлась на солнышкѣ большая дворовая собака Полканъ.

Къ Полкану подбѣжалъ маленькій Мопсъ и сталъ на него кидаться и лаять; хваталъ его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдалъ большой и угрюмой собаке. „Погоди-ка, вотъ она тебѣ задастъ!“ сказалъ Володя: „проучить она тебя!“ Но Мопсъ не переставалъ играть, а Полканъ смотрѣлъ на него очень благосклонно.

— Видишь-ли, сказалъ Володѣ отецъ, Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобою начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ приколотишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

ДВА КОЗЛИКА.

Два упрямые козлика встрѣтились однажды на узкомъ бревнѣ, переброшенномъ черезъ ручей. Обоиъ разомъ перейти ручей было

невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назадъ, дать другому дорогу и обождать. „Уступи мнѣ дорогу“, сказалъ одинъ. — „Вотъ еще, поди-ка ты, какой важный баринъ!“ отвѣчалъ другой: — „пяться назадъ: я первый взомель на мость“. — „Нѣтъ, братъ! я гораздо постарше тебя годами, и мнѣ уступить молокоосу! Ни за что!“ Тутъ оба, долго не думавши, столкнулись крѣпкими лбами, сѣпились рогами и, упираясь тоненькими ножками въ колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрянца поскользнулись и полетѣли прямо въ воду.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЬ.

Прекрасная, сильная лошадь, безъ всякой поклажи, и тяжело навьюченный осель шли по дорогѣ за своимъ хозяиномъ. „Любезная лошадь, сказалъ осель, — возьми на себя хоть маленькую часть моей ноши; я задыхаюсь подъ тяжестью!“ Лошадь гордо отказалась. Вздохнулъ бѣдный осель и, опустивъ уши, побрелъ далѣе, но, протащившись еще кое-какъ съ верету, пошатнулся, упалъ и издохъ. Теперь только увидѣлъ хозяинъ, какъ онъ былъ несправедливъ къ бѣдному животному, и что напрасно баловалъ онъ сильную молодую лошадь. Погоревалъ хозяинъ, попенялъ на себя; но дѣлать нечего, надобно было ѣхать далѣе. И вотъ онъ навьючилъ всю ослиную ношу на гордую лошадь, да прибавилъ къ ношѣ еще и ослиную кожу, которой не хотѣлъ даромъ бросить на дорогѣ.

— Подѣломъ мнѣ, подумала лошадь; — если бы я сжалилась надъ моимъ бѣднымъ слутникомъ, то и онъ былъ бы живъ, да и мнѣ не пришлось бы теперь такъ тяжело.

ВѢТЕРЬ И СОЛНЦЕ.

Однажды Солнце и сердитый сѣверный Вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшились помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ

это самое время ѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ. „Посмотри“, сказалъ Вѣтеръ, „какъ я налечу на него; мигомъ сорву съ него плащъ!“ Сказалъ—и началъ дуть, что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался Вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ; онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхалъ все дальше и дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣлъ, осыпалъ бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ; проклиная Вѣтеръ, путешественникъ надѣлъ свой плащъ въ рукава и подпоясался поясомъ. Тутъ уже Вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя безсиліе своего соперника, улыбнулось, выглянуло изъ-за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзлаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ приободрился, благословилъ Солнце, самъ снялъ свой плащъ, свернулъ его и привязалъ къ сѣдлу. „Видишь-ли“, сказало тогда кроткое Солнце сердитому Вѣтру: „лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ“.

ДВА ПЛУГА.

Изъ одного и того же куска и въ одной и той же мастерской были сдѣланы два плуга. Одинъ изъ нихъ попалъ въ руки земледѣльца и немедленно пошелъ въ работу; другой долго и совершенно бесполезно провалялся въ лавкѣ купца. Случилось черезъ нѣсколько времени, что оба земляка опять встрѣтились. Плугъ, бывшій у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро и былъ даже еще лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ только-что вышелъ изъ мастерской; плугъ же, пролежавшій безъ всякаго дѣла въ лавкѣ, потемнѣлъ и покрылся ржавчиной. „Скажи, пожалуйста, отчего ты такъ блестяшь?“ спросилъ заржавѣвшій плугъ у своего стараго знакомца. „Отъ труда, мой милый“, отвѣчалъ тотъ; „а если ты заржавѣлъ и сдѣлался хуже, чѣмъ былъ, то это потому, что все то время ты пролежалъ на боку, ничего не дѣлая“.

ОРГАНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Однажды Органы Человѣческаго Тѣла перессорились между собою и рѣшили не служить болѣе другъ другу. Ноги сказали: „Почему мы именно должны носить все Тѣло? пусть оно сдѣлаетъ само себѣ другія ноги, да и ходить сколько угодно“. Руки также сказали: „И мы не хотимъ работать для другихъ; устройте себѣ другія руки, и пусть онѣ для васъ трудятся“. Ротъ проворчалъ: „Глупъ же я буду, если ни за что ни про что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы онъ ее потомъ переваривалъ, развалившись, какъ какой-нибудь важный баринъ. Нѣтъ, поищи себѣ другого рта; а я тебѣ больше не слуга!“ Глаза находили также очень страннымъ, что они должны смотрѣть за все Тѣло и стоять безпрестанно на стражѣ. Такъ разговаривали между собою всѣ Органы Человѣческаго Тѣла и рѣшили не служить болѣе другъ другу. Что же случилось? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки перестали работать, ротъ пересталъ ѣсть и глаза закрылись, то все Тѣло, оставшись безъ движенія и пищи, начало слабѣть, хирѣть и едва было совершенно не замерло. Всѣмъ Органамъ, составляющимъ Тѣло, стало тяжело и пришлось бы еще хуже, если бы они не догадались, какъ глупо они поступили. „Нѣтъ, такъ жить плохо“, подумали они: помирились, стали попрежнему другъ на друга работать—и все Тѣло поправилось и сдѣлалось здоровымъ и сильнымъ.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Сережа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ:—Пойдемъ, поищемъ, не осталось-ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго, и полакоимся.—„Еслибъ ты повелъ меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою“,—отвѣчала Аннушка.—Пойдемъ въ кладовую: тамъ мы найдемъ что-нибудь хорошенькое, и никто насъ не увидитъ.—„Нѣтъ, Се-

режа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ: онъ колетъ на дворѣ дрова“. — Ну, такъ пойдѣмъ въ кухню, — уговаривалъ Сережа сестру: — тамъ стоитъ цѣлый горшокъ меду, и мы намажемъ себѣ по большому ломтю хлѣба. — „Въ кухнѣ увидитъ насъ сосѣдка: она вѣрно теперь сидитъ у окна и придетъ“. — Ахъ, какая же ты трусиха, Анюта, сказалъ маленькій лакомка; — пойдѣмъ, — если такъ, въ погребъ кушать яблоки; тамъ уже навѣрно насъ никто не увидитъ. — „Ахъ, милый Сережа, неужели ты думаешь, что въ погребѣ насъ никто не увидитъ?.. Развѣ ты не знаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны, и отъ Котораго въ темнотѣ нельзя скрыться?“ Сережа испугался. — Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ, — Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческій глазъ ничего не видитъ; а потому ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ.

Л Ю Б О П Ы Т С Т В О .

Павлуша (съ любопытствомъ). Что это тамъ у тебя въ передникѣ, Лиза? — *Лиза.* А тебѣ это очень нужно знать? — *Павлуша (шутя).* Покажи-же, а не то я насильно посмотрю. — *Лиза.* Ничего тамъ нѣтъ. — *Павлуша.* Не правда: ты что-то прячешь отъ меня. Покажи; пожалуйста, покажи. — *Лиза.* Не тронь; можетъ быть, это подарокъ тебѣ къ Новому Году. — *Павлуша.* Какъ? что? подарокъ къ Новому Году? Покажи-же, душечка сестрица, покажи, что тамъ такое (*хочетъ вырвать передникъ изъ рукъ сестры, но Лиза не даетъ*). Скажи, по крайней мѣрѣ, что это такое? Вѣрно, кошелекъ? Не правда ли, кошелекъ? — *Лиза.* Зачѣмъ тебѣ кошелекъ; развѣ я тебѣ не связала кошелекъ? — *Павлуша.* Что жъ бы это было такое? Ахъ, знаю: ты связала мнѣ шарфикъ? — *Лиза.* У тебя два шарфика, на что же тебѣ третій? — *Павлуша.* Какъ ты меня мучаешь, сестрица! какая ты скрытная! — *Лиза.* Какой ты любопытный! — *Павлуша.* Знаю, знаю! Это, вѣрно, батюшка купилъ мнѣ что-нибудь къ Новому Году: какая-нибудь игрушка? — *Лиза.* Можетъ быть, батюшка и купилъ

тебѣ что-нибудь; но ты знаешь, какъ онъ не любить, чтобы угадывали заранѣе его подарки. — *Павлуша*. Да я ему не скажу, и въ Новый Годъ притворюсь, какъ будто ничего не знаю. — *Лиза*. Я и не знала, что ты умѣешь такъ притворяться. Покажи-же, какъ ты это сдѣлаешь. — *Павлуша*. Ужъ сдѣлаю какъ-нибудь; но помоги мнѣ, пожалуйста, отгадать, что тамъ у тебя такое. Что-нибудь изъ царства растительнаго? — *Лиза*. Нѣтъ! — *Павлуша*. Изъ царства животнаго? — *Лиза*. Нѣтъ! — *Павлуша*. Изъ царства минеральнаго? — *Лиза*. Нѣтъ! — *Павлуша*. Теперь же я тебя поймалъ: конечно, нѣтъ въ твоемъ передникѣ чего-нибудь изъ царства духовъ? — *Лиза*. Конечно, нѣтъ (*опускаетъ со смѣхомъ передникъ и показываетъ, что въ рукахъ у нея ничего нѣтъ*). Къ какому царству принадлежитъ ничто? — *Павлуша*. Ахъ ты, плутовка! Зачѣмъ-же ты такъ таинственно закрывала руки передникомъ, какъ будто бы у тебя и Богъ знаетъ что такое? — *Лиза*. Мнѣ просто было холодно безъ перчатокъ; а ты самъ себя наказалъ своимъ любопытствомъ. — *Павлуша*. Хорошо! Хорошо! но знаешь ли, что я скажу тебѣ, Лиза!.. Въ другой разъ уже ты меня такъ не проведешь.

Г У С И.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ-ли такъ же летать наши домашніе гуси? *Отецъ*. Нѣтъ. — *В*. Кто же кормитъ дикихъ гусей? — *От*. Они сами отыскиваютъ себѣ пишу. — *Вася*. А зимою? — *От*. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны, а весной возвращаются снова. — *В*. Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ хорошо, и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны? — *От*. Потому-что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ. — *В*. Но почему это случилось съ ними? — *От*. Потому-что люди о нихъ заботятся и

отучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.— В. Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себѣ дѣлать, а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Индѣецъ Сѣверной Америки, возвратившись въ свою хижину, открылъ, что окорокъ ветчины, который онъ повѣсилъ на дерево провалиться, былъ украденъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, индѣецъ пустился преслѣдовать вора и спрашивалъ у всѣхъ, кто встрѣчался ему: не видали ли они стараго бѣлаго человѣка, небольшого роста, съ короткимъ ружьемъ и съ небольшою собакою, у которой очень длинный и лохматый хвостъ? Многіе отвѣчали ему, что дѣйствительно встрѣчали такого человѣка; но въ то же время спрашивали, какъ онъ могъ дѣлать такое подробное описаніе лица, котораго никогда не видалъ. „Что воръ небольшого роста“, отвѣчалъ индѣецъ, „это я заключилъ изъ того, что онъ долженъ былъ подкладывать камни, чтобы снять ветчину, которую я повѣсилъ, стоя на землѣ; что онъ старикъ—я знаю это по его короткимъ шагамъ, слѣды которыхъ остались на упавшихъ листьяхъ въ лѣсу; что онъ бѣлый—я знаю это потому, какъ онъ выворачиваетъ свои пятки, чего индѣецъ никогда не дѣлаетъ. Ружье его должно быть коротко; это я видѣлъ потому, что, поставивъ его у дерева, онъ сдернулъ немного кору. Собака его не велика—это видно по ея слѣдамъ; а что у нея пушистый хвостъ—это я замѣтилъ по знаку, который она оставила на пескѣ, когда сидѣла и облизывалась, пока хозяинъ ея красть мою ветчину“.

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Даже животныя чувствуютъ благодарность къ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро; неужели человекъ можетъ быть неблагодарнымъ? Животныя привязаны и преданы своимъ господамъ; въ особенности отличаются этимъ собаки.

Одинъ купецъ отправился въ дорогу верхомъ, и слѣдомъ за нимъ бѣжалъ его вѣрный пудель. Купецъ бѣжалъ за тѣмъ, чтобы получить большую сумму денегъ. Получивъ деньги и привязавъ ихъ въ мѣшокъ къ сѣдлу, поѣхалъ онъ домой. Дорогою мѣшокъ отвязался и упалъ, а купецъ и не замѣтилъ. Зоркій пудель видѣлъ, какъ упалъ мѣшокъ; попробовалъ было поднять его зубами, но почувствовалъ, что онъ былъ ему не подъ силу. Тогда пудель, оставивъ мѣшокъ, догналъ своего господина, забѣжалъ впередъ, сталъ кидаться на лошадь и лаять съ ожесточеніемъ и упорствомъ. Не зная въ чемъ дѣло, купецъ кричалъ на пуделя, бранилъ его, ударилъ кнутомъ—ничто не помогало! Вѣрное животное продолжало кидаться на лошадь съ такою яростію, какъ-будто хотѣло стащить долой своего хозяина. Видя, что ничто не помогаетъ, и что купецъ все ѣдетъ дальше и дальше, пудель сталъ кусать за ноги лошадь, чтобы заставить хозяина воротиться. Купецъ испугался: ему пришло на мысль, что пудель его *взбѣсился* и, зная, какъ опасны бѣшенныя собаки, купецъ рѣшился застрѣлить своего вѣрнаго слугу. Долго еще, однако-жъ, старался онъ отдѣлаться отъ пуделя то ласками, то угрозами, то ударами кнута: но видя, что ничто не помогаетъ, вынулъ пистолетъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выстрѣлилъ въ вѣрную собаку. Бѣдное животное упало; но черезъ минуту опять поднялось и съ жалобнымъ визгомъ, обливаясь кровью, старалось слѣдовать за хозяиномъ. Купецъ очень любилъ своего вѣрнаго пуделя; ему было тяжело смотрѣть, какъ онъ страдаетъ, и потому онъ, пришпоривъ лошадь, ускакалъ впередъ. Отбѣжавъ немного, купецъ захотѣлъ взглянуть, что случилось съ бѣднымъ животнымъ, и тутъ только, оборачиваясь назадъ, замѣтилъ онъ, что мѣшокъ съ деньгами не было у сѣдла. Понявъ тогда купецъ, зачѣмъ такъ упорно лаяла и кидалась на него вѣр-

ная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денегъ. Онъ тотчасъ же поскакалъ назадъ; но не нашель уже пуделя на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Слѣды крови по дорогѣ показывали, что собака воротилась назадъ. Какъ больно было доброму купцу, когда, отправившись по кровавымъ слѣдамъ, онъ нашель вѣрное животное издыхающимъ у мѣшка съ деньгами. Понятливо смотрѣла собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку. Черезъ нѣсколько минутъ пудель издохъ; и купецъ, не радуясь и найденнымъ деньгамъ, воротился домой.

БОДЛИВАЯ КОРОВА.

(Изъ разсказовъ хуторянина).

Была у насъ корова, да такая характерная, бодливая, что бѣда! Можетъ быть потому и молока у ней было мало. Помучились съ ней и мать, и сестры. Бывало, прогонять въ стадо, а она или домой о полдень придереть, или въ житахъ очутится,—иди, выручай! Особенно, когда бываль у нея теленокъ—удержу нѣтъ! Разъ даже весь хлѣвъ разворотила, къ теленку билась; а рога-то у нея были длинные да прямые. Ужъ не разъ собирался отецъ ей рога отпилить, да какъ-то все откладывалъ, будто что предчувствовалъ, старый. А какая была увертливая, да прыткая! Какъ подниметь хвостъ, опустить голову да махнуть,—такъ и на лошади не догонишь. Вотъ разъ, лѣтомъ, прибѣжала она отъ пастуха, еще задолго до вечера:—было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорить сестрѣ,—дѣвочкѣ этакъ лѣтъ двѣнадцати: „погони, Феня, ихъ къ рѣчкѣ, пусть по бережку попасутся, да смотри, чтобъ въ жито не затесались. До ночи еще далеко; что имъ тутъ безъ толку стоять“. Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережокъ, пустила пастись, а сама подъ вербой сѣла и стала вѣнокъ плести изъ васильковъ, что по дорогѣ во ржи нарвала; плететь и пѣсенку поеть.

Слышитъ Феня, что-то въ лознякѣ зашуршало; а рѣчка съ обоихъ береговъ густымъ лознякомъ обросла. Глядитъ Феня, что-то сѣрое сквозь густой лознякъ продирается, и покажись глу-

пой дѣвочкѣ, что это наша собака Сѣрко.—Извѣстно,—волкъ на собаку совсѣмъ похожъ, только шея неповоротливая, хвостъ палкой, морда понурая и глаза блестятъ; но Феня волка никогда вблизи не видала. Стала уже Феня собаку манить: „Сѣрко, Сѣрко!“ какъ смотритъ—теленокъ, а за нимъ корова несутся прямо на нее, какъ бѣшеные. Феня вскочила, прижалась къ вербѣ, не знаетъ, что дѣлать; теленокъ къ ней, а корова ихъ обоихъ задомъ къ дереву прижала, голову наклонила, реветъ, передними копытами землю роетъ, а рога-то прямо волку выставила. Феня перепугалась, обхватила дерево обѣими руками, кричать хочетъ—голосу нѣтъ! А волкъ прямо на корову кинулся, да и отскочилъ: съ перваго разу, видно, задѣла его рогомъ. Видитъ волкъ, что нахрапомъ ничего не возьмешь, и сталъ онъ кидаться то съ той, то съ другой стороны, чтобы какъ нибудь съ боку въ корову вѣрнуться или теля отхватить,—только куда ни кинется, вездѣ рога ему навстрѣчу. Феня все еще не догадывается, въ чемъ дѣло, хотѣла бѣжать, да корова не пускаетъ, такъ и жметъ къ дереву. Стала тутъ дѣвочка кричать, на помощь звать: „ратуйте! кто въ Бога вируе, ратуйте!“ Нашъ казакъ оралъ тутъ на взгоркѣ, услышалъ, что и корова-то реветъ, и дѣвочка кричитъ, кинулъ соху и прибѣжалъ на крикъ. Видитъ казакъ, что дѣлается, да не смѣетъ съ голыми руками на волка сунуться: такой онъ былъ большой, да остервенѣлый; сталъ казакъ сына влипать, что оралъ тутъ же на полѣ. Какъ завидѣлъ волкъ, что люди бѣгутъ,—унылся, огрызнулся еще разъ, два, завылъ, да и въ лознякъ. Феню казаки едва домой довели—такъ перепугалась дѣвочка. Порадовался тогда отецъ, что не отпиллъ коровѣ роговъ.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО.

(Изъ разсказовъ хуторянина).

Рано утромъ встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное мѣстечко въ курятникѣ, поставила туда корзинку, гдѣ на мягкомъ сѣнѣ были разложены 13 яицъ, и усалила на нихъ хохлатку.

Чуть свѣтало, и старуха не разсмотрѣла, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочихъ. Сидитъ курица прилежно, грѣетъ яички, сбѣгаетъ поклевать зернышекъ, попить водицы, и опять на мѣсто; даже вылиняла, бѣдняжка. И какая стала сердитая: шипитъ, клокчетъ, даже пѣтушку не даетъ подойти, а тому очень хотѣлось заглянуть, что тамъ въ темномъ уголкѣ дѣлается?— Просидѣла курочка недѣли съ три, и стали изъ яичекъ цыплята выклеиваться, одинъ за другимъ: проклюнетъ скорлупу носомъ, выскочитъ, отряхнется и станетъ бѣгать, ножками пыль разгребать, червячковъ искать.

Позже всѣхъ проклюнулся цыпленокъ изъ зеленоватаго яичка. И какой же странный онъ вышелъ: кругленькій, пушистый, желтый, съ коротенькими ножками, съ широкимъ носикомъ. „Станный у меня вышелъ цыпленокъ, думаетъ курица:—и клюетъ, и ходитъ то онъ не по нашему; носикъ широкій, ноги короткія, какой-то косолапый, съ ноги на ногу переваливается“. Подивилась курица своему цыпленку; однако же, какой ни на есть, а все сынъ. И любитъ, и бережетъ его курица, какъ и прочихъ, и если завидитъ ястреба, то, распутивши перья и широко раздвинувъ круглыя крылья, прячетъ подъ себя всѣхъ своихъ цыплятъ, не разбирая, какія у кого ноги.

Стала курочка дѣтокъ учить, какъ изъ земли червячковъ выкапывать, и повела всю семью на берегъ пруда: „тамъ-де червей больше и земля мягче“. Какъ только коротконогій цыпленокъ завидѣлъ воду, такъ прямо и кинулся въ нее. Курица кричитъ, крыльями машетъ, къ водѣ кидается; цыплята тоже перетревожились: бѣгаютъ, суетсяя, пищатъ, и одинъ пѣтушокъ съ испугу даже вскочилъ на камешекъ, вытянулъ шейку и въ первый еще разъ въ своей жизни заоралъ осиплымъ голосомъ: „ку-ку-ре-ку! Помогите, молъ, добрые люди! братецъ тонетъ!“ Но братецъ не утонулъ, а превесело и легко, какъ клочъ хлопчатой бумаги, плавалъ себѣ по водѣ, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапками. На крикъ курицы выбѣжала изъ избы старая Дарья, увидѣла, что дѣлается, и закричала: „Ахъ-ти, грѣхъ какой! видно, это я сослѣпу подложила утиное яйцо подъ курицу“.

А курица такъ и рвалась къ пруду; насилу могли отогнать бѣдную.

Г А Д Ю К А.

(Изъ разсказовъ хуторнина).

Вокругъ нашего хутора, по яругамъ и мокрымъ мѣстамъ, водилось не мало змѣй. Я не говорю объ ужахъ: къ безвредному ужю у насъ такъ привыли, что и змѣей-то его не зовутъ. У него есть во рту небольшіе острые зубы, онъ ловить мышей и даже птичекъ и, пожалуй, можетъ прокусить кожу; но нѣтъ яду въ этихъ зубахъ, и укушеніе ужа совершенно безвредно. Ужей у насъ было множество, особенно въ кучахъ соломъ, что лежала около гумна: какъ пригрѣетъ солнышко, такъ они и выползутъ оттуда; шипятъ, когда подойдешь, языкъ или жало показываютъ, но вѣдь не жало змѣи кусаютъ. Даже въ кухнѣ подъ поломъ водились ужи, и какъ станутъ, бывало, дѣти, сидя на полу, молоко хлебать, такъ ужъ и выползаетъ и къ чашкѣ голову тянетъ, а дѣти его ложкой по лбу.

Но водились у насъ не одни ужи: водилась и ядовитая змѣя, черная, большая, безъ тѣхъ желтыхъ полосокъ, что видны у ужа около головы. Такую змѣю зовутъ у насъ *гадюкою*. Гадюка нерѣдко кусала скотъ, и если не успѣютъ, бывало, позвать съ села стараго дѣда Охрима, который зналъ какое-то лѣкарство противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, то скотина непременно падетъ — раздуетъ ее, бѣдную, какъ гору. Одинъ мальчикъ у насъ такъ и умеръ отъ гадюки. Укусила она его около самаго плеча, и прежде чѣмъ пришелъ Охримъ, опухоль перешла съ руки на шею и грудь: дитя стало бредить, метаться и черезъ два дня померло. Я въ дѣтствѣ много слышался про гадюкъ и боялся ихъ страшно, какъ будто чувствовалъ, что мнѣ придется встрѣтиться съ опасной гадюгой.

Косили у насъ за садомъ, въ сухой балкѣ, гдѣ весной всякій годъ бѣжить ручей, а лѣтомъ только сыровато и растетъ высокая, густая трава. Всякая косовица была для меня праздникомъ, особенно какъ сгрести сѣно въ копны. Тутъ, бывало, и станешь бѣгать по сѣнокошу и со всего размаху кидаться въ копны и барах-

таться въ дуристомъ сѣнѣ, пока не прогонять бабы, чтобы не разбивалъ копень. Вотъ такъ-то и въ этотъ разъ бѣгаль я и кувыр-кался: бабъ не было, косари пошли далеко и только наша черная, большая собака Бровка лежала на копнѣ и грызла кость. Кувыркнулся я въ одну копну, повернулся въ ней раза два и вдругъ вскочилъ съ ужасомъ. Что-то холодное и скользкое махнуло меня по рукѣ. Мысль о гадюкѣ мелькнула въ головѣ моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обезпокоилъ, вылѣзла изъ сѣна и, подымаясь на хвостъ, готова была на меня кинуться. Въмѣсто того, чтобы бѣжать, я стою, какъ окаменѣлый, будто гадина зачаровала меня своими безвѣковыми, неморгающими глазами. Еще бы минута — и я погибъ; но Бровка, какъ стрѣла, слетѣлъ съ копны, кинулся на змѣю, и завязалась между ними смертельная борьба. Собака рвала змѣю зубами, топтала лапами; змѣя кусала собаку и въ морду, и въ грудь, и въ животъ. Но черезъ минуту только клочки гадюки лежали на землѣ, а Бровка кинулся бѣжать и исчезъ.

Тутъ только воротился ко мнѣ голосъ; я сталъ кричать и плакать; прибѣжали косари и косами добились еще трепещущіе куски змѣи.

Но страннѣе всего, что Бровка съ этого дня пропалъ и скитался неизвѣстно гдѣ. Только черезъ двѣ недѣли воротился онъ домой: худой, тощій, но здоровый. Отецъ говорилъ мнѣ, что собаки знаютъ траву, которую онѣ лѣчатся отъ укушенія гадюки.

БОГАТСТВО.

Одинъ небогатый молодой человѣкъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ учителемъ и горько жаловался ему на свои неудачи въ жизни. Онъ былъ когда-то лучшимъ ученикомъ въ школѣ, и тѣ, которые учились гораздо хуже его, пользовались теперь богатствомъ и извѣстностью, тогда какъ онъ во всемъ терпѣлъ недостатокъ. — „Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ, какъ говоришь?“ сказалъ ему учитель: „ты, вѣжета, пользуешься очень хорошимъ здоровьемъ, и эта рука“, продолжалъ учитель, взявъ за правую руку своего бывшего ученика: „сильна и способна къ работѣ. Позволилъ-ли бы ты отрѣзать ее за тысячу рублей?“ — „Сохрани Боже! ни за десять!“

отвѣчалъ молодой человѣкъ. — „А за сколько же отдалъ бы ты твои зоркіе глаза, которые такъ ясно видятъ Божій міръ, — твой острый слухъ и твои мелодныя ноги? Я думаю, ты не промѣнялъ бы ихъ и за цѣлое королевство?“ — „Конечно, нѣтъ“, отвѣчалъ юноша. — „Какъ же ты жалуешься на свою бѣдность, обладая такими богатствами?“

ДОВРОСОВѢСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Дикій индѣецъ попросилъ у своего сосѣда табаку. Сосѣдъ былъ человѣкъ не скупой, полезъ въ карманъ и вынулъ оттуда полную горсть. На другое утро первый опять пришелъ къ своему сосѣду и принесъ ему серебряную монету, которую нашелъ въ табакѣ. „Почему же ты не оставилъ ее у себя?“ спросилъ случившійся при этомъ бѣлый человѣкъ: „тотъ, кто подарилъ тебѣ табакъ, подарилъ и деньги“. — Тогда дикарь положилъ руку на сердце и сказалъ: „здѣсь у меня сидятъ два человѣка — добрый и злой. Добрый говорилъ мнѣ: деньги тебѣ не принадлежатъ; отдай ихъ тому, чьи онѣ. Злой человѣкъ говорилъ: тебѣ ихъ отдали, — онѣ твои. Добрый сказалъ на это: неправда, табакъ твой, а деньги не твои. Злой человѣкъ опять сказалъ: не безпокойся, поди и купи себѣ водки. Я не зналъ, на что рѣшиться, и легъ спать. Но злой и добрый человѣкъ не переставали драться у меня въ сердцѣ и не дали заснуть всю ночь; утромъ я вскочилъ и понесъ деньги назадъ“.

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Два путешественника шли вмѣстѣ и остановились ночевать въ одной гостинницѣ. Ночью ихъ разбудилъ крикъ, и они узнали, что въ деревнѣ пожаръ. Одинъ изъ путешественниковъ поспѣшно сталъ одѣваться, чтобы идти на помощь; другой удерживалъ его, говоря: „пойдемъ нашей дорогою; тутъ и безъ насъ людей довольно. Какое намъ дѣло до чужихъ?“ Но товарищъ не послушалъ его и поспѣшилъ къ горящему дому. Передъ домомъ, который уже весь былъ объятъ пламенемъ, стояла женщина и въ отчаяніи кричала:

„дѣти мои, дѣти мои!“ Услышавъ эти крики, чужестранецъ въ ту же минуту кинулся въ огонь, не смотря на яростное пламя и обрушивающіяся балки. „Онъ погибъ! навѣрное погибъ!“ кричали многіе; но черезъ минуту путешественникъ съ обгорѣвшими волосами и пылающимъ платьемъ показался изъ огня, а въ рукахъ у него было двое дѣтей, которыхъ онъ передалъ рыдающей матери. Несчастная женщина сначала обняла дѣтей, какъ будто еще не вѣря, что они возвращены ей, а потомъ бросилась къ ногамъ чужестранца. Въ эту самую минуту рухнулъ горѣвшій домъ.

— Кто приказалъ тебѣ броситься на такое безумное дѣло? спросилъ чужестранца его товарищъ.

— Господинъ огня! отвѣчалъ мужественный человѣкъ:— Онъ же и Господинъ дома, Отецъ дѣтей и Спаситель! Онъ сказалъ въ моемъ сердцѣ: „иди“, а я только исполнилъ Его волю.

ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Жилъ былъ на свѣтѣ дряхлый старичокъ. Глаза его помутились отъ старости, колѣна тряслись и слышалъ онъ, бѣдный, плохо. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, то едва могъ держать въ рукѣ ложку, проносилъ ее мимо рта и проливалъ супъ на скатерть. Сынъ его и невѣстка смотрѣли на него съ отвращеніемъ и, наконецъ, помѣстили его въ уголокъ за печкой, куда приносили ему скудную пищу въ старой глиняной мискѣ.

У старика часто наворачивались слезы на глаза и онъ грустно поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ накрытъ былъ столъ. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась въдребезги. Молодая невѣстка разразилась упреками несчастному старику. Онъ не смѣлъ отвѣтить и, только вздохнувши, поникъ головой. Ему купили деревянную миску, изъ которой онъ съ той поры и ѣлъ постоянно.

Нѣсколько дней спустя, сынъ его и невѣстка увидѣли, что ребенокъ ихъ, которому было четыре года, сидя на землѣ, складываетъ дощечки. „Что ты дѣлаешь?“ спросилъ его отецъ.

— Коробочку, отвѣчалъ онъ, — чтобы кормить изъ нея папашу съ мамашей, когда они состарятся.

Мужъ и жена молча переглянулись, потомъ заплакали; и съ тѣхъ поръ стали опять сажать старика за свой столъ и никогда больше не обращались съ нимъ грубо.

РАСКАЯНИЕ.

Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда черезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного, но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда — мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдвоемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. „Безсовѣстные дѣти“, сказалъ онъ, „вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!“ Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горестью, глубоко запаали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣждалъ къ своему злему сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде, но навѣрное наважетъ презрѣнiемъ, которое я вполне заслужилъ.

— Глупъ, братъ, ты, я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: — почему же узнаешь твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только, смотри. самъ не проговоришь.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) воротился домой и увидѣлъ, что отецъ его встрѣчаетъ по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ побѣждать къ отцу съ прежнею радостію.

— Какъ же мнѣ, подумалъ онъ, — смотрѣть весело на того, кого

я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давить мнѣ сердце.

Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли, но Володя закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Что съ тобою, дитя мое; о чемъ ты плачешь? спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: „Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить долѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше, не дари мнѣ ничего, накажи меня, чтобъ я могъ къ тебѣ опять приходить спокойно; избавь меня отъ мученій, которыя я чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому что я... я оборвалъ молодыя деревья!“ Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекъ его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: „Я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня: тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблоковъ“.

П А У К Ъ .

Мальчикъ пошелъ со своимъ отцомъ въ виноградникъ. Тамъ увидалъ онъ пчелу, запутавшуюся въ паутину. Паукъ уже готовился вонзить свои ядовитые зубы въ тѣло бѣднаго насѣкомаго; но мальчикъ разорвалъ сѣти хищника и освободилъ пчелу.

— Ты очень мало цѣнишь искусство этого насѣкомаго, разрывая его хитрую сѣть! сказалъ отецъ мальчику:—развѣ ты не видишь, какъ правильно и красиво переплетены эти тонкія ниточки?

— Я думаю, отвѣчалъ мальчикъ,—что паукъ такъ искусно плететъ свою сѣть для того, чтобы ловить въ нее и потомъ убивать другихъ насѣкомыхъ, а пчелка собираетъ медъ и воскъ. Вотъ почему я освободилъ пчелку и разрушилъ хитрое тканье паука.

Отцу понравилось сужденіе мальчика.—Правда твоя, сказалъ

онъ сыну;—но, можетъ быть, ты поступилъ съ паукомъ не совсѣмъ справедливо. Развѣшивая свою ткань по вѣтвямъ виноградника, онъ защищаетъ зрѣющія кисти отъ мухъ и ось и истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ.

— Дѣлаетъ ли онъ это для того, спросилъ мальчикъ,—чтобы сберечь для насъ виноградъ, или для того, чтобы самому поживиться осами и мухами?

— Конечно, отвѣчалъ отецъ,—ему нѣтъ дѣла до нашего винограда.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ мальчикъ,—добро, которое дѣлаетъ паукъ, не можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу.

— Правда твоя, отвѣчалъ отецъ:—мы должны благодарить за это природу, которая и вредныхъ созданий умѣетъ заставить дѣлать добро и приносить пользу.

— Носкажите, батюшка, продолжалъ мальчикъ,—почему паукъ въ одиночку ткеть свою паутину, тогда какъ пчелы пѣлымъ обществомъ дѣлаютъ свои соты?

— Потому, отвѣчалъ отецъ,—что только добрая пѣль можетъ прочно соединить многихъ: союзъ злыхъ разрушается самъ собою.

ПѢСНЯ ПТИЧКИ.

Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели, ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ—блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко, свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что можетъ быть давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины;

люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высокая, и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услыхалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролеталъ орель.

— Орель, орель! закричалъ ему заключенный: — сядь ко мнѣ на окошко, Расскажи, что тамъ дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ орель: „окно твое очень мало—мнѣ негдѣ сѣсть. Я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили моего гнѣзда. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко, высоко, и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце...“

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орель гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь! Расскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

„Нѣтъ“, отвѣчалъ лебедь: „я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда на водѣ, чистой, прохладной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода утромъ, на зарѣ, станетъ розовая, я громко кричу зарѣ: здравствуй! Я не спою тебѣ пѣсни, — я спою пѣсню, когда стану умирать...“ И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки! сядьте на окошко, расскажите, что дѣлается на землѣ? Спойте пѣсенку. „Чиликъ, чиликъ! Намъ некогда! Намъ еще нужно поклевать зернышекъ, которыя мельникъ нечаянно разсыпалъ...“

Но вдругъ порхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушекъ! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣстила меня! Расскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку.

„Я расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку“, началъ соловушекъ.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакалъ, и все слушалъ...

„Вчера утромъ, на зарѣ“, пѣлъ соловушекъ, — „было такъ свѣжо и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый орѣховый кустъ передъ раскрытымъ окошкомъ и все пѣлъ, и пѣлъ. Въ колыбелькѣ твоей малютка, — онъ раскрылъ свои большіе, свѣтлыя глазки и спрашивалъ: „гдѣ папа?“ и слушалъ мои пѣсни...

„Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя видѣть. Не унывай! Богъ видитъ, какъ ты невиненъ; злые люди отпустятъ тебя и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на свѣжій воздухъ.

„Дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій, лѣтній вечеръ, длинныя тѣни потянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ рассказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

„Будешь ихъ учить, чтобы они, когда выростутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла; чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братъ брата...

„И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они выростутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться.

„И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться, и понесутъ тебя на зеленое кладбище въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой...”

ОСЬ И ЧЕКА.

Ѣхалъ извозчикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходить; а найдетъ бѣда, растворятъ ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задумилась у извозчика ось, а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тя-

желаю, а какъ разъ уже загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось тотчасъ: залить, засыплеть землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кой-какъ — съ версту проѣхалъ, опять стой, опять то-же!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извозчикъ, Архипка, по пути. Семень оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвызана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій челоувѣкъ — догадался Семень нашъ, что надо было-бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и просить: „Уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость; вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи“. Тотъ подошелъ, поглядѣлъ:—Да, говорить, не ладно у тебя дѣло: пожалуй возьми, коли хочешь... за два цѣлковныхъ!

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: „что хочешь возьми, только подай“, да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по-христіански—не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то!—„Помилуй“, говорить, „да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!“—За моремъ телушка—полушка,—сказалъ тотъ,—да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашелъ за полтинникъ. А самъ-было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и просить, и кланяется—нѣтъ: два цѣлковныхъ да и полно. Кинулъ нашъ мужикъ шапку объ земь, таеъ ему жалъ было денегъ, — да дѣлать нечего: не ночевать тутъ; досталъ рублевика и отдалъ.—„На“, говорить, „землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями“. — Не видалъ я твоихъ рублей, — молвилъ тотъ, —нешто я тебя неволю, что-ли? На возьми ихъ, да подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ.—Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь: бѣда неволить. Быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять

передокъ, да подвести ось“. Тотъ пособилъ, справились и по-
бѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись — Архипа хватъ — чеки нѣтъ на задней
оси, колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. — „Стой!“ кричитъ
онъ Семену, „стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась. Какъ
тутъ быть! Чеки-то у меня запасной нѣтъ, и тутъ вокругъ ни
прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! у меня топоръ
есть, подай-ка, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она
у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и по-
вѣдемъ вмѣстѣ“. — Пожалуй, — говоритъ Семень, — возьми; только ты
мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай. „Съ ума что ли ты, братъ,
спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и
гроша не стоитъ!“ — Вольному воля, сказалъ Семень: — при тебѣ
деньги, при мнѣ товаръ. Поли, можетъ статься, гдѣ купишь и
за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хотъ пропадай; не велика
штука чека, а безъ нея не уѣдешь, либо сядь да сиди, либо подай
три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не за-
плакалъ и отдалъ Семену.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМЪ НЕ СПРАШИВАЙ.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой идетъ ему на встрѣчу. —
„Здорово!“ — „Здорово!“ — „А что везешь?“ — „Дрова.“ — „Какія
дрова, вѣдь у тебя сѣно!“ — „А коли видишь, что сѣно, такъ за-
чѣмъ и спрашиваешь.“

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про
себя: „а вѣдь и вправду, для чего-жъ я спрашивалъ?“

МЕДВѢДЬ И БРЕВНО.

Идетъ медвѣдь по лѣсу и разнюхиваетъ: нельзя-ли чѣмъ съест-
нымъ поживиться? Чуетъ — медъ! Поднялъ Миша морду кверху и
видитъ на соснѣ улей, подъ ульемъ гладкое бревно на веревкѣ ви-
сится; но Мишѣ до бревна дѣла нѣтъ. Полѣзъ медвѣдь на сосну,
долѣзъ до бревна: нельзя лѣзть выше — бревно мѣшаетъ. Миша

оттолкнулъ бревно лапой; бревно легонько откатнулось назадъ — и стукъ медвѣдя по башкѣ. Миша оттолкнулъ бревно покрѣпче — бревно ударило Мишу посылнѣе. Разсердился Миша и хватилъ бревно изо всей силы: бревно откатнулось сажени на двѣ назадъ — и такъхватило Мишу, что чуть онъ съ дерева не свалился. Разсвирѣпѣлъ медвѣдь, забылъ и про медъ, хочется ему бревно доканать: ну его валять, что есть силы, и безъ сдачи ни разу не остался. Дрался Миша съ бревномъ до тѣхъ поръ, пока весь избитый не свалился съ дерева; а подъ деревомъ-то были колышки натканы — и заплатился медвѣдь за безумный гнѣвъ своею теплою шкурою.

БАЙКА О ЩУКѢ ЗУБАСТОЙ.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что бѣда! Стала она расти не по днямъ, а по часамъ, что день, то на вершокъ прибавляется. И стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать, лещей, окуней полавливать: издали завидитъ леща, да и хватъ его — только хруститъ на зубахъ; не то что лещей, стала ловить утокъ, гусей, всякую водяную птицу. Разлетѣлась водяная птица, а рыбамъ мелкимъ куда дѣваться? Собралась вся мелкая рыбешка и стала думу думать; пришелъ на совѣтъ и Ершъ Ершовичъ и заоралъ: „полноте думу думать, голову ломать, мозги портить; послушайте-ка, что я вамъ скажу. Не житье намъ больше въ Шекснѣ, не даетъ проходу зубастая щука; переберемтесь-ка лучше изъ Шексны въ мелкія рѣчки: Сизму, Колому да Славянку“. Вотъ и пошла рыба сама изъ Шексны въ мелкія рѣчки; много ея по дорогѣ рыбаки поймали, славную сварили узу! да на томъ и заговѣлись. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбакъ удочку, да ничего и не вытащитъ; когда-когда попадетса остроносая стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ! Вотъ что надѣлала въ Шекснѣ щука зубастая.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ.

Жилъ кузнецъ припѣваючи, никакого лиха не зналъ. „Что это“, говоритъ кузнецъ, „никакого я лиха на вѣку своемъ въ глаза

не видалъ! Хоть посмотрѣть бы, какое тамъ такое лихо не свѣтъ“. Вотъ и пошелъ кузнецъ лиха искать. Шель, шель, зашелъ въ дремучій лѣсъ: ночь близко, а ночевать негдѣ и ѣсть хочется. Смотритъ по сторонамъ и видитъ, не подалеку стоитъ большая изба. Постучалъ—никто не отзывается; отворилъ дверь, вошелъ—пусто, нехорошо! Забрался кузнецъ на печь и легъ спать не ужинавши.

Сталъ было уже засыпать кузнецъ, какъ дверь отворилась и вошло въ избу цѣлое стадо барановъ, а за ними Лихо, баба огромная, страшная, объ одномъ глазѣ. Понюхало Лихо по сторонамъ и говорить: „Э, да у меня никакъ гости; будетъ мнѣ, Лиху, что позавтракать; давненько я человѣческаго мяса не ѣдала“. Вздучило Лихо лучину и стащило кузнеца съ печи словно ребенка малаго. „Добро пожаловать, нежданный гость; спасибо, что забрелъ; чай ты проголодался и отоцалъ“, и щупаетъ Лихо кузнеца, жирень-ли; а у того отъ страху всѣ животики подвело. „Ну, нечего дѣлать, давай сперва поужинаемъ“, говоритъ Лихо; принесло большое берема дровъ, затопило печь, зарѣзало барана, убрало и изжарило.

Сѣли ужинать. Лихо по четверть барана заразъ въ ротъ кладетъ, а кузнецу кусокъ въ горло не идетъ, даромъ что цѣлый день ничего не ѣлъ. Спрашиваетъ Лихо у кузнеца: „кто ты таковъ, добрый человѣкъ?“—Кузнецъ.— „А что умѣешь ковать?“—Да все умѣю.— „Скуй мнѣ глазъ!“—Изволь, говоритъ кузнецъ, да есть-ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ. Лихо принесло двѣ веревки, одну толстую, а другую потоньше. Кузнецъ взялъ веревку потоньше, связалъ Лихо, да и говорить: „а ну-ка, бабушка, повернись!“ Повернулось Лихо и разорвало веревку. Вотъ кузнецъ взялъ уже толстую веревку, скрутилъ бабушку хорошенько. „А ну-ка, теперь повернись!“ Повернулось Лихо и не разорвало веревокъ. Тогда кузнецъ нашелъ въ избѣ желѣзный шкворень, разжегъ его въ печи до бѣла, поставилъ Лиху на самый глазъ, на здоровый, да какъ ударить по шкворню молотомъ—такъ глазъ только зашипѣлъ. Повернулось Лихо, разорвало всѣ веревки, вскочило какъ бѣшеное, сѣло на

порогъ и крикнуло: „хорошо-же, злодѣй! теперь ты не уйдешь отъ меня“.

Пуще прежняго испугался кузнецъ, сидить въ углу ни живъ, ни мертвъ; такъ всю ночь и просидѣлъ, даромъ, что спать хотѣлось. По утру стало Лихо выпускать барановъ на пашню, да все по одному; пощупаетъ, точно-ли баранъ, схватить за спину, да и выкинетъ за двери. Кузнецъ вывернулъ свой тулупъ шерстью вверхъ, надѣлъ въ рукава и пошелъ на четверенькахъ. Лихо пощупало: чуетъ—баранъ; схватило кузнеца за спину, да и выкинуло изъ избы. Вскочилъ кузнецъ, перекрестился, и давай Богъ ноги! Прибѣжалъ домой; знакомые его спрашиваютъ: „отъ чего это ты посѣдѣлъ?“—„У Лиха переночевалъ“, говоритъ кузнецъ: „знаю я теперь, что такое Лихо: и ѣсть хочется, да не ѣшь, и спать хочется, да не спишь“.

ВАРЕННЫЙ ТОПОРЬ.

Пришелъ солдатъ въ село на квартиру и говоритъ хозяйкѣ: „Здравствуй, божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть“. А старуха въ отвѣтъ:—вотъ тамъ, родимый, на гвоздикѣ повѣсь.—„Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуетъ?“—Гдѣ хочешь, тамъ и заночуешь.—„Ахъ ты, старая дура! погоди, я те глухоту-то вылѣчу“. И полѣзъ было солдатъ къ ней съ кулаками: „подавай, старая, на столъ!“—„Да нечего, родимый!“—„Вари кашницу!“—„Да не изъ чего, родимый!“—„Давай топоръ, я изъ топора сварю“.—Что за диво! думаетъ старуха, дай-ка посмотрю, какъ онъ изъ топора кашу сварить, и принесла топоръ. Солдатъ положилъ топоръ въ горшокъ, налилъ воды, поставилъ въ печь и давай варить. Варилъ, варилъ, попробовалъ и говоритъ: „всѣмъ бы кашница взяла, только бы крупъ подсыпать“. Принесла баба крупъ. Солдатъ опять сталъ варить, попробовалъ и говоритъ: „совсѣмъ бы каша готова, только бы маслицомъ сдобрить“. Принесла ему баба и масла. Сварилъ солдатъ кашу: „ну, старуха, говоритъ, давай теперь хлѣба да соли, да берись за ложку, станемъ кашницу ѣсть“. Похлебали вдвоемъ кашу, старуха и спра-

шиваетъ: „а что же, служивый, когда топорь будемъ ѣсть?“ Солдаты ткнулъ въ топорь вилкою и говорить: „еще не доварился, сама завтра довари!“

ОХОТНИКЪ ДО СКАЗОКЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старухой, и былъ старикъ большой охотникъ до сказокъ и всякихъ росказней. Приходитъ зимою къ старику солдатъ, просится ночевать. „Пожалуй, служба, ночуй“, говорить старикъ, „только съ уговоромъ: всю ночь мнѣ рассказывай: ты человекъ бывалый, много видѣлъ, много знаешь“. Солдатъ согласился. Поужинали старикъ съ солдатомъ и легли они оба на полаты рядышкомъ, а старуха сѣла на лавкѣ и стала при лучинѣ прясть.

Долго рассказывалъ солдатъ старику про свое житье-бытье, гдѣ былъ и что видѣлъ. Рассказывалъ до полуночи, а потомъ помолчалъ немного и спрашиваетъ у старика: „а что, хозяйинъ, знаешь ли, кто съ тобою на полатахъ лежитъ?“ — Какъ кто? спрашиваетъ хозяйинъ: вѣстимо солдатъ. — „Анъ, нѣтъ, не солдатъ, а волкъ“. Поглядѣлъ мужикъ на солдата — и точно волкъ. Испугался старикъ, а волкъ ему и говорить: „да ты, хозяйинъ, не бойся, погляди на себя, вѣдь и ты медвѣдь“. Оглянулся на себя мужикъ — и точно сталъ опъ медвѣдемъ.

„Слушай, хозяйинъ, говорить тогда волкъ, не приходится намъ съ тобою на полатахъ лежать; чего добраго придуть въ избу люди, такъ намъ смерти не миновать. Убѣжимъ-ка лучше, пока цѣлы“. Вотъ и побѣжали волкъ съ медвѣдемъ въ чистое поле. Бѣгутъ, а на встрѣчу имъ хозяинова лошадь. Увидѣлъ волкъ лошадь и говорить: „давай съѣдимъ!“ — Нѣтъ, вѣдь это моя лошадь, говорить старикъ. — „Ну такъ чтожъ, что твоя, голодъ не тетка“. Съѣли они лошадь и бѣгутъ дальше, а на встрѣчу имъ старуха, старикова жена. Волкъ опять и говорить: „Давай старуху съѣдимъ“. — Какъ ѣсть? да вѣдь это моя жена, говорить медвѣдь. — „Какая твоя!“ отвѣчаетъ волкъ. Съѣли и старуху.

Такъ-то пробѣгали медвѣдь съ волкомъ цѣлое лѣто. Настаетъ зима. „Давай, говоритъ волкъ, заляжемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я спереди лягу. Когда найдутъ на насъ охотники, то меня перваго застрѣлятъ, а ты смотри: какъ меня убьютъ, да начнутъ шкуру сдирать, выскочи изъ берлоги, да черезъ шкуру мою переметнись — и станешь опять человѣкомъ“. Вотъ лежатъ медвѣдь съ волкомъ въ берлогѣ; набрали на нихъ охотники, застрѣлили волка и стали съ него шкуру снимать. А медвѣдь какъ выскочитъ изъ берлоги, да кувыркомъ черезъ волчью шкуру... и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головой. „Ой, ой!“ завопилъ старикъ, „всю спинушку отбилъ“. Старуха перепугалась и вскочила. — „Что ты? что съ тобой, родимый? отчего упалъ? важись и пьянъ не будь!“ — „Какъ отчего? говоритъ старикъ, да ты, видно, ничего не знаешь! и сталъ старикъ рассказывать: — мы-де съ солдатомъ звѣремъ были; онъ волкомъ, я медвѣдемъ; лѣто цѣлое пробѣгали, лошадушку нашу съѣли и тебя, старуха, съѣли“. Взялась тутъ старуха за бека и ну хохотать. — Да вы, говоритъ, оба уже съ часъ мѣста на полатяхъ во всю мочь храпите, а я сидѣла да пряла.

Больно расшибся старикъ: пересталъ онъ съ тѣхъ поръ до полуночи сказки слушать.

НИКИТА КОЖЕМЯКА.

Въ старые годы проявился невдалекѣ отъ Кіева страшный змѣй. Много народа изъ Кіева потаскалъ въ свою берлогу, потаскалъ и поѣлъ. Утащилъ змѣй и царскую дочь, но не съѣлъ ее, а крѣпко-на-крѣпко заперъ въ своей берлогѣ. Увязалась за царевой изъ дому маленькая собаченка. Какъ улетитъ змѣй на промыселъ, царевна напишетъ записочку къ отцу, къ матери; привяжетъ записочку къ собаченкѣ на шею и пошлетъ ее домой. Собаченка записочку отнесетъ и отвѣтъ принесетъ.

Вотъ разъ царь и царица нишутъ къ царевнѣ: „узнай-де отъ змѣя, кто его сильнѣй“. Стала царевна отъ змѣя допытываться, и допыталась: „есть, говоритъ змѣй, въ Кіевѣ Никита Кожемяка—

тотъ меня сильнѣй“. Какъ ушелъ змѣй на промыселъ, царевна и написала къ отцу, къ матери записочку: „есть-де въ Кіевѣ Никита Кожемяка; онъ одинъ сильнѣе змѣя; пошлите Никиту меня изъ неволи выручить“.

Сыскалъ царь Никиту и самъ съ царицею пошелъ его просить: выручить ихъ дочку изъ тяжелой неволи. Въ ту пору мляъ Кожемяка разомъ двѣнадцать воловьихъ кожъ. Какъ увидаль Никита царя—испугался: руки у Никиты задрожали—и разорвалъ онъ разомъ всѣ двѣнадцать кожъ. Разсердился тутъ Никита, что его испугали и ему убытку надѣлали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну—не пошелъ.

Вотъ и придумаль царь съ царицею собрать пять тысячъ малолѣтнихъ сиротъ—осиротилъ ихъ лютый змѣй—и послали ихъ просить Кожемяку освободить всю русскую землю отъ великой бѣды. Сжалился Кожемяка на сиротекія слезы, самъ прослезился. Взялъ онъ 300 пудъ пеньки, насмолилъ ее смолою, весь пенькою обмотался и пошелъ. Подходить Никита къ змѣиной берлогѣ; а змѣй заперся, бревнами завалился и къ нему не выходитъ. „Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу“, сказалъ Кожемяка и сталъ уже бревна руками разбрасывать. Видитъ змѣй бѣду неминучую, некуда ему отъ Никиты спрятаться, вышелъ въ чистое поле.

Долго-ли, коротко-ли они билися, только Никита повалилъ змѣя на землю и хотѣлъ его душить. Сталъ тутъ змѣй молить Никиту: „не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнѣе насъ съ тобою никого на свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ же весь свѣтъ по-ровну: ты будешь владѣть въ одной половинѣ, а я въ другой“.

— Хорошо, сказалъ Никита, надо же прежде между проложить, чтобы потомъ спору промежъ насъ не было.—Сдѣлалъ Никита соху въ 300 пудъ, запрегъ въ нее змѣя и сталъ отъ Кіева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда въ двѣ сажени съ четвертью. Провелъ Никита борозду отъ Кіева до самаго Чернаго моря и говоритъ змѣю: „землю мы раздѣлили, теперь давай море дѣлить, чтобъ и о водѣ промежъ насъ спору не вышло“.

Стали воду дѣлить: вогналъ Никита змѣя въ Черное море, да тамъ его и утопилъ.

Сдѣлавши святое дѣло, воротился Никита въ Кіевъ, сталъ опять кожи мять, не взявъ за свой трудъ ничего. Царевна же воротилася къ отцу, къ матери.

Борозда Никитина, говорятъ, и теперь кое-гдѣ по степи видна, стоитъ она валомъ сажени въ двѣ высоту. Кругомъ мужички па-шутъ, а борозды не распахиваютъ: оставляютъ ее на память о Никитѣ Кожемякѣ.

БОГАТЫРЬ ВОЛЬГА И ОРАТАЙ МИКУЛУШКА.

Давнымъ давно это было: родился въ Кіевѣ молодой богатырь, Вольга Святославовичъ. Сталъ Вольга расти, матереть; захотѣлось ему много мудрости: захотѣлъ онъ ходить щукой-рыбой въ глубокихъ моряхъ, летать подъ облаками птицей-соколомъ, сѣрымъ волкомъ рыскать по полю. Уходили отъ Вольги всѣ рыбы въ синія моря, улетали отъ него всѣ птички за высокія облака, убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса. Набралъ тогда себѣ Вольга дружинишку храброю: тридцать молодцовъ безъ одинаго; самъ Вольга тридцатый.

Пожаловалъ Вольгѣ родной его дядюшка, ласковый Владиміръ — князь стольный кіевскій, три города, и съ крестьянами. Вотъ и собрался Вольга-богатырь съ своею дружинишкою храброю ѣхать въ свои города *за получкою*.

Выѣхалъ Вольга съ дружиною въ чистое поле и слышитъ въ полѣ ратая: ореть въ полѣ ратай, а самого не видать; ореть онъ, понукиваетъ; сошка у ратая поскрипываетъ, а омѣшки по камешкамъ почереиваютъ.

Захотѣлось Вольгѣ поѣхать посмотрѣть на ратая. Ѣдетъ Вольга со своею дружиною по полю чистому; ѣдутъ они день, ѣдутъ другою, и только на третій день къ обѣду доѣхали до ратая. Видать — ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ; въ одинъ край уйдетъ, другого не видать; кореня, каменья вывертываетъ, а большіе всѣ камни въ борозду

валить. Кобылка у ратая соловая, сошка у него кленовая, а гужики шелковые.

И сталъ говорить Вольга: „Вожья-тѣ помощь, оратаюшка! орать, да пахать, да крестьянствовати, съ края въ край бороздки пометывати!“

Отвѣчаетъ оратай Вольгѣ-богатырю: „спасибо тебѣ, Вольга Святославовичъ, съ твоею дружинуюшкою храброю; а мнѣ надобна Божья помощь крестьянствовати. Далеко-ль ты, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь со своею дружиною?“

— Ъду я, отвѣчаетъ Вольга, къ своимъ городамъ за получкою; подарилъ мнѣ ихъ великій князь стольный-кїевскїй.

— „Былъ я третьяго дня въ твоихъ городахъ, говоритъ ратай, ѣздилъ на своей кобылѣ соловенькой; увезъ я оттуда только соли два мѣха, въ каждомъ мѣхѣ по сорока пудъ; а живутъ въ твоихъ городахъ все разбойнички, просятъ съ проѣзжихъ людей деньги подорожныя; была съ мною палочка подорожная и расплатился я съ ними, какъ слѣдуетъ: который стоймя стоялъ, тотъ сидьма сидитъ; который сидьма сидѣлъ, тотъ лежма лежитъ“.

— Ай да оратай-оратаюшка, говоритъ Вольга: когда такъ, то поѣдемъ со мною въ товарищахъ въ мои города за получкою.

Вотъ оратай гужики шелковые повыстегнулъ, кобылку изъ сошки повывернулъ и исѣхалъ съ Вольгою въ товарищахъ; да остановился на дорогѣ и говоритъ: „оставилъ я, Вольга, сошку въ бороздочѣхъ, не для ради какого проѣзжаго, а для-ради мужика-деревенщины. Вотъ кабы ту сошку мнѣ съ земельки повыдернуть, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить бы сошку за раки-товъ кустъ“.

— Не для чего тебѣ самому, оратаюшко, за этимъ пустымъ дѣломъ ворочаться, сказалъ Вольга оратаю; послалъ своихъ пятерыхъ богатырей, пятерыхъ молодцовъ могучихъ, чтобъ они сошку изъ земельки повыдернули, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули и бросили бы сошку за раки-товъ кустъ.

Прїѣхали къ сошеѣ пять молодцовъ могучихъ: сошку за обжи

вокругъ вѣрять, а не могутъ сошки изъ земли выдернуть, не то чтобъ ужъ бросить за ракитовъ кусть.

Посылаетъ тогда Вольга богатырей своихъ пѣлый десяточекъ. Приѣхали богатыри: сошку за обжи вокругъ вѣрять, не могутъ ее отъ земли поднять, не то чтобы ужъ бросить за ракитовъ кусть.

Посылаетъ тогда Вольга всю свою дружинишку храбрую; стала вся дружина сошку за обжи вѣрять, сошка сидитъ въ землѣ и не двинется.

Подѣхалъ тогда самъ оратай-оратаюшка, на своей кобылкѣ соловенькой; взявъ онъ сошку одною рукою, изъ земельки ее повывернулъ, изъ омѣшниковъ земельку повывернулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кусть.

Сталъ тутъ Вольга Святославовичъ оратая разспрашивать: „скажи ты мнѣ, оратай-оратаюшко! какъ тебя по имени звать, какъ величать по отечеству?“

Отвѣчалъ оратай Вольгѣ Святославовичу: „какъ я ржи напашу, да во скирды сложу, домой выволочу, да дома вымолочу, да дровъ нарублю, да пива наварю, да и мужичковъ напою,—станутъ мужички меня покликивати: здравствуй, на многія лѣта, молодой Микулуска-Селяниновичъ!“

ЮПИТЕРЪ И ЛОШАДЬ.

„Отецъ животныхъ и людей! сказала лошадь, приближаясь къ трону Юпитера: говорятъ, что я одно изъ прекраснѣйшихъ животныхъ, и я сама полагаю, что это правда; но мнѣ кажется, что многое во мнѣ слѣдовало бы улучшить“.

— Что же, по твоему мнѣнію, можно было бы улучшить въ тебѣ? Говори: я готовъ у тебя поучиться, сказалъ Юпитеръ, улыбаясь.

„Можетъ быть, продолжала лошадь, я была бы еще быстрѣе, если бы мои ноги были повыше и потоньше; длинная лебединая шея придавала бы мнѣ еще болѣе красоты; грудь шире дала бы мнѣ побольше силы; а такъ какъ ты назначилъ меня носить твоего

любимца, человѣка, то могъ бы положить мнѣ на спину готовое сѣдло“.

— Хорошо, сказалъ Юпитеръ, — подожди минуту! и повелѣлъ землѣ произвести верблюда.

Увидя это новое животное, лошадь задрожала отъ страха и отвращенія

— Вотъ высокія тонкія ноги, какихъ ты желала, сказалъ Юпитеръ: — вотъ длинная лебединая шея, широкая грудь и готовое сѣдло. Хочешь-ли ты, чтобы я тебя такъ-же передѣлалъ?

Лошадь продолжала дрожать.

— Ступай же, сказалъ Юпитеръ, на этотъ разъ будетъ съ тебя и этого урока. Ты же, продолжалъ онъ, обращаясь въ верблюда, существуй и, не смотря на твой непривлекательный видъ, будь однимъ изъ самыхъ полезныхъ, добрыхъ и умныхъ животныхъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ верблюдъ существуетъ на землѣ; а лошадь содрагается всякій разъ, какъ только его увидить.

ЮПИТЕРЪ И ОВЕЧКА.

Бѣдная овечка такъ много обидѣла отъ всѣхъ, что, наконецъ, ей стало не въ мочь и она пошла къ Юпитеру съ горькою жалобою на свсю судьбу.

„Я и самъ вижу теперь, мое бѣдное созданіе“, сказалъ Юпитеръ, сжалившись надъ овцою, „что я создалъ тебя слишкомъ беззащитною. Выбирай же теперь сама, чѣмъ я могу исправить мою ошибку. Не хочешь ли, я дамъ тебѣ острые зубы и крѣпкіе когти?“

— Охъ, нѣтъ! сказала овечка, я не хочу имѣть ничего общаго съ кровожадными звѣрями.

„Или, можетъ быть“, продолжалъ Юпитеръ, „ты желаешь, чтобы я влилъ ядъ въ твою слюну?“

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала овечка; ядовитыхъ змѣй всѣ ненавидятъ.

„Что же дать тебѣ такое? Пожалуй, я посажу крѣпкіе рога у тебя на лбу и дамъ силу твоей шеѣ“.

— И это будетъ нехорошо, добрый отецъ: съ крѣпкими ро-

гами на лбу я легко могу сдѣлаться такою-же бодливою, какъ козель.

„Однако-же“, сказала Юпитерь: „ты должна имѣть возможность вредить другимъ, если хочешь, чтобы другіе боялись тебѣ вредить“.

— Если такъ, сказала со вздохомъ овца, — то оставь-же меня такою, какою ты меня создалъ. Я боюсь, что возможность наносить вредъ можетъ возбудить во мнѣ желаніе вредить; но лучше переносить обиды самому, чѣмъ наносить ихъ другимъ.

Съ этихъ поръ овца терпѣливо выноситъ всѣ обиды и не жалуется уже болѣе на свою беззащитность.

П Т И Ц Ы.

Въ одной хорошенькой малороссійской деревенькѣ было столько садовъ, что вся она казалась однимъ большимъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весною, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, оглашавшихъ окрестность звонкими пѣснями и веселымъ щебетаньемъ; осенью-же появлялось между листьями множество розовыхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и сине-пурпуровыхъ сливъ. Но вотъ нѣсколько злыхъ мальчиковъ, собравшись толпою, разорили птичьи гнѣзда. Вѣдныя птицы покинули сады и больше уже въ нихъ не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но въ садахъ было тихо и печально. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь безпрепятственно и пожирали на деревьяхъ не только цвѣты, но и листья; и вотъ обнаженные деревья посреди лѣта смотрѣли печально, будто зимою. Пришла осень, но въ садахъ не было ни розовыхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ, ни пурпуровыхъ сливъ; на вѣткахъ не перепархивали веселыя птички; деревня не оглашалась ихъ звонкими пѣснями.

ГРЯДКИ ГВОЗДИКИ.

Трое дѣтей выпросили у матери каждый по небольшой грядкѣ гвоздики и дожидались съ нетерпѣніемъ, когда цвѣты распускаются, потому что на гвоздикѣ уже показались почки.

У младшаго изъ братьевъ однакожь не достало терпѣнія дожидаться, пока почки развернутся сами; и онъ, прибѣжавъ рано утромъ къ своей грядкѣ, расковырялъ сначала одну почку: хорошенькіе пестрые лепестки показались изъ-за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и онъ проворно раскрывалъ одну почку за другою; наконецъ, вся его грядка зацвѣла.

— Посмотрите, посмотрите—кричалъ онъ братьямъ, прыгая отъ радости вокругъ своей грядки и хлопая въ ладоши: посмотрите, моя гвоздика уже цвѣтетъ, а на вашихъ грядкахъ только листья да зеленныя почки.

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше, и пестрые цвѣточки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились къ землѣ, а къ полудню потемнѣли и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась въ печаль, и онъ горько плакалъ, стоя у своихъ увядшихъ цвѣтовъ.

СУМКА ПОЧТАЛІОНА.

Коля былъ добрый, но очень разсѣянный мальчикъ. Онъ написалъ очень миленькое письмо къ своей бабушкѣ въ Петербургъ: поздравлялъ ее съ Свѣтлымъ праздникомъ, описывалъ свою деревенскую жизнь, чему онъ учится, какъ проводить время,—словомъ, письмо было очень, очень миленькое; но только Коля, вмѣсто письма, вложилъ въ пакетъ поллиста чистой бумаги, а письмо осталось лежать въ книгѣ, куда Коля его сунулъ. Пакетъ запечатанъ, адресъ написанъ, почтовая марка приложена—и пустой поллистъ бумаги отправился въ Петербургъ поздравлять бабушку съ праздникомъ.

Верстъ пятьсотъ проскакалъ Колинъ пакетъ, точно торопяся за какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Вотъ онъ и въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько минутъ и въ сумкѣ почталіона, который бѣжитъ по улицамъ, звонитъ у подъѣздовъ и раздаетъ письма по адресамъ. Но Колиному пакету не лежалось въ сумкѣ; онъ, какъ всѣ пустыя существа, былъ очень болтливъ и любопытенъ.

— Вы куда отправляетесь и что въ васъ написано? спросилъ

пакетъ Коли у своего сосѣда, — толстаго, красиваго пакета изъ велевовой бумаги, украшеннаго большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшеній.

Богатнй пакетъ отвѣчалъ не сразу; онъ сначала посмотрѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, видя, что дерзкій, осмѣлившійся вступить съ нимъ въ разговоръ, былъ хорошенькій глянцевитый, чистенькій пакетецъ, удостоилъ его отвѣта.

— По адресу, который на мнѣ написанъ, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я ѣду къ очень и очень важному лицу. Представьте же себѣ, каково мнѣ лежать въ этой темной вонючей сумкѣ, рядомъ съ такими пакетами, каковы, на примѣръ, мой сосѣдъ съ лѣвой стороны. Жаль, что вы не видите этого сѣраго, запачканнаго уroda, запечатаннаго какимъ-то хлѣбнымъ мякишемъ, вмѣсто сургуча, и какою-то солдатскою пуговицею, вмѣсто печати; и адресъ то какой на немъ? каракульки! и ѣдетъ-то онъ куда? на Петербургскую сторону, въ Немощенную улицу, и то еще въ подвалъ. Фи, невольно испачкаешься, лежа возлѣ такого сосѣда!

— Я не виноватъ, что насъ положили рядомъ, отвѣчалъ сурово солдатскій пакетъ; и мнѣ, признаюсь, скучно лежать возлѣ такого надутаго, но пустого и глупаго барина, какъ ты. Обертка-то твоя хороша; но что въ серединѣ? Все пустыя фразы, въ которыхъ нѣтъ ни слова правды. Тотъ, кто писалъ тебя, терпѣть не можетъ того, къ кому ты написанъ; а между тѣмъ, посмотри, сколько желаній, искреннихъ поздравленій, и въ концѣ—глубочайшее уваженіе и совершенная преданность! а все это вздоръ и ложь! Нѣтъ тутъ ни уваженія, ни преданности, и попробуй-ка отъ этого покорнѣйшаго слуги попросить какой нибудь дѣйствительной услуги, тогда и узнаешь, чѣмъ пахнетъ эта услужливость и уваженіе.

— Грубиянъ, невѣжа, какъ ты смѣешь! Я удивляюсь, какъ почталіонъ не выкинетъ тебя на улицу за такія дерзости! Ты посмотри только на мой гербъ.

— Что гербъ! отвѣчалъ грубо солдатъ: — гербъ у тебя хорошъ; но подъ гербомъ-то что? пустышка, глупыя фразы! ни одной капли правды—все ложь, гордость, да чванство.

Гербовый пакетъ готовъ былъ лопнуть съ досады, и лопнулъ бы навѣрное, если бы въ это самое время почталіонъ не вытащилъ его изъ сумки и не передалъ раззолоченному швейцару.

— Слава Богу! однимъ дуракомъ меньше, продолжалъ расходившійся солдатскій пакетъ; — и это глупое, надутое животное смѣло еще досадовать, что лежитъ вмѣстѣ со мною... если бы только онъ зналъ, что во мнѣ написано!

— Что же такое написано въ васъ? спросилъ Коляня пакетъ, очутившійся по сосѣдству съ сѣрымъ пакетомъ, запечатаннымъ солдатской пуговицею.

— Да вотъ что, мой любезный, чистенькій господчикъ. Я несу извѣстіе бѣдной дряхлой старушкѣ, что сынъ ея, о которомъ она не слыхала уже лѣтъ десять, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ взяли его въ рекруты, живъ, здоровъ и скоро будетъ въ отпускѣ. Правда, я запечатанъ плохимъ сургучемъ; но какъ будетъ дрожать рука старушки, разламывая этотъ сургучъ! Правда, я написанъ каракульками — и не мудрено, меня написалъ солдатъ, выучившійся этому искусству самоучкою, писалъ куда плохимъ перомъ и на самой сѣрой бумагѣ; но если бы ты видѣлъ, какая теплая слеза скатилась съ его усовъ и упала на меня! Славная слеза! я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидаетъ славная участь, не то что гордаго барина, который, слава Богу, убрался во свояси. Въ него едва заглянуть, а потомъ разорвать и бросать сначала подъ столъ, а потомъ въ помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подаритъ доброю горячею слезою, прочтетъ меня тысячу разъ, тысячу разъ прижметъ къ своему любящему сердцу и спрячетъ потомъ на груди, на своей доброй материнской груди. Эхъ, какъ бы поскорѣе принесть меня этотъ несносный почталіонъ!

— А вы куда и съ чѣмъ отправляетесь? спросилъ любопытный Коляня пакетъ, обращаясь къ своему сосѣду съ другой стороны, пакету съ черной печатью.

— По дѣвѣту моей печати, отвѣчалъ тотъ, вы видите, что я несу грустную новость. Бѣдный мальчикъ, который теперь лежитъ въ больницѣ, прочтетъ во мнѣ, что его отецъ скончался.

Я также все обито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимого мужа—рука матери, извѣщающей больного сына, что онъ потерялъ отца. Бѣдный Ваня! какъ-то онъ перенесетъ это извѣстіе? Я воображаю, какъ испугается онъ, увидя мою зловѣщую печать; какъ задрожитъ, прочтя во мнѣ страшную новость; какъ упадетъ лицомъ на свою подушечку и зальется слезами. Эхъ, право, лучше бы мнѣ провалиться сквозь землю, чѣмъ ѣхать съ такимъ извѣстіемъ!

Рука почталіона, остановившагося около какого-то учебнаго заведенія, вытащила изъ сумки печальное письмо съ черною печатью. У Колина письма очутился новый сосѣдъ, и этотъ былъ уже совѣтъ иного свойства.

— Ха! ха! ха! отвѣчалъ онъ на вопросъ Колина письма; — еслибы вы только знали, какія уморительныя вещи во мнѣ написаны! Человѣкъ, написавшій меня, превеселаго нрава; я знаю, что тотъ, кто будетъ читать меня, непременно захохочетъ; во мнѣ все написаны пустяки, но все такіе забавныя пустяки.

Другія письма, услышавъ разговоръ, также въ него вмѣшались. И каждое спѣшило высказать, какую новость оно несетъ.

— Я несу богатому купцу извѣстіе, что товары его проданы по высокой цѣнѣ.—А я несу другому, что онъ банкротъ.—Я иду разбранить Васю, что онъ такъ давно не пишетъ къ своимъ родителямъ.—Меня писалъ деревенскій дьячокъ, отъ имени Акулины Трифоновны, въ ея мужу въ Петербургъ, и я сверху до низу набито поклонами.—А во мнѣ, что ни слово, то ложь; даже совѣстно ѣхать съ такимъ грузомъ, право!—Въ разговоръ вмѣшались и повѣстки.—То-то обрадуется тотъ, кто получитъ меня, сказала одна повѣстка.—Есть чему радоваться, перебила другая: ты только на 10 руб., а я на 5,000.—Но тотъ, кому я адресована отвѣчала первая, не знаетъ, чѣмъ разговѣться въ праздникъ, а на тебя не обратятъ и вниманія.—Обрадуется и мнѣ молодчикъ, въ которому я послана; прокутитъ онъ денешки въ два, три дня, спустятъ онъ ихъ все по трактирамъ да конди-

терскимъ; какъ будто не знаетъ, что матери, которая ихъ посылаетъ, стоила много труда и лишеній каждая копѣйка въ этой сотнѣ рублей, и что она даже свою маленькую дочь оставила въ празднику безъ подарка.

Такъ болтали между собою въ сумкѣ почталіона повѣстки и письма; а онъ, между тѣмъ, бѣгалъ по улицамъ и равнодушно разносилъ по домамъ радость и горе, смѣхъ и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важныя извѣстія и глупыя, пустыя фразы. Дошла наконецъ очередь и до Колина письма; почталіонъ отдалъ его дворнику, дворникъ горничной, горничная старой бабушкѣ, которая сидѣла у окошка и, смотря въ четыре глаза, взяла чулокъ. Бабушка распечатала пакетъ, вынула пустой листъ и смотрѣла на него съ удивленіемъ, не понимая, кто это такъ глупо подшутилъ надъ нею.

СЛѢПАЯ ЛОШАДЬ.

Давно, очень уже давно, когда не только насъ, но и нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ не было еще на свѣтѣ, стоялъ на морскомъ берегу богатый и торговый славянскій городъ Винета; а въ этомъ городѣ жилъ богатый купецъ Уседомъ, корабли котораго, нагруженные дорогими товарами, плавали по далекимъ морямъ. Уседомъ былъ очень богатъ и жилъ роскошно: можетъ быть и самое прозваніе Уседома или Вседома получилъ онъ отъ того, что въ его домѣ было рѣшительно все, что только можно было найти хорошаго и дорогого въ то время; а самъ хозяинъ, его хозяйка и дѣти ѣли только на золотѣ и на серебрѣ, ходили только въ соболяхъ да въ парчѣ.

Въ конюшнѣ Уседома было много отличныхъ лошадей; но ни въ Уседомовой конюшнѣ, ни во всей Винетѣ не было коня быстрѣе и красивѣе *Догони-Вѣтра*,—такъ прозвалъ Уседомъ свою любимую верховую лошадь за быстроту ея ногъ. Никто не смѣлъ садиться на *Догони-Вѣтра*, кромѣ самого хозяина, и хозяинъ никогда не ѣздилъ верхомъ ни на какой другой лошади.

Случилось купцу въ одну изъ такихъ поѣздокъ по торговымъ

дѣламъ, возвращаясь въ Винету, проѣзжать на своемъ любимомъ конѣ черезъ большой и темный лѣсъ. Дѣло было подь вечеръ, лѣсъ былъ страшно темень и густъ, вѣтеръ качалъ верхушки угрюмыхъ сосенъ; купецъ ѣхалъ одинъ одинешенекъ и шагомъ, сберегая своего любимого коня, который усталъ отъ дальней поѣздки. Вдругъ изъ-за кустовъ, будто изъ-подъ земли, выскочило шестеро плечистыхъ молодцовъ, съ звѣрскими лицами, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ рогатинами, топорами и ножами въ рукахъ; трое были на лошадяхъ, трое пѣшкомъ, — и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду. Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, еслибы подь нимъ былъ другой какой-нибудь конь, а не Догони-Вѣтеръ. Почуявъ на уздѣ чужую руку, конь рванулся впередъ, своей широкой сильной грудью опрокинулъ на землю двухъ дерзкихъ злодѣевъ, державшихъ его за узду, смялъ подь ногами третьяго, который, махая рогатиной, забѣжалъ впередъ и хотѣлъ было преградить ему дорогу, и помчался какъ вихрь. Конные разбойники пустились въ догонку; лошади у нихъ были тоже добрыя, но куда же имъ догнать Уседомова коня! Догони-Вѣтеръ, не смотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, какъ стрѣла, пущенная изъ туго-натянутого лука, и далеко оставилъ за собою разъяренныхъ злодѣевъ. Черезъ полчаса Уседомъ уже вѣзжалъ въ родимую Винету на своемъ добромъ конѣ, съ котораго пѣна клочьями валилась на землю.

Слѣзая съ лошади, бока которой отъ усталости подымались высоко, купецъ тутъ-же, трепля Догони-Вѣтра по взмыленной шеѣ, торжественно общалъ, что бы съ нимъ ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего вѣрнаго коня, не прогонять его. какъ бы онъ ни состарѣлся, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три мѣры лучшаго овса. Но, поторопившись къ женѣ и дѣтямъ, Уседомъ не посмотрѣлъ самъ за лошадью, а лѣнивый работникъ не выводилъ измученнаго коня какъ слѣдуетъ, не далъ ему совершенно остыть и напоилъ раньше времени. Съ тѣхъ самыхъ поръ Догони-Вѣтеръ и началъ хворать, хилѣть, ослабѣвать на ноги и, наконецъ, ослѣпъ. Купецъ очень горе-

валъ и съ полгода вѣрно соблюдалъ свое обѣщаніе: слѣпой конь стоялъ попрежнему на конюшнѣ и ему ежедневно отпускалось по три мѣры овса. Уседомъ потомъ купилъ себѣ другую верховую лошадь, и черезъ полгода ему показалось слишкомъ нерасчетливо давать слѣпой, никуда негодной лошади по три мѣры овса, и онъ велѣлъ отпускать двѣ. Еще прошло полгода: слѣпой конь былъ еще молодъ, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мѣрѣ. Наконецъ и это показалось купцу тяжело, и онъ велѣлъ снять съ Догони-Вѣтра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занималъ напрасно мѣста въ конюшнѣ. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, такъ какъ онъ упирался и не шелъ.

Бѣдный слѣпой Догони-Вѣтеръ, не понимая, что съ нимъ дѣлаютъ, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошелъ снѣгъ, спать на камняхъ было жестко и холодно для бѣдной слѣпой лошади. Нѣсколько часовъ простояла она на одномъ мѣстѣ; но, наконецъ, голодъ заставилъ ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая въ воздухъ, не попадется-ли гдѣ-нибудь хоть клокъ соломы со старой, осунувшейся крыши, брела на удачу слѣпая лошадь и натывалась безпрестанно то на уголъ дома, то на заборъ.

Надобно вамъ знать, что въ Винетѣ, какъ и во всѣхъ старинныхъ славянскихъ городахъ, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собирались на площадь, когда нужно было рѣшать какія-нибудь важныя дѣла. Такое собраніе народа для рѣшенія его собственныхъ дѣлъ, для суда и расправы, называлось *вѣчемъ*. Посреди Винеты, на площади, гдѣ собиралось вѣче, висѣлъ на четырехъ столбахъ большой вѣчевой колоколь, по звону котораго собирался народъ, и въ который могъ звонить каждый, кто считалъ себя обиженнымъ и требовалъ отъ народа суда и защиты. Никто, конечно, не смѣлъ звонить въ вѣчевой колоколь по пустякамъ, зная, что за это отъ народа сильно достанется.

Бродя по площади, слѣпая, глухая и голодная лошадь слу-

чайно набрела на столбы, на которыхъ висѣлъ колоколъ, и думая, быть можетъ, вытащить изъ стрѣхи пучекъ соломы, схватила зубами за веревку, привязанную къ языку колокола, и стала дергать; колоколъ зазвонилъ такъ сильно, что народъ, не смотря на то, что было еще очень рано, толпами сталъ сбѣгаться на площадь, желая знать, кто такъ громко требуетъ его суда и защиты. Всѣ въ Винетѣ знали Догони-Вѣтра, знали, что онъ спасъ жизнь своему хозяину, знали обѣщаніе хозяина—и удивились, увидя посреди площади бѣднаго коня, слѣпного, голоднаго, дрожащаго отъ стужи, покрытаго снѣгомъ. Скоро объяснилось въ чемъ дѣло, и когда народъ узналъ, что богатый Уседомъ выгналъ изъ дому слѣпую лошадь, спасшую ему жизнь, то единогласно рѣшилъ, что Догони-Вѣтеръ имѣлъ полное право звонить въ вѣчевой колоколъ. Потребовали на площадь неблагодарнаго купца; не смотря на его оправданія, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой смерти. Особый человѣкъ приставленъ былъ смотрѣть за исполненіемъ приговора, а самый приговоръ былъ вырѣзанъ на камнѣ, поставленномъ въ память этого событія на вѣчевой площади.

Говорятъ, впрочемъ, что не нужно было ни разу принуждать Уседома къ исполненію вѣчевого приговора; купецъ почувствовалъ всю черноту своего поступка, кормилъ и холилъ слѣпую лошадь до ея смерти.

ОТДѢЛЪ II.

СТИХИ.

ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;

Въ долгу ночь на вѣтѣхъ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ; а муха у него сидѣла на рогахъ и муху же они дорогой повстрѣчали. „Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ.—А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говорить: „Откуда?.. мы пахали!“

И. Дмитриевъ.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня: бѣдняжка въ ней и рвался, и метался; а голубь молодой надъ нимъ же издѣвался. „Не стыдно ль“, говорить: „среди бѣла дня попался! не провели бы такъ меня: за это я ручаюсь смѣло“. Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ. И дѣло! Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки на виноградъ глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты, горять; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видить око—да зубъ нейметъ. Пробившись попусту часъ цѣлый, пошла и говорить съ досадою: „Ну, чтожъ! На взглядъ то онъ хорошъ, да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь“.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая, Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно и говорить: „куда оно, какая вещь пустая! Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнять? А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно“.

Невѣжи судятъ точно такъ: въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

И. Крыловъ.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ.

Быль домъ, гдѣ подъ окномъ и Чижъ, и Соловей висѣли и пѣли. Лишь только Соловей, бывало, запоетъ, сынъ маленькій отцу проходу не даетъ: все птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что такъ хорошо поетъ. Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.— „Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забавляетъ?“— Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ: „Вотъ, батюшка, она!“ сказалъ. И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньи: „Какія перушки: куда какъ онъ пригожъ! за тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!“

И. Хемницеръ.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала; а у людей она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести очки. Очюговъ съ полдюжины она себѣ достала; вертитъ Очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ—Очки не дѣйствуютъ никакъ. „Тьфу пропасть!“ говоритъ она; „и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про Очки лишь мнѣ нагали, а проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ“. Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъхватила ихъ, что только брызги засверкали.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили, какъ видно, на-показъ. Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ,—такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возмись, навстрѣчу Моська имъ. Увидѣвши Слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться:—ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ. „Сосѣдка, перестань сражаться, ей шавка говорить: тебѣ-ль съ Слономъ возиться! Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ и лаю твоего совѣмъ не примѣчаетъ“.— „Эхъ, эхъ! ей Моська отвѣчаетъ: вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совѣмъ безъ драки могу по-

пасть въ большія забіяки. Пускай-же говорятъ собаки: „ай, Моська, знать, она сильна, что лаетъ на Слона“.

И. Крыловъ.

СКАЗКА О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неведомъ рыбу; старуха пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ одною тиной; онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ травою морскою; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришелъ неводъ съ золотою рыбкой, съ непростою рыбкой, золотою. Какъ взмолится золотая рыба, голосомъ молвить человѣчимъ: „отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ откупъ: откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь“. Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: „Богъ съ тобою, золотая рыба! Твоего мнѣ откупа не надо; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.

Воротился старикъ ко старухѣ, рассказалъ ей великое чудо: „я сегодня поймалъ-было рыбку, золотую рыбку, не простую; по нашему говорила рыба, домой въ море синее просилась, дорогою цѣной откупалась: откупалась, чѣмъ только пожелаю. Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ: такъ пустилъ ее въ синее море“. Старика старуха забранила: „дурачина ты, простофиля! Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! Хоть-бы взялъ ты съ нея корыто: наше-то совсѣмъ расколосось“.

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю; видитъ: море слегка разныгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыба, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня-рыбка! Разбранила меня моя старуха, не даетъ старику мнѣ покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсѣмъ расколосось“. Отвѣчаетъ золотая рыба: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Будетъ вамъ новое корыто“. Воротился старикъ ко старухѣ: у старухи новое корыто. Еще

пуще старуха бранится: „дурачина ты, простофиля! Выпросиль, дурачина, корыто! Въ корытѣ много ли корысти? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ, поклонись ей, выпроси ужъ избу“.

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю: помутилось синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня-рыбка! Еще пуще старуха бранится, не даетъ старику мнѣ покою; избу просить сварливая баба“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься; ступай себѣ съ Богомъ! Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ, а землянки нѣтъ ужъ и слѣда; передъ нимъ изба со свѣтелкой, съ кирпичною бѣшеною трубою, съ дубовыми, тесовыми воротами. Старуха сидитъ подъ окошкомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ: „дурачина ты, прямой простофиля! Выпросиль, простофиля, избу! Воротись, поклонись рыбкѣ: не хочу быть черною крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой“. Пошелъ старикъ къ синему морю; не спокойно синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня-рыбка! Пуще прежняго старуха вздурилась, не даетъ старику мнѣ покою: ужъ не хочетъ быть она крестьянкой, хочетъ быть столбовою дворянкой“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“

Воротился старикъ къ старухѣ; что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ. На крыльцѣ стоитъ его старуха въ дорогой собольей душегрѣйкѣ, парчевая на маковкѣ кичка, жемчуги окружили шею, на рукахъ золотые перстни, на ногахъ красныя сапожки. Передъ нею усердные слуги; она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ. Говорить старикъ своей старухѣ: „здравствуй, барыня-сударыня дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна“. На него прикрикнула старуха, на конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходить; еще пуще старуха вздурилась, опять къ рыбкѣ старика посылаетъ. „Воротись, поклонись рыбкѣ:

не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей“. Испугался старикъ, взмолился: „что ты, баба, бѣлены объѣлась? Ни ступить, ни молвить не умѣешь—насмѣшишь ты цѣлое царство“. Осердилася пуще старуха, по щекѣ ударила мужа. „Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною, со мною, дворянкой столбовою? Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию: не пойдешь, поведутъ поневолѣ“.

Старичекъ отправился къ морю: почернѣло синее море. Сталь онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! опять моя старуха бунтуетъ: ужъ не хочетъ быть она дворянкой, хочетъ быть вольною царицей“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Добро! будетъ старуха царицей!“

Старичекъ къ старухѣ воротился. Что-жь? Предъ нимъ царскія палаты, въ палатахъ видитъ свою старуху, за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре да дворяне, наливаютъ ей заморскія вина, заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ; вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорики держитъ. Какъ увидѣлъ старикъ, испугался; въ ноги онъ старухѣ поклонился, молвилъ: „здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна?“ На него старуха не взглянула, лишь съ очей прогнать его велѣла. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зашеи затолкали. А въ дверяхъ-то стража подбѣжала, топорами чуть не изрубила; а народъ-то надъ нимъ насмѣялся: „По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа! Впередъ тебѣ, невѣжа, наука: не садися не въ свои сани“.

Вотъ недѣля, другая проходитъ, еще пуще старуха вздурилась: царедворцевъ за мужемъ посылаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: „Воротись, поклонися рыбкѣ; не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою; чтобы жить мнѣ въ океанѣ-морѣ, чтобы служила мнѣ рыбка золотая и была-бъ у меня на посылкахъ“. Старикъ не осмѣлился перечить, не дерзнулъ поперекъ слова молвить.

Вотъ идетъ онъ къ синему морю; видитъ, на морѣ черная буря,—такъ и вздулись сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ

воемъ и воють. Сталь онъ кликать золотую рыбку. Приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня-рыбка! что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой? Ужъ не хочеть быть она царицей, хочеть быть владычицей морскою, чтобы жить ей въ океанѣ-морѣ, чтобы ты сама ей служила и была-бы у ней на посылкахъ“.

Ничего не сказала рыбка, лишь хвостомъ по водѣ плеснула и ушла въ глубокое море. Долго у моря ждалъ онъ отвѣта; не дождался, къ старухѣ воротился... Глядь: опять передъ нимъ землянка, на порогѣ сидитъ его старуха, а передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

ЧИЖЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ: „ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ и съ домикомъ меня застанеть? „Ахъ! скоро-ли оно проглянетъ? Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно! какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость! Ахъ, я такого дня не видывалъ давно!“ Но безъ товарища и радость намъ не въ радость: желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!— „Любезна зяблица! кричить мой Чижъ сосѣдкѣ, смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ: что-жъ ты задумалась? давай-ка день хвалить! смотри, какъ солнышко...“ Но солнце вдругъ сокрылось, и небо тучами отвсюду обложилося, все птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку, лишь галки стаями гуляютъ по песку и крикомъ бурю вызываютъ, да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ; быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ, а конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву, ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву. И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ, со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ, и пали пастухи со стадомъ. Потомъ прошла гроза и солнце разсвѣло, все стало ярче и свѣтлѣе, цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе—лишь домикъ у Чижика куда-то занесло. О, бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ и ей со вздохомъ и слезами, носокъ повѣся, говоритъ: „ахъ! всякъ своей бѣдой ума

себѣ прикупить: впредь утро похваляю, какъ вечеръ ужъ наступить“.

И. Дмитриевъ.

МОТЬ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодець, въ наслѣдство получа богатое имѣнье, пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ спустилъ все чисто; наконецъ, съ одною шубой онъ остался, и то лишь для того, что было то зимой—такъ онъ морозовъ побоялся. Но, ласточку увидя, малый мой и шубу промоталъ. „Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ, что ласточки къ намъ прилетаютъ передъ весной; такъ въ шубѣ“, думалъ онъ, „нѣтъ нужды никакой: къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ къ весенней клонится пріятной все погодѣ, и въ сѣверную глушь морозы загнаны!“ — Догадеи малаго умны, да только онъ забылъ пословицу въ народѣ: что ласточка одна не дѣлаетъ весны. И подлинно: опять отколь взялись морозы, по снѣгу хрупкому скрипятъ обозы, изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло узорами заволочло. Отъ стужи малаго прошибли слезы, и ласточку свою, предтечу теплыхъ дней, онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней, дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы: „проклятая! сгубила ты себя; а, понадѣясь на тебя, и я теперь не во время безъ шубы!“

И. Крыловъ.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ

Ну, тащися сивка, пашней десятиной! выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну! тащися, сивка! Я самъ-другъ съ тобою—слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю. Ну! тащися, сивка! Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ: зернышку сготовимъ колыбель святую. Ею вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка... Ну! тащися, сивка! Выйдетъ въ полѣ травка; выростеть и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Залеститъ нашъ серпъ

здѣсь, зазвенять здѣсь косы, сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ! Ну! тащися, сивка!.. Накормлю до сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство.

А. Колцовъ.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука везти съ поклажей возъ взяли, и вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись; изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу! Поклажа бы для нихъ, казалось, и легка; да Лебедь рвется въ облака, Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду. Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ; да только возъ и нынѣ тамъ.

ЩУКА И КОТЪ.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло за кошачье приняться ремесло. Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ, иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ? Но только вздумала Кота она просить, чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—мышей въ амбарѣ половить.

— Да, полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу? сталъ Щукѣ Васька говорить:—смотри, кума, чтобы не осрамиться: недаромъ говорится, что дѣло мастера боится.

— И полно, куманекъ! Вотъ невидаль—мышей! Мы лавливали и ершей.

— Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!

Пошли, засѣли. Натѣшилса, наѣлся Котъ, и кумушѣу провѣдать онъ идетъ: а Щука, чуть жива, лежитъ разинувъ ротъ,—и крысы хвостъ у ней отѣли. Тутъ, видя, что кумъ совсѣмъ не въ силу трудъ, кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука, тебѣ наука: впередъ умнѣе быть и за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!—Небо, ельникъ и песокъ: не-веселая дорога...—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! — Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Не стыдися! что за дѣло? это многихъ славныхъ путь. Вижу я въ котомкѣ книжку. Такъ, учиться ты идешь... Знаю: батка на сынишку издержалъ послѣд-ній грошъ. Знаю, старая дьячиха отдала четвертачекъ, что про-ѣзжая купчиха подарила на чаекъ. Или, можетъ, ты дворовый, изъ отпущенныхъ? Ну, чтожъ! случай тоже ужъ не новый: не робей, не пропадешь... Скоро ты узнаешь въ школѣ, какъ архан-гельскій мужикъ, по своей и Божьей волѣ, сталъ разуменъ и ве-ликъ. Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—кто-нибудь свезетъ въ Москву, будешь въ университетѣ—сонъ свершится на яву! Тутъ ужъ поприще широко; знай работай, да не трусь!...

Н. Некрасовъ.

З И М А.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,	Въ тулупѣ, въ красномъ кушаекѣ.
На дровняхъ обновляетъ путь;	Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ:
Его лошадка, снѣгъ почуя,	Въ салазки <i>жучку</i> посадивъ,
Плетется рысью какъ-нибудь;	Себя въ коня преобразивъ;
Бразды пушистыя взрывая,	Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Летитъ кибитка удалая;	Ему и больно, и смѣшно,
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ,	А мать грозитъ ему въ окно.

А. Пушкинъ.

ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—Мышенокъ, не ви-давшій свѣта, попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей.

— Оставя нашу нору и перебравшись черезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышенокъ, ко-торый хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ, съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри, самъ не

зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! Другой—нахаль, крикунъ, теперь лишь будто съ бою! весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ; надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ какой-то огненного цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ и такъ ужасно горло дралъ, что я таки не трусь, а подавай Богъ ноги—скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! безъ него я вѣрно-бы въ другомъ нашелъ наставника и друга! Въ глазахъ его была написана услуга; какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры: смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня, головка пестрая и вдоль спины узоры; а уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами.

— А я тебѣ на то скажу, Мышенка мать остановила, что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ... Коть! Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой-же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель. Нетолько отъ него не видимъ мы вреда иль огорченья, но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ Соловья и говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище! Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище; хотѣлъ-бы очень я самъ посудить, твое услышавъ пѣнье, велико-ль подлинно твое умѣнье?“ Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ: защелкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ, танулъ, переливался; то нѣжно онъ ослабѣвалъ и томной вдаль свирѣлью отдавался, то мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался. Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры: затихли нѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада. Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался, и только иногда, внимая соловью, пастушкѣ улыбался. Скончалъ пѣвецъ.

Осель, уставясь въ землю лбомъ, „изрядно“, говорить: „сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно; а жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ: еще-бъ ты болѣ навострился, когда-бы у него немножко поучился“. Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей. Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

И. Крыловъ.

СКАЗКА О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ, по прозванью Осиновый-Лобъ. Пошелъ Кузьма по базару посмотрѣть кой-какого товару. На встрѣчу ему Балда идетъ, самъ не зная куда. „Что, дядюшка, такъ рано поднялся? чего ты выискался?“ Кузьма ему въ отвѣтъ: „нуженъ мнѣ работникъ—поваръ, конюхъ и плотникъ. А гдѣ найти мнѣ такого служителя, не слишкомъ дорогого?“ Балда говоритъ: „буду служить тебѣ славно, усердно и очень исправно въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу; ѣсть же давай мнѣ вареную полбу“. Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ, сталъ почесывать лобъ. Щелчокъ щелчку вѣдь розъ — да понадѣялся на русскій *авось*. Кузьма говоритъ Балдѣ: „ладно! не будетъ намъ обоимъ накладно. Поживи-ка на моемъ подворьѣ, окажи свое усердье и проворье“.

Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ, спитъ себѣ на соломѣ, ѣсть за четверыхъ, работаетъ за семерыхъ; до-свѣтла все у него пляшетъ; лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ, печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ, яичко испечетъ, да самъ и облупитъ. Хозяйка Балдой не нахвалится, ихъ дочка Балдой лишь и печалится, сынокъ ихъ зоветъ его тятей; кашу заваритъ, няньчится съ дитятей; одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ, никогда его не приголубитъ, о расплатѣ думаетъ частенько. Время идетъ и сроеъ уже близенько. Кузьма не ѣсть, не пьетъ. ночи не спитъ: лобъ у него заранѣе трещитъ. Вотъ онъ женѣ признается: такъ и такъ, что дѣлать остается? Умъ у бабы догадливъ, на всякія хитрости повадливъ.

Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: „знаю средство, какъ удалить отъ насъ такое бѣдство: закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь, а требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь; тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь, и Балду-то безъ расплаты отправишь“.

Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе; началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе. Вотъ онъ кричитъ: „поди-ка сюда, вѣрный мой работникъ Балда! Слушай: платить обязались черти мнѣ оброкъ до самой моей смерти; лучшаго-бъ не надобно дохода, да есть на нихъ недоимки за три года. Какъ наѣшься ты своей полбы, собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный“.

Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря, пошелъ, да и съѣлъ у берега моря; тамъ онъ сталъ веревку крутить, да конецъ ее въ морѣ мочить. Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ: „зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?“ — „Да вотъ веревкой хочу море морщить. да васъ, проклятое племя, корчить“. — Бѣса стараго взяла тутъ унылость. — „Скажи, за что такая немилость?“ — „Какъ за что? Вы не платите оброка, не помните положеннаго срока; вотъ уже будетъ намъ потѣха, вамъ, собакамъ, великая помѣха!“ — „Балдушка, погоди ты морщить море, оброкъ сполна ты получишь скорѣе. Погоди, вышлю къ тебѣ внука“. — Балда мыслить: „этого провестъ не штуеа!“

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ, замыкалъ онъ, какъ голодный котенокъ. „Здравствуй, Балда мужичекъ: какой тебѣ надобно оброкъ? Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали, не было чертамъ такой печали; ну, такъ и быть — возьми, да съ уговору, съ общаго нашего приговору — чтобы впредь не было никому горя: кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря, тотъ и бери себѣ полный оброкъ; между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ“. Засмѣялся Балда лукаво: „Что это ты выдумалъ, право? Гдѣ тебѣ тягаться со мною, со мною, съ самимъ Балдою? Экаго послали супостата! Подожди-ка моего меньшого брата“.

Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ, поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ. Къ морю опять онъ приходитъ; у моря бѣсенка

находить. Держить Балда за уши одного зайку: „Попляши-ка ты подь нашу балалайку; ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ, со мною тягаться слабенекъ—это была-бъ лишь время трата. Обгони-ка сперва моего брата. Разъ, два, три! Догоняй-ка“. Пустились бѣсенокъ и зайка: бѣсенокъ по берегу морскому, а зайка въ лѣсокъ, до дому. Вотъ, море кругомъ обѣжавши, высунувъ языкъ, мордку поднявши, прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь, весь мокрешенекъ, лапкой утираясь, мысля: дѣло съ Балдою сладить. Глядь: а Балда братца гладить, приговаривая: „Братецъ мой любимый, усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый“. Бѣсенокъ оторопѣлъ, хвостикъ поджалъ, со-вѣмъ присмирѣлъ, на братца поглядываетъ бокомъ. „Погоди“, говоритъ, „схожу за оброкомъ“. Пошелъ къ дѣду, говоритъ: „Вѣда! обогналъ меня меньшей Балда!“ Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу; а Балда надѣлалъ такого шуму, что все море смутилось и волнами такъ и расходилось.

Вылѣзъ бѣсенокъ... „Полно, мужичекъ: выплемъ тебѣ весь оброкъ“. — „Нѣтъ“, говоритъ Балда, „теперь моя чередя—условіе самъ назначу, задамъ тебѣ, враженекъ, задачу. Посмотримъ, какова у тебя сила! Видишь тамъ сивая кобыла? Кобылу подыми-ка ты, да неси ее полверсты; снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой; не снесешь кобылы—онъ будетъ мой“.

Вѣдненькій бѣсъ подь кобылу подлѣзъ, понатужился, понепружился, приподнявъ кобылу два шага шагнулъ, на третьемъ упалъ, ножки протянулъ. А Балда ему: „Глупый ты, бѣсъ, куда ты за нами полѣзъ? и руками-то снести не могъ, а я, смотри, снесу промежь ногъ“. Слѣлъ Балда на кобылу верхомъ, да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ. Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду пошелъ рассказывать про такую побѣду. Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ, да на Балду взвалили мѣшокъ.

Идетъ Балда, покрякиваетъ; а Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ, за хозяйку прячется, со страху корячится. Балда его тутъ отыскалъ, отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ. Вѣдный вупецъ Кузьма Остолопъ подставилъ лобъ. Съ перваго щелчка—

прыгнуль Кузьма до потолка; со второго щелчка — лишился Кузьма языка; а съ третьяго щелчка — вышибло умъ у старика. А Балда приговариваль съ укоризной: „Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!..“

А. Пушкинъ.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЪЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой, тихохонько медвѣдя толкъ ногой: „Смотри-ка, говорить, кумъ милый мой! что это тамъ за рожа? какіе у нея ужимки и прыжки! Я удавилась бы съ тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа; а вѣдь, признайся, есть изъ кумушекъ моихъ такихъ кривляекъ пять, шесть; я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.

— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, вума, оборотиться? ей Мишка отвѣчалъ. Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропаль.

И. Крыловъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточекъ, дикій, нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой. И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитриевъ.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣеть снѣгъ,	«Мы молодой весны гонцы!
А воды ужъ весной шумять,	«Она насъ выслала впередъ...»
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,	Весна идетъ, весна идетъ!—
Бѣгутъ и плещутъ, и гласятъ...	И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Онѣ гласятъ во всѣ концы:	Румяный, свѣтлый хороводъ
«Весна идетъ! Весна идетъ!	Толнится весело за ней.

Ө. Тютчевъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотреть мѣсяцъ ясный въ колыбель твою. Стану сказывать я сказки, пѣсенку спою; ты-жъ дремли, закрывши глазки,—баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ, плещеть мутный валъ; злой Чеченъ ползеть на берегъ, точить свой кинжалъ. Но отецъ твой старый воинъ, закаленъ въ бою; спи, малютка, будь спокоенъ,—баюшки-баю.—Самъ узнаешь, будетъ время, бранное житье; смѣло вдѣнешь ногу въ стремя и возьмешь ружье. Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью... Спи, дитя мое родное,—баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой. Провожать тебя я выйду — ты махнешь рукой... Сколько горькихъ слезъ украдкой я въ ту ночь пролью!.. Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,—баюшки-баю.

Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать; стану цѣлый день молиться, по ночамъ гадать; стану думать, что скучаешь ты въ чужомъ краю .. спи-жъ, пока заботъ не знаешь,—баюшки-баю. Дамъ тебѣ я на дорогу образокъ святой: ты его, моляся Богу, ставь передъ собой; да готовясь въ бой опасный, помни мать свою... Спи, младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю.

М. Лермонтовъ.

Л Ю Б О П Ы Т Н Ы Й.

— Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?

— Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, повѣришь-ли, не станеть ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата! Куда на выдумки природа таровата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! Какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ коралль! Какія крохотны коровки! есть, право, менѣе булавочной головки!

— А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

У Р О Ж А Й.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула; по лицу земли туманъ стелется; разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше темя горъ, нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась—что задумалась, словно вспомнила свою родину... Понесутъ ее вѣтры буйные во все стороны свѣта бѣлаго... Ополчается—громомъ, бурей, огнемъ-молніей, дугой-радугой; ополчилась—и расширилась, и ударила, и пролилася слезой крупною—проливнымъ дождемъ на земную грудь на широкую. И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля досыта.

На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не посмотрятся. Люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За-одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ изъ закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали—Богу-Господу помолилися, чѣмъ-свѣтъ по полю все разѣхались и пошли гулять другъ за дружкой, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьемъ порасчесывать...

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремать колосомъ почти до земли. Словно Божій гость, на все стороны, дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается...

Люди семьями принялися жать, косить подъ корень рожь высокую. Въ копны частыя снопы сложены; отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка. На гумнахъ, вездѣ, какъ князя, скирды широко сидятъ, поднявъ головы. Видитъ солнышко—жатва кончена: холодѣй оно пошло къ осени; но жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери.

А. Колычевъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы растворилися; на коняхъ, на саняхъ гости вѣхали. Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись, со двора повели

въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набранные, на сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые. На столахъ курь, гусей много жаренныхъ; пироговъ, ветчины блюда полные.

Бахрамой, кисеей принаряжена, молодая жена, чернобровая, обходила подругъ съ поцѣлуями, разносила гостямъ чашу горькаго.

Самъ хозяинъ, за ней, брагой хмѣльною изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ подчуетъ; а хозяйская дочь медомъ сыченымъ обносила кругомъ съ лаской дѣвичей.

Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ про хлѣба, про покось, про старинушку: какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродить намъ? какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено? Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ, шумъ въ темной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ виденъ по снѣгу.

А. Кольцовъ.

Л И С И Ц А И О С Е Л Ъ .

„Откуда умная бредешь ты голова?“ Лисица, встрѣтятся съ Осломъ, его спросила.— „Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила! Бывало, зарычить, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого урода; а нынѣ, въ старости, и дряхлѣ, и хилѣ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь-ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь прежній страхъ. И заплатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шелъ, всякъ выщаль ему по своему; кто зубомъ, кто рогами...“ — „Но ты коспуться льва, конечно, не дерзнулъ?“ Лиса Ослу перерываетъ.— „Вотъ-на!“ Оселъ ей отвѣчаетъ: „а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пускай ослиныя копыта знаютъ!“

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты, не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды; но упади лишь съ высоты — отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

П Ъ С Н Я В Ъ Д Н Я К А

Куда мнѣ голову склонить? Покинуть я и сирь; хотѣль-бы весело хоть разъ взглянуть на Божій міръ. И я въ семьѣ моихъ родныхъ когда-то счастливъ былъ; но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ схоронилъ. Я вижу замки богачей и ихъ сады кругомъ. Моя-жъ дорога мимо ихъ съ заботой и трудомъ. Но я счастливыхъ не дичусь, моя печаль въ тиши; я всѣмъ веселымъ радъ сказать: *Богъ помочь!* отъ души.

О, щедрый Богъ! не вовсе-жъ я тобою позабнтъ: источникъ милости Твоей для всѣхъ равне открытъ. Въ селеняхъ каждомъ есть Твой храмъ съ сіяющимъ крестомъ, съ молитвой сладкой и съ Твоимъ доступнымъ алтаремъ. Мнѣ свѣтитъ солнце и луна, люблюсь на зарю и, слыша благовѣсть, съ Тобой, Создатель, говорю. И знаю: будетъ добрымъ пиръ въ небесной сторонѣ; тамъ буду праздновать и я, тамъ мѣсто есть и мнѣ.

В. Жуковскій.

У Т Р О.

Звѣзды меркнуть и гаснуть, въ огнѣ облака; бѣлый паръ по лугамъ разстилается; по зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка отъ зари алый свѣтъ разливается. Дремлетъ чуткій камышъ; тишь — безлюдье вокругъ, чуть примѣтна тропинка росистая. Кустъ задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ съ листьевъ брызнетъ роса серебристая. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщить, рябитъ; пронеслись утки съ шумомъ и скрылися; далеко, далеко колокольчикъ звенитъ. Рыбаки въ шалашѣ пробудилися, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ... а востокъ все горитъ-разгорается. Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ, и стоитъ собѣ лѣсъ, улыбается. Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ, за морями ночлегъ свой покинуло; на поля, на луга, на макушки ракиль золотыми потоками хлынуло. Ыдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ; по плечу молодцу все тяжелое... Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ! Здравствуй, солнце да утро веселое!

И. Шкитинъ.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами, ихъ приближно сбываетъ съ рукъ (а дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ), Медвѣдь задумалъ жить такими-же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу. Орѣшника, березняка и вязу мой Мишка погубилъ несмѣтное число; а не дается ремесло. Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта, и говорить: „сосѣдь, что за причина эта? Деревья таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“

— Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдь, чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ—въ терпѣнни.

И. Крыловъ.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковыми наѣлась желудей до сыта, до отвала; наѣвшись, высалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала. „Вѣдь это дереву вредить, ей съ дуба воронъ говоритъ: коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ“. — „Пусть сохнетъ, говоритъ Свинья: ни чуть меня то не тревожитъ: въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю; лишь были-бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“. — „Неблагодарная! промолвилъ Дубъ ей тутъ:—когда бы вверху могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что эти желуди на мнѣ растутъ“.

И. Крыловъ.

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота—да то лишъ горе, что всѣ ворота на запорѣ. Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ Кота и молить:

— Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужи-

ковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ. Все это вѣдь за мной.

— Проси скорѣй Степана: мужикъ предобрый онъ, Коть Васька говорить.

— То такъ; да у него я ободралъ барана.

— Ну, пощитайся у Демьяна.

— Боюсь, что на меня и онъ сердитъ; я у него унесъ козленка.

— Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

— Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!

— Ну, плохо-жъ!—Но, авось, тебя укроетъ Климыч!

— Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка.

— Что вижу, кумъ? Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ, сказалъ тутъ Васька Волку: какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобы на свою бѣду тебя спасли они. И правы,—самъ себя вини: что ты посѣялъ—то и жни.

И. Крыловъ.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день, бросая по долини тѣнь, листы на деревѣ съ зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своей, и вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали: „Не правда-ли, что мы краса долины всей? что нами дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво? что-бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право, хвалить себя мы можемъ безъ грѣха! Не мы-ль отъ зноя пастуха и странника въ тѣни прохладной укрываемъ. Не мы-ль красотой своей плясать сюда пастушекъ привлекаемъ? У насъ-же раннею и позднею зарей насвистываетъ соловей. Да вы, зефиры, сами почти не разгадаетесь съ нами“.—„Промолвить можно-бы спасибо тутъ и намъ“, имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно.—„Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?

Вы кто такіе тамъ, что дерзко такъ считаться съ нами стали! “
листы, по дереву шумя, залепетали. — „Мы тѣ, которые, здѣсь
роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ. Уже-ль не узнаете? Мы — корни
дерева, на коемъ вы цвѣтете. Красуйтесь въ добрый часъ! да
только помните ту разницу межъ насъ, что съ новою весной листь
новый народится; а если корень изсушится, — не станетъ дерева
ни васъ.“

И. Крыловъ.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, немощный, приди ты, радостный! Звонять во все-
нощной, къ молитвѣ благостной! И звонъ смиряющій всѣмъ въ
душу просится; окрестъ сзывающій, въ поляхъ разносится!.. Въ
Холмахъ, селѣ большомъ, есть церковь новая; воздвигла Божій
домъ сума торговая: и службы Божія богато справлены, иконъ
подножія свѣчьи уставлены. И старъ, и младъ войдетъ: сперва
помолится, поклонъ земной кладетъ, кругомъ поклонится!.. И
стройно клирное несется пѣніе, и дьяконъ мирное творить гла-
шеніе: о благодарственномъ трудѣ молящихся, о градѣ царствен-
номъ, о всѣхъ трудящихся.

Аксаковъ.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЬ.

Знать солнышко утомлено;	Буди заснувшіе цвѣты
За горы прячется оно,	И имъ расписывай листы;
Лучъ погашаетъ за лучемъ,	Потомъ медвяною росой
И алымъ тонкимъ облачкомъ	Пчелу-работницу напои,
Задержувъ ликъ усталый свой.	И чистыхъ капель межъ листовъ
Уйти готово на покой.	Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Пора ему и отдохнуть;	Зерну скорлупку расколи,
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.	И молодую изъ земли
Вездѣ-жь работа: на горахъ,	Былинку выведи на свѣтъ;
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;	Пичужкамъ приготожь обѣдъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,	Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
И всѣхъ притомъ благословляй.	А тѣхъ на гвѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ; Трава ложится полосой,
 Не забудь горячій свѣтъ Туда безоблачно сіяй
 Разсыпать на зеленый садъ, И сѣно въ кошны собирай,
 И золотистый виноградъ, Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ
 Отъ зноя листьями прикрыть, пестрѣлъ,
 И колосъ зрѣlostью налить. И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
 А если жаръ для стада жестокъ, И такъ совѣтъ не мудрено,
 Смани ихъ къ рошѣ въ холодокъ; Что разгорѣлося оно,
 И тучку темную скопи, Что отдыхаетъ на горахъ
 И травку влагой окропи, Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
 И яркой радугой съ небесъ И намъ, сходя за небосклонъ,
 Сойди на темный лугъ и лѣсъ. Въ прохладѣ шепчетъ: добрый
 А гдѣ подъ острою косою сонъ!

В. Жуковский.

МОЛИТВА ДИТАТИ.

Молись, дитя: тебѣ внимаешь И ихъ въ надзвѣздную обитель,
 Творецъ безчисленныхъ міровъ, Къ престолу Бога отнесетъ.
 И капли слезъ твоихъ считаетъ, Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
 И отвѣчать тебѣ готовъ. И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
 Быть можетъ, ангель твой храни- Такими-жъ свѣтлыми очами
 тель Тебѣ глядѣтъ на Божій свѣтъ!
 Всѣ эти слезы соберетъ *И. Никитинъ.*

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДУМА.

На восьмой десятокъ пять лѣтъ перегнулось, какъ одну я
 пѣсню, пѣсню молодую, пою-запѣваю старую погудкой; какъ одну
 я ляжку тяну безъ подмоги! Ровесникамъ дѣтки давно помогаютъ,
 только мнѣ на свѣтѣ перемѣны нѣту. Сынъ пошелъ на службу, а
 другой въ могилу; двѣ вдовы невѣстки: у нихъ дѣтей куча—
 все малъ-мала меньше; за одной головою ничего не знаютъ, гдѣ
 пахать, что сѣять, позабыли думать. Богу, знать, угодно наказать,
 подъ старость, меня, горемыку, такой тяготою. Сбыть съ двора не-
 вѣстою, пустить сиротъ въ люди — старики, на сходкѣ, про
 Кузьму что скажутъ? Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше, доволь мочь

и сила, доколь душа въ тѣлѣ, буду я трудиться; кто у Бога просить, да работать любить — тому невидимо Господь посылаетъ. Посмотришь—одинъ я батракъ и хозяинъ, а живу чѣмъ хуже людей семьянистыхъ? Лиха бѣда въ землю кормилицу ржицу мужичку закинуть; а тамъ Богъ уродить, Микола подсобить собрать хлѣбець съ поля: такъ его достанетъ годъ семью пробавить, пообыть подать съ шеи и нужды поправить, и лишней копѣйкой Божій праздникъ встрѣтить.

А. Колмоовъ.

УРОКЪ.

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:	За моей слѣди рукой:
Учить грамотѣ ребятъ	Это <i>иже</i> , а не <i>нашъ</i> ;
Весь сѣдой ворчунъ-старикъ,	Экой срамъ какой!
Отставной солдатъ.	Да прислушайте: съ полкомъ
—Я согнулся, я ужъ слабъ,	Въ Греціи я былъ,
А виды видалъ;	Въ двадцать, значить... а въ ка-
Унтеръ не былъ-бы, когда-бъ	комъ,
Грамотѣ не зналъ!	Значить, позабылъ.
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:	Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!	Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.	Счастье въ грамотѣ для васъ.
У меня-ль въ саду цвѣтокъ	Отстояли мы друзей!
Посадила я каждый самъ,	Разъ иду себѣ одинъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ	Вижу—школа для дѣтей
Грамотному дамъ.	У воротъ Аѳипъ.
Битый—правду говорить	Въ школѣ учиться морякъ,
Моль людей простыхъ—	Дѣтямъ не подстать;
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ:	Я взглянулъ—и какъ дуракъ
Грамотей—троихъ.	Началь хохотать.
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:	Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!	Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.	Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя, видишь карандашъ?

Но учитель мнѣ сказалъ:

«Ты глупѣй ребенка самъ:
«Ты героя осмѣялъ,
«Страшнаго врагамъ.
«Онъ за грековъ мстилъ—предъ
нимъ
«Трепеталь султанъ,
«И упаль, сожженъ живымъ,
Вражій капитанъ».
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

«Гордость края моего —
«Онъ Канари *) — да.
«Въ мѣрѣ встрѣтили его
«Горе и нужда;
«Онъ, умѣя побѣждать,
«Сѣлъ букварь учить,

«Все затѣмъ, чтобы опять
«Греціи служить!»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ,
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ...
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:

«Знанье — вольность, знанье —
свѣтъ:
«Рабство безъ него!»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ!

Беранже (переводъ Курочкина).

*) Канари—знаменитый греческій морякъ, много содѣйствовавшій освобожденію Греціи изъ-подъ власти турокъ: онъ, своими брандерами, сжегъ множество турецкихъ кораблей и о немъ говорили: «Турки боятся Канари болѣе, чѣмъ подводныхъ скалъ Архипелага».

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣль I.

Первое знакомство съ дѣтскимъ міромъ.

	стр.
Дѣти въ рошѣ	1
Дѣти въ училищѣ	3
Зима	8
Весна	10
Лѣто	14
Осень	19
О человѣкѣ	22
Чудный домикъ	35

Отдѣль II.

Изъ природы.

Лошадь	36
Корова	38
Осель	39
Овца	41
Одногорбый верблюдуъ или дрома- деръ	43
Сѣверный олень	45
Свинья	47
Слонъ	49
Кошка	52
Левъ и тигръ	54

	стр.
Собака	55
Волкъ	58
Лисица	59
Медвѣдь	60
Хорекъ	62
Бѣлки и другіе грызуны	64
Кротъ	68
Летучая мышь	69
Обыкновенная обезьяна	71
Тюлень	73
Китъ	75
Канарейка	77
Утка	79
Куры	81
Соловей	83
Ласточка	84
Аистъ	86
Бобчики и другія хищныя птицы	89
Дятель	91
Страусъ	93
Ящерица	95
Ужъ	96
Лягушка	99
Олунь	103
Сельдь	106
Стерлядь	108
Яблоны	110
Части яблоны	—

ХРЕСТОМАТІЯ.

Отдѣлъ I.

Басни и разсказы въ прозѣ.

	стр
Чѣмъ питается яблоня	112
Кленовое сѣмячко	113
Размноженіе растений	115
Польза, доставляемая человѣку жи- вотными и растеніями	117
Кремень	120
Глина и что изъ нея дѣлается	121
Поваренная соль	123
Сѣра	124
Производство стекла	—
Жѣлѣзо	126
Мѣдъ	128
Золото	129
Ртуть	131
Вода	132
Воздухъ	135
Путешествіе воды	139
Дождь	140
Роса, иней, снѣгъ и градъ	143
Вѣтеръ	144
Магнитъ	146

Отдѣлъ III.

Первое знакомство съ родиной.

Пѣздка изъ столицы въ деревню	150
Наше отечество	160
Что было въ Россіи за тысячу лѣтъ	161
Призваніе князей	162
Олеги	164
Пѣснь о вѣщемъ Олгѣ	165
Игорь	167
Ольга правительница	168
Святославъ	172
Первые удѣлы и междоусобія	177
Владиміръ язычникъ	179
Крещеніе Руси	180
Владиміръ христіанинъ	182
Святополькъ братоубійца	185
Ярославъ и первые его преемники	189
Основаніе Кіево-Печерской лавры	191

	стр.
Играющія собаки	1
Два козлика	—
Лошадь и оселъ	2
Вѣтеръ и солнце	—
Два плуга	3
Органы человѣческаго тѣла	4
Братъ и сестра	—
Любопытство	5
Гуси	6
Наблюдательность	7
Вѣрная собака	8
Боливая корова	9
Чужое яичко	10
Гадюка	12
Богатство	13
Добросовѣстный дикарь	14
Два путешественника	—
Дѣдушка и внучекъ (<i>Гримма</i>)	15
Раскаяніе	16
Паукъ	17
Пѣсня птички	18
Ось и чека (<i>Далъ</i>)	20
Что знаешь, о томъ не спрашивай (<i>Далъ</i>)	22
Медвѣдь и брѣвно	—
Байка о щукѣ зубастой	23
Лихо одноглазое	—
Вареный топоръ	25
Охотникъ до свавокъ	26
Никита Кожемяка	27
Богатырь Вольга и оратай Мяку- лушка	29
Юпитеръ и лошадь	31
Юпитеръ и овечка	32
Птицы	33
Грядки гвоздики	—

	СТР.
Сумка почталіона	34
Слѣвая лошадь	38

ОТДѢЛЪ II.

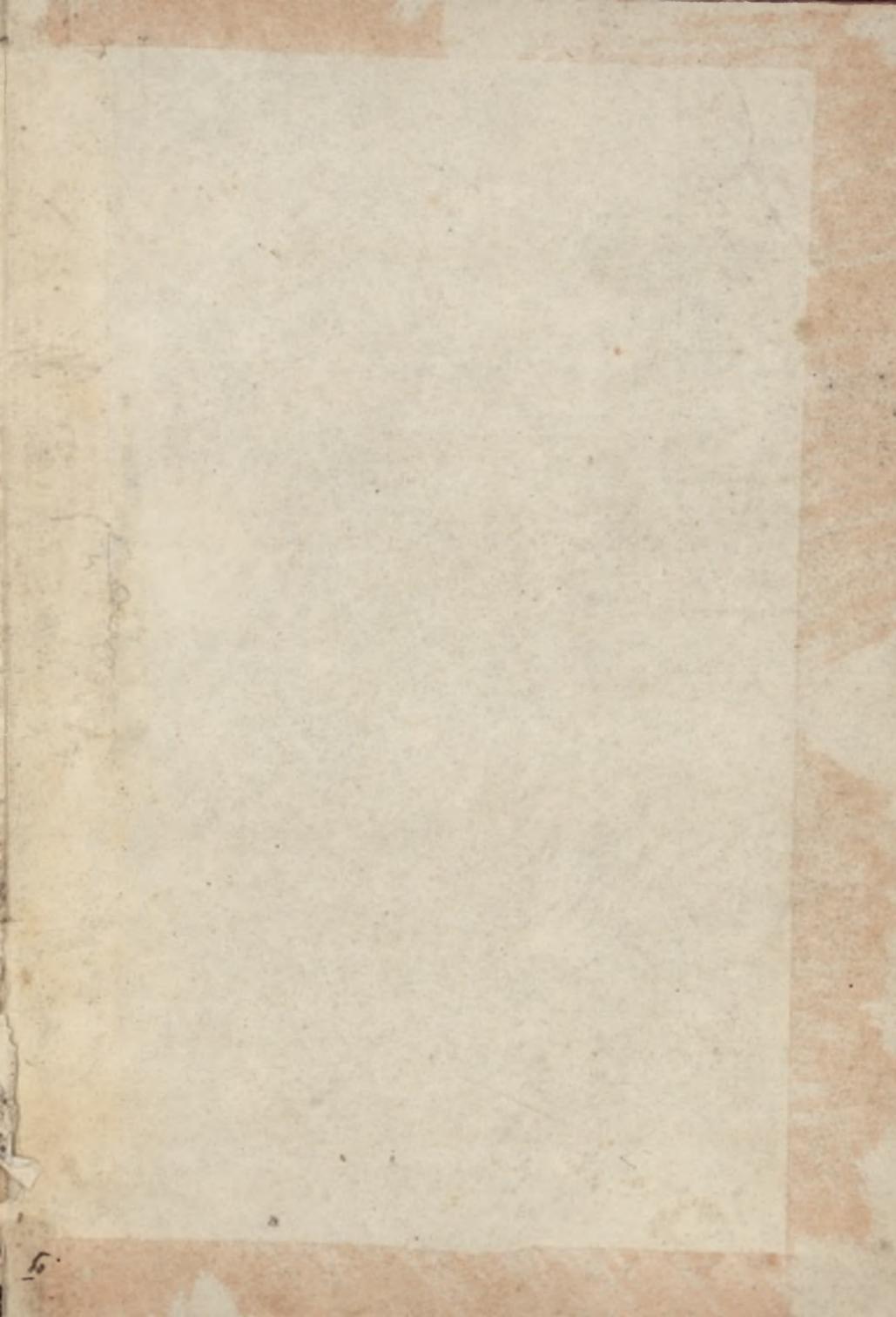
СТИХИ.

Пяточка (Пушкина)	41
Муха (Дмитріева)	42
Чижъ и голубь (Крылова)	—
Лисица и виноградъ (Его же)	—
Пѣтухъ и жемчужное верно (Его же)	—
Соловей и чижъ (Хемницера)	43
Мартышка и очки (Крылова)	—
Слонъ и моська (Его же)	—
О рыбагъ и рыбагъ (Пушкина)	44
Чижъ и вяблица (Дмитріева)	47
Мотъ и ласточка (Крылова)	48
Пѣсня пахаря (Кольцова)	—
Лебеди, щука и ракъ (Крылова)	49
Щука и котъ (Его же)	—
Школьникъ (Некрасова)	50
Зима (Пушкина)	—
Пѣтухъ, котъ и мышенокъ (Дмитріева)	—
Осель и соловей (Крылова)	51

	СТР.
Сказка о купцѣ Остолопѣ и работ- никъ его Балдѣ (Пушкина)	52
Зеркало и обезьяна (Крылова)	55
Полевой цвѣтокъ (Дмитріева)	—
Весенія воды (Тютчева)	—
Казачья колыбельная пѣсня (Лер- монтова)	56
Любопытный (Крылова)	—
Береза (Фета)	57
Ласточки (Майкова)	—
Весна (Его же)	—
Урожай (Кольцова)	58
Крестьянская пирушка (Его же)	—
Лисица и осель (Крылова)	59
Пѣсня бѣдняка (Жуковского)	60
Утро (Никитина)	—
Трудолюбивый медвѣдь (Крылова)	61
Свинья подъ дубомъ (Его же)	—
Волкъ и котъ (Его же)	—
Листы и корни (Его же)	62
Всенощная въ деревнѣ (Аксакова)	63
Лѣтній вечеръ (Жуковского)	—
Молитва дитяти (Никитина)	—
Крестьянская дума (Кольцова)	—
Урокъ (Беранже, пер. Курочкина)	65

191 - white ...
 192 - ...
 193 - ...
 194 - ...
 195 - ...
 196 - ...
 197 - ...
 198 - ...
 199 - ...
 200 - ...
 201 - ...
 202 - ...
 203 - ...
 204 - ...
 205 - ...
 206 - ...
 207 - ...
 208 - ...
 209 - ...
 210 - ...
 211 - ...
 212 - ...
 213 - ...
 214 - ...
 215 - ...
 216 - ...
 217 - ...
 218 - ...
 219 - ...
 220 - ...
 221 - ...
 222 - ...
 223 - ...
 224 - ...
 225 - ...
 226 - ...
 227 - ...
 228 - ...
 229 - ...
 230 - ...
 231 - ...
 232 - ...
 233 - ...
 234 - ...
 235 - ...
 236 - ...
 237 - ...
 238 - ...
 239 - ...
 240 - ...
 241 - ...
 242 - ...
 243 - ...
 244 - ...
 245 - ...
 246 - ...
 247 - ...
 248 - ...
 249 - ...
 250 - ...

251 - ...
 252 - ...
 253 - ...
 254 - ...
 255 - ...
 256 - ...
 257 - ...
 258 - ...
 259 - ...
 260 - ...
 261 - ...
 262 - ...
 263 - ...
 264 - ...
 265 - ...
 266 - ...
 267 - ...
 268 - ...
 269 - ...
 270 - ...
 271 - ...
 272 - ...
 273 - ...
 274 - ...
 275 - ...
 276 - ...
 277 - ...
 278 - ...
 279 - ...
 280 - ...
 281 - ...
 282 - ...
 283 - ...
 284 - ...
 285 - ...
 286 - ...
 287 - ...
 288 - ...
 289 - ...
 290 - ...
 291 - ...
 292 - ...
 293 - ...
 294 - ...
 295 - ...
 296 - ...
 297 - ...
 298 - ...
 299 - ...
 300 - ...

WYDZIAŁ PEDAGOGICZNY W KIELCACH
BIBLIOTEKA

151185

Biblioteka WSP Kielce

0126383